

ЧУВАШСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ
И ИСКУССТВ

DOAJ
seal

2023 | 16+

ISSN 2713-1688 (print)
ISSN 2713-1696 (online)

ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Международный научный журнал
Том 5 № 4

ETHNIC CULTURE

International academic journal
Vol. 5 No. 4

Этническая культура

Международный научный журнал
Том 5, № 4 | 2023

«Этническая культура» – междисциплинарный научно-практический рецензируемый журнал, представляющий результаты исследований в области этнических процессов и явлений. На страницах журнала публикуются статьи, проводятся дискуссии по широкому кругу проблем, касающихся методологических подходов к изучению этнических культур и их роли в истории человеческой цивилизации; различных аспектов межъязыковой и межкультурной коммуникации; вопросов сохранения культурных традиций в условиях глобализации и передачи этнокультурного опыта будущим поколениям.

Миссия журнала – предоставить возможность авторам ознакомиться со своими идеями широкий круг профессионалов, а читателям – быть в курсе актуальных вопросов изучения, сохранения и развития этнических культур в современном мире.

ОСНОВНЫЕ РАЗДЕЛЫ ЖУРНАЛА:

- Этнография, этнология и антропология:**
- 5.6.4. Этнология, антропология и этнография
 - 5.6.1. Отечественная история

- Языки и литературы народов мира:**
- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
 - 5.9.2. Литературы народов мира
 - 5.9.4. Фольклористика
 - 5.9.5. Русский язык. Языки народов России
 - 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

- Этнокультурные проблемы образования:**
- 5.8.1. Общая педагогика, истоки педагогики и образования
 - 5.8.7. Методология и технология профессионального образования

Обзоры и рецензии

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Баскакова Наталья Ивановна, канд. филос. наук, доцент, ректор, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, член-корреспондент Международной академии культуры и искусства, г. Чебоксары, Российская Федерация

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Фомин Эдуард Валентинович, канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация

Арестова Вероника Юрьевна, канд. пед. наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Фомин Эдуард Валентинович, канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация

КОРРЕКТОР:

Фомин Эдуард Валентинович, канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация

КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА:

Тевянова Екатерина Олеговна

Наименование органа, зарегистрировавшего издание	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 09 октября 2019 года (Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-76946 от 09 октября 2019 г.)
DOI	10.31483/a-10536
Год основания	2019
Периодичность	4 раза в год
Учредители журнала	БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики; ООО «Издательский дом «Среда»
Издатель журнала	ООО «Издательский дом «Среда»
Адрес редакции и издателя	428023, Россия, Чувашская Республика, г. Чебоксары, ул. Гражданская, д. 75, офис 12
Сайт	https://journalec.com
E-mail	info@journalec.com
Телефон	+7 (8352) 655-731
Подписка и распространение	Подписка на журнал осуществляется через систему электронной редакции на сайте, а также по e-mail info@journalec.com . Свободная цена.
Типография	Студия печати «Максимум», 428023, Чебоксары, Гражданская, д. 75, тел.: +7 (8352) 655-047 Печать цифровая. Бумага офсетная. Формат 60×84 1/8. Усл. печ. л. 8.84. Заказ K-1237. Тираж 100 экз.
Подписано в печать	27.12.2023
Дата выхода в свет	29.12.2023

Предназначено для детей старше 16 лет

Ethnic Culture

International academic journal
Vol. 5 No. 4 | 2023

Ethnic Culture is an interdisciplinary scientific and practical peer-reviewed journal that presents the results of studies in the field of ethnic processes and phenomena. The journal publishes articles and debates on a wide range of issues related to methodological approaches to the study of ethnic cultures and their role in the history of human civilization; various aspects of crosslinguistic and intercultural communication; issues of cultural traditions preservation in the context of globalization and the transfer of ethnocultural experience to future generations.

The mission of the journal is to provide an opportunity for authors to familiarize a wide range of professionals with their ideas, and for readers to be aware of current issues of studying, preserving and developing ethnic cultures in the modern world.

SECTIONS:

Ethnography, Ethnology and Anthropology:

- 5.6.4. Ethnology, anthropology and ethnography
- 5.6.1. Russian history

World languages and literature:

- 5.9.1 Russian literature and literature of peoples of the Russian Federation
- 5.9.2 Literature of the peoples of the world
- 5.9.4 Folklore studies
- 5.9.5 Russian language. Languages of peoples of Russia
- 5.9.8 Theoretical, applied and comparative-contrastive linguistics

Ethno-Cultural Problems of Education:

- 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education
- 5.8.7. Methodology and technology of professional education

Reviews and Peer-Reviews

CHIEF EDITOR:

Natalya I. Baskakova, candidate of philological sciences, associate professor, rector, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, associate fellow of International Academy of Culture and Art, Cheboksary, Russian Federation

DEPUTY CHIEF EDITORS:

Eduard V. Fomin, candidate of philological sciences, associate professor, head of the Humanities and Socio-Economic Disciplines Department, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

Veronika Yu. Arestova, candidate of pedagogical sciences, associate professor, leading research fellow, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

EXECUTIVE SECRETARY:

Eduard V. Fomin, candidate of philological sciences, associate professor, head of the Humanities and Socio-Economic Disciplines Department, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

PROOF-READER:

Eduard V. Fomin, candidate of philological sciences, associate professor, head of the Humanities and Socio-Economic Disciplines Department, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

COMPUTER LAYOUT:

Ekaterina O. Tevyanova

Authority registered	Journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media on October 9th, 2019 (The certificate of printed edition registration: ПИ №ФС77-76946 of 9 October 2019)
DOI	10.31483/a-10536
Year of Foundation	2019
Publication Frequency	Quarterly
Founders	BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs; LLC "Publishing house "Sreda"
Publisher	LLC "Publishing house "Sreda"
Postal address	75 Grazhdanskaya St., office12, Cheboksary, 428023, Russian Federation
Web-site	https://journalec.com
E-mail	info@journalec.com
Tel.	+7 (8352) 655-731
Subscription and distribution	The journal content is free. Subscribe form on the web-site and via e-mail: info@journalec.com
Printing House	Print Studio «Maximum», 75 Grazhdanskaya St., Cheboksary, 428023, Russian Federation, tel.: +7 (8352) 655-047. Digital print. Offset paper. Format 60×84 ½. Conditional printed pages 8.84. Order K-1237. Circulation 100 copies.
Signed in the print	27 December 2023
Date of publication	29 December 2023

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Данильченко Галина Дмитриевна, д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры рекламы и связи с общественностью, Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б.Н. Ельцина, г. Бишкек, Кыргызская Республика

Журавлева Евгения Александровна, д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан, Республика Казахстан

Иноятов Сулейман Иноятович, д-р ист. наук, профессор кафедры национальной идеологии, основ духовности и правового воспитания, Бухарский государственный университет, г. Бухара, Республика Узбекистан

Королева Вера Владимировна, д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой «Второй иностранной язык и методика обучения иностранному языку», Педагогический институт Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, г. Владимир, Российская Федерация

Лобачевская Ольга Александровна, д-р искусствоведения, профессор кафедры культурологии, Белорусский государственный университет культуры и искусств, г. Минск, Республика Беларусь

Масанори Гото, доктор гуманитарных наук (Ph.D., Human Science, Osaka University, 2003), профессор, научный сотрудник Центра славянских исследований Хоккайдского университета, г. Хоккайдо, Япония

Салмин Антон Кириллович, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Соегов Мурадгелди, д-р филол. наук, профессор, действительный член – академик Академии наук Туркменистана, внештатный научный консультант Института языка, литературы и национальных рукописей имени Махтумкули Академии наук Туркменистана, г. Ашхабад, Туркменистан

Стрелец Михаил Васильевич, д-р ист. наук, профессор кафедры гуманитарных наук, Брестский государственный технический университет, г. Брест, Республика Беларусь

Хамидова Марфуа Азизовна, д-р искусствоведения, профессор кафедры академического пения и оперной подготовки Государственной консерватории Узбекистана, г. Ташкент, Республика Узбекистан

Шарифов Рахмонали Ятимович, д-р ист. наук, доцент, и. о. профессора кафедры истории древнего мира, средневековья и археологии, декан факультета истории Таджикского национального университета, г. Душанбе, Республика Таджикистан

Янюгло Мария Александровна, д-р пед. наук, доцент кафедры педагогики и психологии, Комратский государственный университет, г. Комрат, Республика Молдова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Алдошина Марина Ивановна, д-р пед. наук, профессор, директор центра по взаимодействию с Российской академией образования, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, г. Орёл, Российская Федерация

Бакула Виктория Борисовна, д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой филологии и медиакоммуникаций, Мурманский арктический государственный университет, г. Мурманск, Российская Федерация

Берман Андрей Геннадьевич, канд. ист. наук, заведующий кафедрой отечественной и всеобщей истории, Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Российская Федерация

Брагина Дария Григорьевна, д-р ист. наук, главный научный сотрудник отдела этносоциальных и этноэкономических исследований, Академия наук Республики Саха (Якутия), г. Якутск, Российская Федерация

Бушueva Любовь Ивановна, канд. искусствоведения, старший научный сотрудник искусствоведческого направления, Чувашский государственный институт гуманитарных наук Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация

Владыкина Татьяна Григорьевна, д-р филол. наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела филологических исследований, Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, г. Ижевск, Российская Федерация

Годовова Елена Викторовна, д-р ист. наук, профессор кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Российская Федерация

Давлетишина Лейла Хасановна – д-р филол. наук, ученый секретарь Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Российская Федерация

Давыдов Денис Владимирович, д-р ист. наук, профессор кафедры социологии, политологии и менеджмента, Казанский национальный исследовательский технический университет им. А. Н. Туполева – КАИ, г. Казань, Российская Федерация

Джунджужов Степан Викторович, д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Российская Федерация

Иванова Алена Михайловна, д-р филол. наук, декан факультета русской и чувашской филологии и журналистики, Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Российская Федерация

Карпушина Лариса Павловна, д-р пед. наук, профессор кафедры художественного и музыкального образования, Мордовский государственный педагогический университет им. М. Е. Евсевьева, г. Саранск, Российская Федерация

Китинов Баатр Учавевич, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории Востока, Институт востоковедения Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Краюшкина Татьяна Владимировна, д-р филол. наук, главный научный сотрудник, заведующая Центром истории культуры и межкультурных коммуникаций Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО Российской академии наук, г. Владивосток, Российская Федерация

Кущаева Марина Васильевна, канд. филол. наук, научный сотрудник отдела урало-алтайских языков, Институт языкознания Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Лиходкина Ирина Александровна, д-р филол. наук, доцент кафедры французского языка, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Матлин Михаил Гершенович, д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка, литературы и журналистики, Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова, г. Ульяновск, Российская Федерация

Мосина Наталья Михайловна, д-р филол. наук, профессор кафедры английского языка для профессиональной коммуникации, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, г. Саранск, Российская Федерация

Напольнова Елена Марковна, д-р филол. наук, старший преподаватель кафедры тюркской филологии Института стран Азии и Африки, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Ооржак Байлак Чаш-ооловна, д-р филол. наук, главный научный сотрудник мирового института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (Кызыл)

Панькин Аркадий Борисович, д-р пед. наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова, г. Элиста, Российская Федерация

Прохоров Дмитрий Анатольевич, д-р ист. наук, старший научный сотрудник, доцент кафедры документоведения и архивоведения, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

Рахманов Бахтиёр Рузикулович, д-р филол. наук, профессор кафедры мировой литературы Российско-Таджикского (Славянского) университета, г. Душанбе, Республика Таджикистан

Сапожникова Юлия Львовна, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры английского языка, Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Российская Федерация

Сарбашева Алена Мустафаевна, д-р филол. наук, доцент, заведующая сектором карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – Филиала Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, г. Нальчик, Российская Федерация

Сафина Лилиана Михайловна, канд. филол. наук, доцент, заведующая кафедрой русистики, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), г. Москва, Российская Федерация

Сивкина Наталья Юрьевна, д-р ист. наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Института международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация

Султанбаева Клавдия Ивановна, д-р пед. наук, профессор кафедры дошкольного и специального образования, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан, Российская Федерация

Темербекова Альбина Алексеевна, д-р пед. наук, доцент, профессор кафедры педагогики, психологии и социальной работы, Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск, Российская Федерация

Узденова Фатима Таулановна, д-р филол. наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований – Филиала Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, г. Нальчик, Российская Федерация

Ульмасова Замирахон Хабибуллоевна, д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой современной таджикской литературы, Худжандский государственный университет имени академика Б. Гафурова, г. Худжанд, Республика Таджикистан

Федорова Светлана Николаевна, д-р пед. наук, профессор кафедры методологии и управления образовательными системами, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Российская Федерация

Фомин Эдуард Валентинович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация

Цаллагова Зарифа Борисовна, д-р пед. наук, ведущий научный сотрудник отдела Кавказа Орден Дружбы народов Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Эльбздукеева Тамара Умаровна, д-р ист. наук, первый заместитель генерального директора, Музей Чеченской Республики, заведующая отделом истории народов Северного Кавказа Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики, г. Грозный, Российская Федерация

Юсупова Альфия Шавкетовна, д-р филол. наук, профессор кафедры общего языкознания и тюркологии, Институт филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Российская Федерация

Юша Жанна Монгеевна, д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник лаборатории вербальных культур народов Сибири и Дальнего Востока Института филологии СО Российской академии наук, г. Новосибирск, Российская Федерация

Ягафова Екатерина Андреевна, д-р ист. наук, заведующая кафедрой философии, истории и теории мировой культуры, Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Российская Федерация

EDITORIAL COUNCIL:

Galina D. Danilchenko, doctor of historical sciences, associate professor, professor of the department of advertising and public relations of the Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Republic of Kyrgyzstan

Evgenia A. Zhuravleva, doctor of philological sciences, professor, head of the department of theoretical and applied linguistics, L. N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

Sulaymon I. Inoyatov, doctor of historical sciences, professor of the department of national ideology, fundamentals of spirituality and legal education at Bukhara State University (Uzbekistan), academician at Turon Academy of sciences, academician at "International Teacher's Training Academy of Science", Bukhara, Republic of Uzbekistan

Vera V. Koroleva, doctor of philological sciences, associate professor, head of the department "Second foreign language and methods of teaching foreign languages", Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russian Federation

Olga A. Lobachevskaya, doctor of art history, professor of the department of cultural studies of The Belarusian State University of Culture and Arts, Minsk, Republic of Belarus

Goto Masanori, doctor of humanities (Ph.D., Human Science, Osaka University, 2003), professor, research fellow of Hokkaido University, Hokkaido, Japan

Anton K. Salmin, doctor of historical sciences, leading research scientist Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Myratgeldi Soyegov, doctor of philological sciences, professor, full member-academician of the Academy of Sciences of Turkmenistan, visiting research adviser at Makhtumkuli Institute of Language, Literature and National Manuscripts of the Academy of Sciences of Turkmenistan, Ashgabat, Turkmenistan

Mikhail V. Strelets, doctor of historical sciences, professor of the department of humanities of Brest State Technical University, Brest, Republic of Belarus

Marfua A. Khamidova, doctor of art history, professor of the department of academic singing and opera training at The State Conservatory of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Rakhmonali Ya. Sharifov, doctor of historical sciences, associate professor, acting professor of the department of history of the ancient world, the middle ages and archaeology, dean of the faculty of history of the Tajik National University, Dushanbe, Republic of Tajikistan

Mariya A. Yanioglo, doctor of pedagogical sciences, associate professor of the department of pedagogy and psychology of State University of Comrat, Comrat, Republic of Moldova

EDITORIAL BOARD:

Marina I. Aldoshina, doctor of pedagogic sciences, professor, director of the Center for Interaction with the Russian Academy of Education of the Orel State University named after I. S. Turgenev, Orel, Russian Federation

Viktoria B. Bakula, doctor of philological sciences, professor, head of the department of philology and media communications, Murmansk Arctic State University, Murmansk, Russian Federation

Andrey G. Berman, candidate of historical sciences, head of the department of national and universal history, Chuvash I. Ya. Yakovlev State Pedagogical University, Cheboksary, Russian Federation

Daria G. Bragina, doctor of historical sciences, chief research fellow of the department of ethnosocial and ethnoeconomical research, Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Russian Federation

Lyubov I. Bushueva, candidate of art history, senior research fellow of art history, Chuvash State Institute of Humanities of the Ministry of Education and Youth of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

Tatyana G. Vlyadykina, doctor of philological sciences, professor, leading research fellow of Philological Research Department, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of RAS, Izhevsk, Russian Federation

Elena V. Godovova, doctor of historical sciences, professor of the department of Russian History, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation

Leila K. Davletshina, doctor of philological sciences, academic secretary of the G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation

Denis V. Davydov, doctor of historical sciences, professor of the department of sociology, political science and management, Kazan National Research Technical University named after A. N. Tupolev – KAI, Kazan, Russian Federation

Stepan V. Dzhunjuzov, doctor of historical sciences, associate professor, professor of the department of Russian history, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation

Alena M. Ivanova, doctor of philological sciences, dean of the faculty of Russian and Chuvash Philology and Journalism, I. N. Ulianov Chuvash State University, Cheboksary, Russian Federation

Larisa P. Karpushina, doctor of pedagogical sciences, professor of the department of art and music education, Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evseyev, Saransk, Russian Federation

Baatr U. Kitinov, doctor of historical sciences, leading research fellow of the department of Oriental History, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Tatiana V. Krayushkina, doctor of philological sciences, leading research fellow, head the Center for the Cultural History and Intercultural Communications of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East FEB RAS, Vladivostok, Russian Federation

Marina V. Kutsaeva, candidate of philological sciences, research fellow of the Ural-Altai languages department, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Irina A. Likhodkina, doctor of philological sciences, associate professor of the Department of French, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Mikhail G. Matlin, doctor of philological sciences, professor of Russian language, literature and journalism department, Ilya Ulyanov State Pedagogical University, Ulyanovsk, Russian Federation

Natalya M. Mosina, doctor of philological sciences, professor of the department of English for professional communication, National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation

Elena M. Napolnova, doctor of philological sciences, senior lecturer of the departments of Turkic philology of the Institute of Asian and African countries, Moscow State Lomonosov University, Moscow, Russian Federation

Bailak Ch. Oorzhak, doctor of philological sciences, leading research fellow at the Tuva Institute for Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva (Kyzyl)

Arkadiy B. Pankin, doctor of pedagogical sciences, professor, head of chair, Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov, Elista, Russian Federation

Dmitriy A. Prokhorov, doctor of historical sciences, senior research fellow, associate professor of the department of documentation and archival science, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation

Bahtiyor R. Rakhmanov, doctor of philological sciences, professor of the Department of World Literature of the Russian-Tajik Slavonic University of Dushanbe, Dushanbe, Republic of Tajikistan

Yulia L. Sapozhnikova, doctor of philological sciences, associate professor, professor of the Department of English Language, Smolensk State University, Smolensk, Russian Federation

Alena M. Sarbasheva, doctor of philological sciences, associate professor, head of the sector of Karachay-Balkar Literature of the Institute of Humanitarian Studies – Branch of the Kabardino-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russian Federation

Liliana M. Safina, candidate of philological sciences, associate professor, head of the department of Russian Studies, Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI), Moscow, Russian Federation

Natalia Yu. Sivkina, doctor of historical sciences, associate professor of the department of history of the ancient world and the middle ages of the Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Klavdiya I. Sultanbaeva, doctor of pedagogical sciences, professor of the department of preschool and special education, N.F. Katanov Khakas State University, Abakan, Russian Federation

Albina A. Temerbekova, doctor of pedagogical sciences, associate professor, professor of the department of Pedagogy, Psychology and Social Work, Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russian Federation

Fatima T. Uzdenova, doctor of philological sciences, senior research fellow at the Institute of Humanitarian Studies – Branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russian Federation

Zamirakhon Kh. Ulmasova, doctor of philological sciences, professor, head of chair of Modern Tajik Literature, Khujand State University named after Academician B. Gafurov, Khujand, Republic of Tajikistan

Svetlana N. Fyodorova, doctor of pedagogical sciences, professor of the department of methodology and management of educational systems, Mari State University, honoured educator of the Mary-El Republic, Yoshkar-Ola, Russian Federation

Eduard V. Fomin, candidate of philological sciences, associate professor, head of the department of humanities and socio-economic disciplines, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

Zarifa B. Tsallagova, doctor of pedagogical sciences, leading research fellow of the Caucasus Department of FPFIS Order of Peoples' Friendship "The Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (IEA)", Moscow, Russian Federation

Tamara U. Elbuzdukaeva, doctor of historical sciences, first deputy general director, Museum of the Chechen Republic, head of department of the history of the peoples of the North Caucasus of the Institute of Humanitarian Studies of the Academy of Sciences of the Chechen Republic, Grozny, Russian Federation

Alfiya Sh. Yusupova, doctor of philological sciences, professor of the department of general linguistics and turkology, Institute of philology and Intercultural Communication of the Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation

Zhanna M. Yusha, doctor of philological sciences, lead research fellow of Laboratory of Verbal Cultures of the Peoples of Siberia and the Far East of the Institute of Philology of the SB of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation

Ekaterina A. Yagafova, doctor of historical sciences, head of the department of philosophy, history and theory of world culture, Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russian Federation

От редактора	7
--------------------	---

Языки и литературы народов мира

Научная статья

Исследование случаев соответствия конструкций с послелогами сериальным глагольным конструкциям (на материале монгольских текстов XIII, XVII и XX вв.).....	8
---	----------

Б. Бямбажав

Обзорная статья

Мотив связи человека и животного в генеалогических преданиях бурят.....	15
--	-----------

З. А. Дебенова

Научная статья

К вопросу о формировании нормы в бесписьменном языке (на примере шугнанского языка).....	22
---	-----------

Л. Р. Додыхудоева

Обзорная статья

Боснийские фразеологические единицы с компонентом-ориентализмом тематической группы «Наименования сладких блюд».....	33
---	-----------

И. В. Кузнецова

Научная статья

«Строить и жить помогает»: о роли и функциях этнической песни в жизни московских чувашей и марийцев	40
--	-----------

М. В. Куцаева

Обзорные статьи

В последнее время: поволжское фэнтези Ш. Идиатуллина	49
---	-----------

М. С. Савельева, А. В. Савельев

Региональный компонент жаргона уличных группировок 1980-1990-х годов (на речевом материале г. Йошкар-Олы).....	54
---	-----------

Е. Г. Тонкова, Е. С. Ярыгина

Этнокультурные проблемы образования

Обзорные статьи

Обучение студентов английскому языку с использованием предметно-языковой CLIL-методики (на примере Республики Тыва)	60
--	-----------

Ч. К. Иргит

Учебник иностранного языка как семиотический феномен (на материале линейки учебников «English File»).....	68
--	-----------

Е. Е. Чикина, В. А. Аверина

Обзоры и рецензии

Рецензия на: Фомин Э. В., Ерина Т. Н. Русский язык в иноязычном окружении: чебоксарский региолект. Чебоксары: Издательство Чувашского университета, 2023. 167 с	74
--	-----------

Т. С. Садова

CONTENTS

From the editor-in-chief	7
--------------------------------	---

World languages and literature

Research Article

A study of cases of correspondence of constructions with postpositions to serial verb constructions (based on the material of Mongolian language texts of the 13th, 17th and 20th centuries).....	8
--	----------

Baiarzhargal Biambazhav

Review Article

The motif of a relationship between a human and an animal in genealogical legends of the buryats.....	15
--	-----------

Zinaida A. Debenova

Research Article

On the process of standardization in an unwritten language (based on the example of the Shughnani language).....	22
---	-----------

Leyli R. Dodykhudoeva

Review Article

Bosnian phraseological units with a component-orientalism of the thematic group “Names of sweet dishes”	33
--	-----------

Irina V. Kuznetsova

Research Article

“The song helps us to build and to live”: the role and functions of the ethnic song in Moscow Chuvash and Mari diasporic groups.....	40
---	-----------

Marina V. Kutsaeva

Review Articles

In these (end) times: Sh. Idiatullin’s Volgaic fantasy fiction	49
---	-----------

Maria S. Savelyeva, Alexander V. Savelyev

The regional component of the jargon of street groups of the 1980s and 1990s (based on the speech material of Yoshkar-Ola).....	54
--	-----------

Elena G. Tonkova, Elena S. Yarygina

Ethno-Cultural Problems of Education

Review Articles

Teaching English using the subject-language CLIL methodology (on the example of the Republic of Tuva)	60
--	-----------

Choduraa K. Irgit

Foreign language textbook as semiotic phenomenon	68
---	-----------

Elena E. Chikina, Valeria A. Averina

Reviews and Peer-Reviews

Review of: Fomin E. V., Erina T. N. Russian language in a foreign language environment: Cheboksary regiolect. Cheboksary : Chuvash university publishing house, 2023. 167 p.....	74
---	-----------

Tatiana S. Sadova

Дорогие авторы и читатели!

В заключительном выпуске нашего журнала за 2023 г. опубликованы статьи, посвященные фольклорному наследию, историко-лингвистическим и этнокультурным аспектам функционирования языков, межкультурным проблемам образования.

Одна из самых известных исследователей памирских языков сотрудник Института языкознания Российской академии наук Л. Р. Додыхудоева на примере шугнанского языка XX–XXI вв. анализирует понятия языковой нормы в бесписьменном языке. Языковые данные, приведенные в статье, имеют большое значение для сохранности шугнанского языка. По мнению автора, в настоящее время сложились условия для создания письменной традиции с единой нормативной системой письма, что обеспечит выработку его литературной нормы и повышение социолингвистического статуса.

Средневековые монгольские тексты стали предметом исследования в работе аспиранта Московского государственного лингвистического университета Б. Бямбажав. Автор дает репрезентативную картину функционирования и употребления послелогов и заменяющих их выражений в письменной истории монгольского языка и выделяет сериальные глагольные конструкции в качестве отдельного лингвистического явления.

Статья стажера-исследователя Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук З. А. Дебеновой основана на материале бурятского фольклора. В частности, ею используется ранее нигде не опубликованный и не известный документ из личного фонда С. П. Балдаева, хранящийся в архивной коллекции Центра восточных рукописей и ксилографов института.

Работа сотрудника Института языкознания Российской академии наук М. В. Куцаевой затрагивает проблему сохранения и дальнейшего бытования традиционного культурного наследия российских этносов в современном социуме. Автор приводит результаты социолингвистических обследований, проведенных в чувашской и марийской диаспорах московского региона.

Общие тенденции развития этнической темы в современной русскоязычной литературе рассматриваются в статье доцента Московского государственного института международных отношений М. С. Савельевой и научного сотрудника Института языкознания Российской академии наук А. В. Савельева.

Исследование ориентализмов, определение их роли и места в создании своеобразия боснийских фразеологизмов проведено И. В. Кузнецовой с позиций этнолингвокультурологии. Этнокультурным проблемам образования посвящена статья Е. Е. Чикиной и В. А. Авериной. В их работе читатели могут познакомиться с интересной оценкой учебной литературы с лингвистической точки зрения, в частности, анализом семиотической составляющей линейки учебников иностранного языка. Методические решения проблемы преподавания третьего языка, иностранного, студентам-тувинцам, являющимся билингвами, приведены в работе Ч. К. Иргит.

Редакция и редколлегия выражают искреннюю благодарность всем внешним экспертам журнала, которые поделились своим профессиональным мнением о публикуемых материалах.

Дорогие читатели, авторы и рецензенты! Редакционный совет, научный коллектив и руководство Чуваши государственного института культуры и искусств желают вам крепкого здоровья, новых научных открытий и творческих свершений!

Баскакова Н. И.,

ректор Чуваши государственного института культуры и искусств,
кандидат философских наук

A FOREWORD FROM THE EDITOR-IN-CHIEF

Dear authors and readers!

The final issue of our magazine for 2023 contains articles devoted to folklore heritage, historical, linguistic and ethnocultural aspects of the languages functioning and education intercultural problems.

One of the Pamir languages most famous researchers, L. R. Dodikhudoeva, the Linguistics Institute of the Russian Academy of Sciences employee, analyzes the linguistic norm concepts in a non-written language using the Shugnan language of the XX–XXI centuries example. The linguistic data given in the article are of great importance for the Shugnan language preservation. According to the author, now there are conditions for the creation of a written tradition with a unified normative writing system, which will ensure its literary norm development and increase its sociolinguistic status.

Medieval Mongolian texts have become the subject of research in the work of B. Byambazhav, a graduate student of the Moscow State Linguistic University. The author gives a representative picture of the postpositions functioning and use, also expressions replacing them in the Mongolian language written history and identifies serial verb constructions as a separate linguistic phenomenon.

The article by Z. A. Debenova, a research intern at Institute of the Mongolian Studies, Buddhism and Tibetology of the Russian Academy of Sciences Siberian Branch, is based on the Buryat folklore material. In particular, she uses a previously unpublished and unknown document from S. P. Baldaev's personal fund, stored in the archival collection of the Institute Center for Oriental Manuscripts and Woodcuts.

The work of M. V. Kutsayeva, an employee of the Linguistics Institute of the Russian Academy of Sciences, touches upon the problem of preserving and the traditional cultural heritage of Russian ethnic groups further existence in modern society. The author presents the sociolinguistic surveys results conducted in the Chuvash and Mari diasporas of the Moscow region.

General trends in the ethnic themes development in modern Russian-language literature are discussed in the article by Associate professor of the Moscow State Institute of International Relations M. S. Savelyeva and researcher at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences A. V. Savelyev.

The study of orientalisms, the definition of their role and place in Bosnian phraseological units creating the originality was done by I. V. Kuznetsova from the standpoint of ethnoinguoculturology. The article by E. E. Chikina and V. A. Averina is devoted to education ethnocultural problems Readers can get acquainted with an interesting assessment of educational literature from a linguistic point of view in their work, in particular, the semiotic component of a foreign language textbooks line analysis. Methodological solutions to the problem of teaching a third language, a foreign language, to Tuvan students who are bilinguals are given in the work of C. K. Irgit.

The editorial board expresses their sincere gratitude to all the external experts of the journal who shared their professional opinion about the published materials.

Dear readers, authors and reviewers! The Editorial Board, the scientific staff and the Chuvash State Institute of Culture and Arts leadership wish you good health, new scientific discoveries and creative achievements!

Natalia I. Baskakova,

rector of the Chuvash State Institute of Culture and Arts,
candidate of philosophical sciences

Исследование случаев соответствия конструкций с послелоговыми сериальными глагольными конструкциями (на материале монгольских текстов XIII, XVII и XX вв.)

<https://doi.org/10.31483/r-107600>

УДК 811.512.3'366.58

Бямбажав Б.^{1,2}¹ Московский государственный лингвистический университет

г. Москва, Российская Федерация.

² Железнодорожный институт

г. Улан-Батор, Монголия.

<https://orcid.org/0009-0008-8977-186X>, e-mail: bayarjargal.mslu@gmail.com

Резюме. В настоящей работе рассматриваются случаи соответствия конструкций с послелоговыми сериальными глагольными конструкциями, предпринимается попытка обозначить типологические особенности глагольной сериализации в монгольском языке. В качестве материала исследования используются письменные памятники разных временных срезов монгольского языка, а именно: латинская транскрипция летописи «Сокровенное сказание монголов» XIII в.; летопись «Алтан тобчи» XVII в.; перевод «Сокровенного сказания монголов» на современный монгольский язык XX в. На основе сравнительного анализа автором выявлено число подобных соответствий на конкретных временных срезах. В ходе исследования в текстах старших письменных памятников обнаружены по одному случаю употребления сериальных глагольных конструкций для передачи того же значения, которое в современном тексте выражается послеложной конструкцией. Остальные 12 случаев подобных соответствий – сериальная конструкция встречается именно в тексте XX в. – отображают тенденцию роста количества соответствий послелоговым сериальным конструкциям. Также на основе рассмотренных примеров сериальных конструкций можно предположить, что для монгольского языка характерна сериализация ассиметричного типа, предполагающая два или более глаголов с разным статусом, где основным компонентом может быть практически любой глагол, а второй компонент выбирается из ограниченного и замкнутого подкласса глаголов определенного семантического набора.

Ключевые слова: послелог, сериальная конструкция, сериализация, монгольский язык.

Для цитирования: Бямбажав Б. Исследование случаев соответствия конструкций с послелоговыми сериальными глагольными конструкциями (на материале монгольских текстов XIII, XVII и XX вв.) // Этническая культура. 2023. Т. 5, №4. С. 8-14. DOI 10.31483/r-107600. EDN CSSOOM

A study of cases of correspondence of constructions with postpositions to serial verb constructions (based on the material of Mongolian language texts of the 13th, 17th and 20th centuries)

Baiazhargal Biambazhav^{1,2} ¹ Moscow State Linguistic University
Moscow, Russian Federation.² Railway Institute

Ulan-Bator, Mongolia.

<https://orcid.org/0009-0008-8977-186X>, e-mail: bayarjargal.mslu@gmail.com

Abstract. The article deals with cases of correspondence of constructions with postpositions to serial verbal constructions, an attempt is made to identify the typological features of verbal serialization in the Mongolian language. As a research material, written monuments of different time slices of the Mongolian language are used, namely Latin transcription of the chronicle “The Secret History of the Mongols” of the XIII century; the chronicle “Altan tobchi” of the 17th century; translation of the “Secret History of the Mongol” into the modern Mongolian language of the XX century. Based on the analysis, the number of similar correspondences on specific time slices was revealed. So, in the texts of older written monuments, one case of the use of serial verbal constructions was found to convey the same meaning, which in the modern text is expressed by a postpositional construction. In all the other 12 cases of such correspondences – the serial construction occurs precisely in the text of the 20th century, there is a tendency for an increase in the number of correspondences of postpositions to serial constructions over the course of the history of the language. Also, based on the considered examples of serial constructions found in our comparative study, we can assume that the Mongolian language is characterized by serialization of an asymmetric type.

Keywords: postposition, serial verb constructions, serialization, Mongolian.

For citation: Biambazhav B. (2023). A study of cases of correspondence of constructions with postpositions to serial verb constructions (based on the material of Mongolian language texts of the 13th, 17th and 20th centuries). *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 5(4), 8-14. EDN: CSSOOM. <https://doi.org/10.31483/r-107600>.

Введение

Данная статья является частью сравнительного исследования функционирования и употребления послелогов и заменяющих их выражений на

протяжении письменной истории монгольского языка на материале разновременных текстов.

Монгольский язык часто называют послеложным, поскольку для него характерна высокая частотность

употребления релятивных слов. В связи с чем интересен вопрос о том, как данная особенность языка проявляется на разных срезах его истории, чем тот или иной случай употребления послелого может выражаться на других стадиях развития языка.

В основу исследования положен материал уникального письменного памятника монгольского языка XIII столетия «Сокровенное сказание монголов». Его часть в свою очередь была включена в другой письменный источник XVII в. – «Алтан тобчи». Кроме того, имеется перевод «Сокровенного сказания монголов» на современный монгольский язык.

В ходе исследования, предметом которого является анализ функционирования послелогов и заменяющих их конструкций, были обнаружены случаи, когда послелогам одних временных срезов в других эпохах соответствуют сериальные конструкции. Поскольку сериальные конструкции в монгольском языке не только не были предметом специального исследования, но и нет ни одной работы, описывающей существование подобных конструкций в нем, вопрос глагольной сериализации языке мы можем рассматривать лишь в рамках анализируемых нами материалов и соответствий. Следовательно, без специального исследования нет возможности определить тип подобных конструкций в изучаемом языке, описать их в историческом плане, и лишь даем общие представления и предположения на основе полученных в результате сравнительного анализа данные.

Материал и методы исследования

В качестве материала исследования нами были отобраны соответствующие параграфы и главы в следующих текстах: 1) латинская транскрипция летописи «Сокровенное сказание монголов» XIII в. (далее – ССМ XIII) [Rachewiltz, 1972]; 2) летопись «Алтан тобчи» XVII в. (АТ XVII) [Ligeti, 1974]; 3) перевод «Сокровенного сказания монголов» на современный монгольский язык XX в. (ССМ XX) [Дамдинсурэн, 1957].

В ходе анализа в конце каждого примера обозначается номер параграфа (в текстах ССМ XIII и ССМ XX) или главы (в тексте АТ XVII), из которых было взято предложение. Соответствующие на разных срезах слова даются с тильдой с сохранением орфографии памятников.

Методами исследования послужили сопоставительный, описательный, количественный, сравнительно-исторический.

Результаты исследования и их обсуждение

1. Сериальные глагольные конструкции: определение, общие признаки

Прежде чем рассмотреть в письменных памятниках соответствия конструкций с послелогом сериальным конструкциям нам необходимо обозначить, что понимается под глагольной сериализацией.

По определению А. Ю. Айхенвальд, сериальная конструкция – это последовательность глаголов, являющихся в предложении единым предикатом, не

имеющих какого-либо показателя сочинительной или подчинительной синтаксической связи, и описывающих единое событие [Aikhenvald, 2006, с. 1–4]. По М. Хаспельмату, сериальная конструкция – это моноклозальная конструкция, состоящая из множества независимых глаголов без связующего их элемента и без отношения предикат-аргумент между ними [Haspelmath, 2016, с. 292]. Основным отличием сериальных конструкций от полипредикативных клауз П. Ю. Скородумова называет то, что один из глаголов теряет лексическое значение и переходит в класс глагольных модификаторов [Скородумова, 2010, с. 3–6]. В. А. Плуноян отмечает, что сериальные конструкции отражают свойство многих языков более дробно членить действительность и передавать «с помощью глагольных лексем падежных (в широком смысле) и аспектуальных значений» [Плуноян, 1988, с. 111].

2. Анализ соответствий послелогам сериальных конструкций в рассматриваемых текстах

2.1. Соответствия послелогу *darā / darun / darun* сериальных конструкций

Послелогу *darā / darun / darun* ‘после, следом за’ в большинстве случаев в старших текстах соответствует тот же послелог, но в одном случае в текстах ССМ XIII и АТ XVII его значение передается сериальной конструкцией.

Финитный глагол данной сериальной конструкции *ide-* ‘есть’ в параллельных предложениях сохраняется, а аспектуальное значение завершенности действия в старших текстах передается деепричастием *bara’asu / barabasu* ‘окончив, исчерпав’.

Рассмотрим единственный пример, который нам встретился в анализируемых текстах:

ССМ XIII: ~ <i>šülen iden</i>	<i>bara’-asu</i> ~ [§ 229]
АТ XVII: ~ <i>silü iden</i>	<i>bara-basu</i> ~ [г. 8]
	[суп есть-CNV окончить-PTCP]

Букв.: ~ окончив есть суп ~

ССМ XX: ~ <i>šöl id-sen-ij</i>	<i>darā</i> ~ [§ 229]
	[суп есть-Perf.PTCP-GEN после]

Перевод: ~ после того, как съедим суп ~

Данные случаи являются единичными, когда финитный глагол предшествует нефинитному, во всех остальных случаях, также как и в современном монгольском языке, финитный глагол сериальной конструкции стоит в постпозиции к нефинитному.

2.2. Соответствия послелогу *esreg / esergü / esergü* сериальных конструкций

Послелог *esreg / esergü / esergü* ‘против, навстречу к’ в двух случаях в рассматриваемых текстах соответствует тому же послелогу. Однако в случаях где употребление послелого *esreg / esergü / esergü* в текстах старших памятников соответствует между собой, в тексте ССМ XX его значение передается сериальными конструкциями.

Рассмотрим пример, где в параллельных предложениях финитный глагол *bari-* ‘держат’, Этническая культура / Ethnic Culture (2023) Vol. 5 No 4, 8-14

хватать' сохраняется, в старших памятниках противительное значение передается послелогом *esreg / esergü / esergü*, а в тексте ССМ XX эту же семантику выражает деепричастие *esergüücež* 'боровшись, противившись':

ССМ XIII: ~ <i>teb-tenggeri</i> [Теб-Тенгри <i>bari-ju</i> хватать-CNV	<i>otcikin-u</i> Отчигин-GEN <i>barildu-ba</i> ~ [§ 245] бороться-PST]	<i>esergü</i> против	<i>jaq-a</i> ворот-ACC
---	---	-------------------------	---------------------------

АТ XVII: ~ <i>Teb-Tngri</i> [Теб-Тенгри <i>bari-ju</i> хватать-CNV	<i>Odčigen-i</i> Отчигин-GEN <i>barildu-ba</i> ~ [г.11] бороться-PST]	<i>esergü</i> против	<i>jiq-a</i> ворот-ACC
---	--	-------------------------	---------------------------

Букв.: ~ Теб-Тенгри, схватив против Отчигина за ворот, стал бороться ~

ССМ XX: ~ <i>Dev</i> [Теб <i>bari-v</i> ~ [§ 245] схватить-Perf.PRET]	<i>tenger Otčigin-i</i> Тенгри Отчигин-GEN	<i>zah-ās</i> ворот-ABL	<i>esergüüce-ž</i> сопротивляться-CNV
--	---	----------------------------	--

Перевод: ~ противившись Отчигину, Теб-Тенгри схватил его за ворот ~

Еще в одном случае, в памятниках XIII и XVII вв., противительное значение передается послелогом *esreg / esergü / esergü*, а в тексте ССМ XX эту же семантику выражает деепричастие *ugtaž* 'встретив (ехав), навстречу':

ССМ XIII: ~ <i>cinggis-qahan...</i> [Чингис-хан <i>morila-ju</i> прибывать-CNV	<i>jamuqa-yin</i> Чжамуха-GEN <i>dalan-baljut</i> Далан-балчжут	<i>esergü</i> навстречу <i>bayildu-ju</i> ~ [§ 129] сражаться-PST]	<i>inu</i> POSS
---	--	---	--------------------

АТ XVII: ~ <i>Činggis-qayan</i> [Чингис-хан <i>morila-ju</i> прибывать-CNV	<i>Jamuq-a-yin</i> Чжамуха-GEN <i>Dalan-Baljud-a</i> Далан-балчжуд-DAT / LOC	<i>esergü</i> навстречу <i>bayildu-ju</i> ~ [г.5] сражаться-PST]	<i>inu</i> POSS
---	---	---	--------------------

Перевод: ~ Чингисхан, двинувшись навстречу Чжамухе, сразился с ним при Далан-балчжутах ~

ССМ XX: ~ <i>Čingis xān</i> [Чингис хан <i>mord-öd</i> отправиться-PTCP <i>ged-eg</i> называться-Nab.PTCP	<i>Žamux-ig</i> Чжамуха-ACC <i>Dalanbalžud</i> Даланбалчжуд <i>gazar</i> место	<i>ugta-ž</i> встречать-CNV <i>bajld-av</i> ~ [§ 129] сражаться-Perf.PRET]
--	---	---

Букв.: ~ Чингисхан, отправившись навстречу Чжамухе, сразился с ним в месте, называемом Далан-балчжуд ~

2.3. Соответствия послелогу *ööd / ö'ede / ögede* сериальных конструкций

При анализе текстов были обнаружены случаи, когда пространственное значение послелога *ööd / ö'ede / ögede* 'вверх, выше; вверх по; в направлении', выражаемое в старших текстах послелогом *ööd / ö'ede / ögede*, в тексте ССМ XX передается сериальными конструкциями.

Так, в рассматриваемых ниже примерах финитный глагол *ire-* 'приходить' сохраняется, а в тексте ССМ XX для выражения пространственного значения вместо послелога *ööd / ö'ede / ögede* употребляется деепричастие *ögsöž* 'поднявшись':

ССМ XIII: ~ <i>tawur-müren</i>	<i>ö'ede</i>	<i>irejü</i> ~ [§ 253]
--------------------------------	--------------	------------------------

АТ XVII: ~ <i>Taur-mören</i> [Таур река	<i>ögede</i> вверх по	<i>irejü</i> ~ [г. 13] прийти-CNV]
--	--------------------------	---------------------------------------

Букв.: "Приходив вверх по реке Таур"

ССМ XX: ~ <i>Taur gol-ig</i> [Таур река-ACC	<i>ögsö-ž ...</i> подниматься -CNV	<i>ir-tügej</i> ~ [§ 253] приходить-IMP]
--	---------------------------------------	---

Букв.: ~ Приходите, поднявшись по реке Таур ~

2.4. Соответствия послелого *orčim / horcin / orčín* сериальных конструкций

Послелог *orčim / horcin / orčín* 'рядом, вблизи' в большинстве случаев в анализируемых текстах соответствует тому же послелого. Однако в одном случае пространственное значение, выражаемое в старших текстах данным послелогом, в тексте ССМ XX передается сериальной конструкцией. Так, в параллельных предложениях финитный глагол *saki-* 'сторожить' сохраняется, а вместо послелога в предложении ССМ XX появляется конверб *xürēlen* 'окружив':

ССМ XIII: ~ <i>tayici-'ut</i> [тайчиуд-PL <i>horcin</i> около	<i>ogo-n</i> войти-CNV <i>saki-ba</i> ~ [§ 79] сторожить-PST]	<i>yada-ju</i> мочь-CNV	<i>siqui-dur</i> бор-DAT / LOC
--	--	----------------------------	-----------------------------------

АТ XVII: ~ <i>Tayičiy-ud</i> [тайчиуд-PL <i>orčín</i> около	<i>ogo-n</i> войти-CNV <i>saki-ba</i> ~ [г. 3] сторожить-PST]	<i>yada-ju</i> мочь-CNV	<i>siyui</i> бор
--	--	----------------------------	---------------------

Перевод: ~ Тайчиудцы, не смоги войти, сторожили около бора ~

ССМ XX: ~ <i>tajč-ūd</i> [тайчиуд-PL <i>čad-san-güj</i> мочь- Perf.ПТСР-NEG	<i>šuguj-d</i> бор-DAT / LOC <i>xürēl-en</i> окружить-CNV	<i>or-ž</i> войти-CNV <i>saxi-v</i> ~ [§ 79] сторожить-PST]
--	--	--

Перевод: ~ Тайчиудцы не смогли войти в бор, сторожили, окружив (его) ~

2.5. Соответствия послелого *urū / huru'u / uruγu* сериальных конструкций

Послелог *urū / huru'u / uruγu* 'к, вниз, по течению, в направлении' в большинстве случаев в параллельных текстах соответствует тому же послелого. Однако при анализе текстов встречаются два случая, когда пространственное значение, выражаемое в старших текстах послелогом *urū / huru'u / uruγu*, в тексте ССМ XX передается сериальными конструкциями.

Так, в следующем примере финитный глагол *dürbe-* 'бежать' в параллельных старших текстах сохраняется, тогда как в тексте XX в. вместо послелога с пространственным значением *urū / huru'u / uruγu* появляется деепричастие *urūdan* 'спускаясь':

ССМ XIII: ~ <i>merkid-ün</i> [меркит-GEN <i>söni-de</i> ночь- DAT / LOC	<i>ulus</i> люди <i>dürbe-jü</i> ~ [§ 110] бежать-CNV]	<i>selengge</i> Сэлэнгэ	<i>huru'u</i> по
--	---	----------------------------	---------------------

АТ XVII: ~ <i>Merged</i> [меркит-GEN <i>šöni-de</i> ночь-DAT / LOC	<i>ulus</i> люди <i>dörbe-jü</i> ~ [гл. 8] бежать-CNV]	<i>Selengge</i> Сэлэнгэ	<i>uruγu</i> по
---	---	----------------------------	--------------------

Перевод: ~ ночью меркитские люди, бежав вниз по Селенге, ~

ССМ XX: ~ <i>mergid-ijn</i> [меркит-GEN <i>urūd-an</i> спускаясь-CNV	<i>uls</i> люди <i>dürve-ž</i> ~ [§ 229] бежать-CNV]	<i>ter</i> тот	<i>šönö</i> ночь	<i>Seleng-ijg</i> Сэлэнгэ-ACC
---	---	-------------------	---------------------	----------------------------------

Букв.: ~ Тою ночью меркитские люди, бежав, спускаясь вниз по Селенге, ~

Еще в одном случае пространственное значение, выражаемое в старших памятниках послелогом *urū / huru'u / uruγu*, в тексте ССМ XX передается сериальной конструкцией. В трех параллельных предложениях финитный глагол *ködel-* 'двинуться' сохраняется, а вместо послелога *urū / huru'u / uruγu* в ССМ XX употребляется деепричастие *čiglen* 'напрявляясь':

ССМ XIII: ~ <i>selengge</i> [Сэлэнгэ	<i>huru'u</i> вниз по	<i>gödöljü-'üi</i> ~ [§ 162] двинуться-PST]
---	--------------------------	--

АТ XVII: ~ <i>Selengge</i> [Сэлэнгэ	<i>uruγu</i> вниз по	<i>ködeljü-küi</i> ~ [гл. 8] двинуться-PST]
--	-------------------------	--

Букв.: ~ двинулись вниз по Селенге ~

CCM XX: ~ Seleng-ijg čigle-n xödlö-v ~ [§ 162]
 [Сэлэнгэ-ACC направиться-CNV двинуться-PST]

Букв.: ~ двинулись, направляясь к Селенге ~

2.6. Соответствия послелогу *zür / ja'ura / jaγura* сериальных конструкций

Послелог *zür / ja'ura / jaγura* ‘в течение, в промежутке; между, среди’ в анализируемых текстах в большинстве случаев соответствует тому же послелогу, а также синонимичным послелогам *dund* ‘между’, *xōrond* ‘между’. Кроме этого, встречается один случай, когда пространственное значение, выражаемое в старших памятниках послелогом *zür / ja'ura / jaγura*, в тексте CCM XX передается сериальной конструкцией. В параллельных предложениях финитный глагол *urus-* ‘течь’ сохраняется, а вместо послелога *zür / ja'ura / jaγura* появляется деепричастие *xolbož* ‘соединяя’:

CCM XIII: ~ buyur	na'ur	kölen	na'ur	qoyar	ja'ura
AT XVII: ~ Bunir	naγur	Kölen	naγur	qoyar-un	jaγura
[Буйр	озеро	Холэн	озеро	два-GEN	между
ursi'un	müren-ne ~ [§ 53]				
urusqu	mören-e ~ [г. 2]				
течь-CNV	река-DAT / LOC]				

Перевод: ~ на реке Уршиун, текущей между озерами Буйр и Колен ~

CCM XX: ~ Вujr	Xolen	хоjor	nūr-ijg	xolbo-ž
[Буйр	Холэн	два	озеро-ACC	соединять-CNV
ursax		Oršün	mörön-d ~ [§ 53]	
течь-Fut.PTCP		Оршун	река-DAT / LOC]	

Букв.: ~ на реке Уршиун, текущей, соединив озера Буйр и Колен ~

Заключение

Проделанный анализ показывает тенденцию роста в монгольском языке количества соответствий послелогов сериальным конструкциям. Так, соответствий послелогов сериальным конструкциям в тексте CCM XIII одно, в тексте AT XVII – одно, а в тексте CCM XX – двенадцать (см. диаграмму 1).

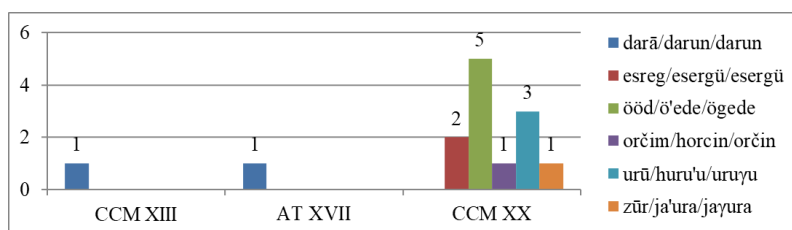

Диаграмма 1. Динамика изменений количества соответствий послелогов сериальным конструкциям по памятникам

Diagram 1. Dynamics of changes in the number of correspondences of postpositions to serial constructions by monuments

В ходе исследования были проанализированы шесть послелогов, которые в текстах разных временных срезов могут соответствовать сериальным конструкциям. Наибольшее число подобных соответствий имеет послелог *ööd / ö'ede / ögede* ‘вверх, выше; вверх по; в направлении’, а наименьшее – послелог *darā / darun / darun* ‘после, следом за’, *orčim / horcin / orčün* ‘рядом, вблизи’, *zür / ja'ura / jaγura* ‘в течение, в промежутке; между, среди’ (см. таблицу 1).

Также интересно отметить, что из четырнадцати случаев употребления сериальных конструкций для передачи значения послелога в двенадцати – нефинитные глаголы предшествуют финитному, и лишь в двух случаях основной финитный – нефинитному.

Вопрос сериализации в монгольском языке на сегодняшний день не подвергался глубокому изучению, поэтому есть трудности в определении типа сериализации в данном языке.

Однако на основе рассмотренных примеров сериальных конструкций, которые встречаются в нашем сравнительном исследовании, можно предположить, что для монгольского языка характерна сериализация ассиметричного типа, которая предполагает два или более глаголов с разным статусом, где основным компонентом может быть практически любой глагол, а второй компонент выбирается из ограниченного и замкнутого подкласса глаголов определенного семантического набора (направление; аспект, степень или изменение состояния; модальные значения обязательства, необходимости, вероятности и возможности; фазовые значения и др.).

Таблица 1. Число употребления послелогов по памятникам, а также количество случаев соответствия послелогов сериальным конструкциям

Table 1. The number of use of postpositions by monuments, the number of cases of correspondence of postpositions to serial constructions

№	Послелого	ССМ XIII	АТ XVII	ССМ XX	Общее число употреблений послелогов	Соответствия послелогов сериальным конструкциям по памятникам		
						ССМ XIII	АТ XVII	ССМ XX
1	darā / darun / darun	1	1	2	4	1	1	
2	esreg / esergü / esergü	4	4	2	10			2
3	ööd / ööede / ögede	18	16	14	48			5
4	orčim / horcin / orčim	5	5	4	14			1
5	urū / huru`u / uruγu	17	16	15	48			3
6	zūr / ja`ura / jayura	8	8	5	21			1
Всего:		53	50	42	145	1	1	12

Список сокращений

ССМ XIII – летопись «Сокровенное сказание монголов», XIII в.

АТ XVII – летопись «Алтан тобчи», XVII в.

ССМ XX – перевод «Сокровенного сказания монголов» на современный монгольский язык, XX в.

CNV – деепричастие

PTCP – причастие

Perf.PTCP – перфектное причастие

GEN – родительный падеж

ACC – винительный падеж

PST – прошедшее время

ABL – исходный падеж

Perf.PRET – перфектный претерит

DAT / LOC – дательный-местный падеж

Hab.PTCP – хабитуальное причастие

IMP – повелительное наклонение

PL – множественное число

Perf.PTCP – перфектное причастие

NEG – отрицание

Список литературы

Дамдинсүрэн Ц. Монголын нууц товчоо. Улан-Батор: Государственная типография, 1957. 278 хуудас. Перевод заглавия : Сокровенное сказание монголов.

Скородумова П. Ю. Сериальные конструкции в иврите : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.22. Москва, 2010. 166 с. EDN [QEZF0Z](#)

Плунгян В. А. Глагольная сериализация как лексический феномен // Лексикология и словообразование африканских языков. Москва, 1988. С. 99–112.

Aikhenvald A. Y. Serial verb constructions in typological perspective // Serial verbs constructions: a cross-linguistic typology. New York : Oxford university press, 2006 394 p.

Aikhenvald A. Y. Serial verbs. New York : Oxford university press, 2018. 320 p.

Ligeti L. Histoire secrète des Mongols: Texte en écriture ouïgoure, incorporé dans la Chronique Altan tobči de Blo-bzan bstan-'jin. Budapest, 1974. 204 p.

Bowden J. Verb serialisation in Taba. Serial verb constructions in Austronesian and Papuan Languages. Canberra : Pacific Linguistics, 2008. P. 75–98.

Haspelmath, M. The serial verb construction: comparative concept and cross linguistic generalizations // Language and Linguistics. 2016. P. 291–319.

Rachewiltz Igor de. Index to the secret history of the Mongols. Bloomington, 1972. Volume 121. 347p.

References

Damdinsuren, Ts. (1957). Mongolyn nuuts товчоо., 278. Ulan-Bator: Gosudarstvennaia tipografiia.

Skorodumova, P. Iu. (2010). Serial'nye konstruksii v ivrite., 166. Moskva. EDN: [QEZF0Z](#).

Plungian, V. A. (1988). Glagol'naia serializatsiia kak leksicheskii fenomen. *Leksikologiya i slovoobrazovanie afrikanskikh iazykov*, 99-112.

Aikhenvald, A. Y. (2006). Serial verb constructions in typological perspective. *Serial verbs constructions: a cross-linguistic typology*, 394. New York: Oxford university press.

Aikhenvald, A. Y. (2018). Serial verbs., 320. New York: Oxford university press.

Ligeti, L. (1974). Histoire secrète des Mongols: Texte en ecriture ouïgoure, incorpore dans la Chronique Altan tobci de Blo-bzan bstan-'jin., 204. Budapest.

Bowden, J. (2008). Verb serialisation in Taba. *Serial verb constructions in Austronesian and Papuan Languages*, 75-98. Canberra: Pacific Linguistics.

Haspelmath, M. (2016). The serial verb construction: comparative concept and cross linguistic generalizations. *Language and Linguistics*, 291-319.

(1972). Rachewiltz Igor de. *Index to the secret history of the Mongols.*, 347. Bloomington.

Информация об авторе

Бямбажав Баяржаргал – преподаватель, аспирант, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Российская Федерация; Железнодорожный институт, г. Улан-Батор, Монголия.
ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-8977-186X>;
e-mail: bayarjargal.mslu@gmail.com

Information about the author

Byambajav Bayarjargal – postgraduate student, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation; Railway Institute, Ulan-Bator, Mongolia.

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-8977-186X>;
e-mail: bayarjargal.mslu@gmail.com

Поступила в редакцию 22.07.2023

Принята к публикации 09.11.2023

Опубликована 18.12.2023

Received 22 July 2023

Accepted 09 November 2023

Published 18 December 2023

Мотив связи человека и животного в генеалогических преданиях бурят

<https://doi.org/10.31483/r-107451>
УДК 398.1 (571.531)

Дебенова З. А.

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН ROR
г. Улан-Удэ, Российская Федерация.

 <https://orcid.org/0000-0002-8824-6624>, e-mail: debenova@gmail.com

Резюме. В статье рассматривается разновидность мотива чудесного рождения ребенка у человека от представителя животного мира (зверя, птицы, рыбы) в повествованиях о происхождении бурятских племен и родов. Главная задача исследования состоит в выявлении структуры сюжетов, где присутствует данный мотив, определении его места, анализе закономерностей и вариантов его бытования. В качестве материалов исследования использованы варианты сюжетов с мотивом подобной связи, среди которых как уже опубликованные тексты из работ и сборников по бурятскому фольклору, так и не рассматриваемые ранее материалы из личного фонда С. П. Балдаева, хранящиеся в архивной коллекции Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН. Для выполнения поставленной цели были использованы описательный метод и метод структурного анализа. Предания, повествующие о происхождении основных бурятских племен Булагат, Эхирит, Хори и Хонгодор, считаются общебурятскими, в то время как предания о родах более локальны и сохраняются только среди представителей определенного рода. Автор приходит к выводу, что данный мотив находится в тесной связи с образами бурятских родоначальников, а его присутствие в генеалогических преданиях обусловлено стремлением к ощущению кровного родства с окружающей средой. Также в сюжетах прослеживаются патриархальные воззрения бурят.

Ключевые слова: мотив, бурятский фольклор, генеалогические предания, несказочная проза, чудесное рождение.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект №121031000302-9 «Памятники письменности народов России и Внутренней Азии на восточных языках и архивные документы XVIII — нач. XXI вв. в контексте межцивилизационного взаимодействия»).

Для цитирования: Дебенова З. А. Мотив связи человека и животного в генеалогических преданиях бурят // Этническая культура. 2023. Т. 5, №4. С. 15-21. DOI 10.31483/r-107451. EDN CTZZJL

Review Article

The motif of a relationship between a human and an animal in genealogical legends of the buryats

Zinaida A. Debenova

 Institute of Mongolian Buddhist and Tibetan Studies
Ulan-Ude, Russian Federation.

 <https://orcid.org/0000-0002-8824-6624>, e-mail: debenova@gmail.com

Abstract. The given article discusses the motif of the miraculous birth of a child from an animal in the narratives about the origins of Buryat tribes and clans. The study sets a goal of identifying the structure of plots where this motif is present, determine its place, analyze the patterns and describe the variations of its existence. The research materials include texts from works and collections on Buryat folklore as well as previously unconsidered materials from the personal fund of S. P. Baldaev, stored in the archive collection of the Center for Oriental Manuscripts and xylographs IMBT SB RAS. The legends that tell about the origin of the main Buryat tribes: Bulagat, Ekhirit, Khorī and Khongodor are considered common for all Buryat people, while the legends about clans are local and are preserved only among representatives of a certain clan. The author concludes that this motif is closely related to the images of the Buryat ancestors, and its presence in genealogical legends is conditioned by the people's strong need of feeling a deep bond with nature. In addition to that, the analysis of the material shows how patriarchal views of the Buryats are often highlighted in genealogical legends.

Keywords: Buryat folklore, genealogical legends, non-fabulous prose, motif, miraculous birth.

Funding. The article was prepared within the framework of the state assignment (project No. 121031000302-9 "Monuments of writing of the peoples of Russia and Inner Asia in Eastern languages and archival documents of the 18th – early 21st centuries in the context of intercivilizational interaction").

For citation: Debenova Z. A. (2023). The motif of a relationship between a human and an animal in genealogical legends of the buryats. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 5(4), 15-21. EDN: CTZZJL. <https://doi.org/10.31483/r-107451>.

Введение

Генеалогические и этногенеалогические предания занимают особое место в системе жанров бурятского фольклора. Родовая община издревле являлась традиционной для бурят социальной моделью, следовательно, родственные связи служили базой для регулирования общественных и межличностных отношений. Сюжеты генеалогических преданий повествуют об установлении подобных связей и обосновывают их легитимность, что играло большую роль в процессе формирования у индивида

национальной идентичности, построения целостной картины мира, а также выстраивании внутрисоциальных связей. Отечественный фольклорист С. П. Балдаев в своей работе, посвященной бурятским родословным легендам и преданиям, подчеркивал их важность следующим образом: «Незнание родословной племени, рода и улуса, происхождения и расселения их, легенд, преданий и сказаний, связанных с ними, а также родовых и племенных песен считалось большим позором» [Балдаев, 2019, с. 35].

Все монгольские народы, в том числе и буряты, традиционно придерживались строгих правил экзогамии, соблюдение которых подразумевало обязательное знание семейной родословной. Запрет на вступление в брак людям, имевшим родственников до седьмого, а в некоторых случаях и до девятого колена, соблюдался довольно строго. В связи с этим изначально сложилась традиция устного заучивания имен предков по отцовской, реже по материнской линии, а позднее и письменного составления семейного древа и генеалогических таблиц. Подобные таблицы становились основой для устных повествований о происхождении рода, биографий выдающихся людей и ключевых событиях из истории семьи. Именно предания о происхождении племени и рода с ранних лет закладывали основы для формирования личности, принадлежащей к определенному социально-этническому обществу. Данные сюжеты, помимо подлинных фактов об исторических событиях и личностях, нередко включают в себя разнообразные элементы мифологического мировоззрения. Так, родственные связи, обозначаемые в генеалогических таблицах, зачастую восходят к мифическим первопредкам – основателям племен, которые по сюжетам преданий так или иначе связаны с животными, птицами или рыбами: быком, лебедем, налимом и т. п.

В период поисков новых духовных ориентиров после распада Советского Союза материалы генеалогических преданий, на основе которых составлялись генеалогические таблицы, не утрачивают своей актуальности, а, наоборот, все чаще привлекают внимание общественности. Уже в советский период составление генеалогий становилось попыткой сохранения национальной идентичности и культурных ценностей, отличных от идей социализма, и потому такие таблицы могут рассматриваться скорее как альтернатива официальным версиям истории, нежели как средство реконструкции реальных родственных отношений между людьми [Zhanaev, 2020, с. 97]. То, что подобные генеалогии и фольклорные материалы в настоящее время становятся частью процесса формирования новой бурятской идентичности, неоднократно отмечается в работах Б. З. Нанзатова и М. М. Содномпиловой: «Как показывает опыт общения с многочисленными желающими восстановить родословную семьи, генеалогические мифы имеют огромное значение в деле реконструкции родословных» [Nanzatov, 2020, с. 50].

Первые исследователи, среди которых Г. Ф. Миллер, И. Фишер, А. Н. Радищев, Г. И. Спасский, в целях изучения происхождения бурятских родов обращались к генеалогическим преданиям еще в XVIII в. Тем не менее систематического изучения бурятского фольклора до XX в. не происходило, а сбор материалов носил стихийный характер. Бурятская фольклористика выделяется в качестве самостоятельной науки в советский период.

В отечественной фольклористике до сих пор актуальным является вопрос о жанрах сказочной прозы, и четких рамок между терминами «легенда», «предание» и «миф» на данный момент нет. Зачастую

авторы используют данные термины как синонимы по отношению к одним и тем же сюжетам, порой в одних и тех же работах. Несмотря на то, что жанр преданий традиционно характеризуется установкой на достоверность, в рассматриваемых в данной статье материалах ярко прослеживаются элементы мифологического мышления и тотемизма. В рамках данной работы под генеалогическими преданиями мы подразумеваем все фабулаты (рассказы от третьего лица) генеалогического содержания, т. е. объясняющие происхождение бурятских племен и родов.

Сюжетным типам и мотивам в отечественной фольклористике посвящен ряд работ. Интересующий нас мотив рассматривается в большинстве из них. Так, чудесное рождение изучается Д. В. Убушиевой в калмыцком эпосе «Джангар» [Убушиева, 2020]. В работе автор рассматривает его в диахроническом аспекте, что позволяет проследить трансформацию мотива.

Чудесное рождение также нашло отражение в якутском олонхо [Данилова, 2016; Данилова, 2017]. Выделение указанного мотива как отдельной сюжетной составляющей позволяет исследователям сделать выводы о древних религиозных воззрениях якутов. Имеются работы, посвященные изучению мотива чудесного рождения в башкирской сказке [Зинурова, 2019] и карачаево-балкарском народном творчестве [Хаджиева, 2016]. В них авторы приходят к выводам о тесной связи мотива чудесного рождения с фактом необычности и исключительности героя.

Таким образом, выделение мотива в сюжетной канве позволяет исследователям детально рассмотреть как его функциональное значение, так и связь с другими элементами композиции, а также прийти к выводам о трансформации мировоззренческих взглядов носителей фольклорной традиции.

Материал и методы исследования

Исследование посвящено разновидности мотива чудесного рождения в результате связи человека и животного в бурятских генеалогических преданиях. Основной целью данной статьи является построение общей схемы сюжетов, в которых присутствует данный мотив, выявление общих черт и локальных особенностей разных вариантов повествований. Также в научный оборот вводятся ранее неопубликованные тексты из личного архива С. П. Балдаева, хранящегося в Центре восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук.

Результаты исследования и их обсуждение

Мотивы чудесного зачатия и волшебного рождения имеются в фольклорных сюжетах подавляющего большинства мировых культур, причем в произведениях как сказочной, так и несказочной прозы. Научной литературы по данному вопросу довольно много: антропологи, лингвисты, фольклористы и психологи пытаются найти объяснение столь широкому бытованию таких сюжетов, и разные ученые порой приходят к противоречивым выводам.

Некоторые исследователи связывают веру в возможность сверхъестественного зачатия с отсутствием у первобытных людей представлений о физической составляющей деторождения. В. М. Жирмунский, возникновение мотива связывал с представлениями людей о партеногенезе, т. е. зачатием ребенка без участия мужчины [Жирмунский, 1960, с. 164]. В. Я. Пропп отмечает, что «...любое событие (пробежавший зверь, порыв ветра, проглоченный камушек или орех и т. д.) в связи с общими основаниями первобытного мышления может считаться причиной рождения ребенка» [Пропп, 1976, с. 206]. В той же работе исследователь выделяет следующие разновидности чудесного рождения: 1) представления, связанные с живительной силой растительной природы (иногда с элементами тотемизма); 2) представления, связанные с тотемизмом; 3) мотивы, восходящие к мифам о создании первых людей [Пропп, 1976, с. 237].

В теории структурализма существует представление о бинарных оппозициях. Французский антрополог К. Леви-Стросс применяет эту идею в своих исследованиях по антропологии и утверждает, что человек на ранних этапах развития воспринимал мир через противоположные друг другу категории, так называемые оппозиции: холодное – горячее, сырое – приготовленное и т. д. В рамках мифологического мышления эти категории находятся в конфликте и разрешаются при помощи введения медиатора – некоего посредника между оппозициями, совмещающего в себе признаки обоих полюсов. Таким образом, можно прийти к выводу, что чудесный ребенок является медиатором между оппозициями «природа» и «человек», разрешая существующий в традиционном мышлении конфликт.

Позже Ф. Дескола, ученик К. Леви-Стросса, используя примеры из разных культур народов мира, утверждает, что в традиционном мировоззрении природа почти никогда не является чем-то обособленным от человека, а ее объекты – растения и животные – находятся в рамках точно таких же межличностных и социальных связей с людьми, как и остальные полноправные члены общества, что ставит под вопрос существование оппозиций как таковых. Следовательно, упоминание в фольклоре союзов с животными ярко отражает тот факт, что в глазах людей разницы между ними нет: «разве мог бы состояться подобный союз, если бы у человека не возникло нежного чувства, позволившего разглядеть облик желанного супруга под внешней оболочкой животного?» [Дескола, 2012, с. 29]. Е. М. Мелетинский в свою очередь отмечал, что тотемический супруг удовлетворяет требованию экзогамии, и поэтому этот чудесный брак в отличие от инцеста считается нормальным [Мелетинский, 2019, с. 35].

Мотив связи человека и животного в преданиях о происхождении бурятских племен

Среди рассматриваемых нами сюжетов, связанных с мифическим прародителем, наиболее популярными являются повествования о происхождении племен Булагат, Эхирит, Хори и Хонгодор – наиболее

крупных этнических групп, от которых в свою очередь происходит последующее деление на роды. Так как происхождение всех бурят так или иначе восходит к этим четырем племенам, этногенетические предания закономерно привлекают к себе наибольшее внимание как среди широкой общественности, так и в научных кругах.

Так, мифическими первопредками племен Булагат и Эхирит являются волшебные дети, чье происхождение связано с образами сивого быка и пестрого налива. Почти во всех преданиях Эхирит и Булагат становятся названными братьями, и в них, как правило, не подчеркивается непосредственный контакт человека и животного.

В обоих вариантах данного предания присутствует бык: в первом – старику и старухе, покинутыми своими детьми, он на своем роге приносит люльку с ребенком. Во втором – у двух бездетных шаманок дитя в железной люльке чудесным образом появляется после проведения ритуала воззвания к духам. При этом до того как быть обнаруженным шаманками, ребенок рождается у дочери влиятельного хана, в сторону которой волшебный бык производит какие-либо действия: «Чтобы отомстить ей за причиненное зло, сивый пороз силой своего волшебства (жилбөөр) познал ее три раза в три года, и она родила трех сыновей» [Балдаев, 2019, с. 43]; «Сивый пороз по направлению к ней сделал так, как делают производители по отношению к корове во время течки»¹; «Буха ноен посмотрел на дочь хана и сделал знак, какой делают быки в сторону коровы»².

В рассматриваемых вариантах нет описания непосредственного контакта девушки и быка, однако совершение какого-то действия или подавание особого знака (*сделал так, как делают быки; познал ее*) приводит к беременности и рождению ребенка.

В свою очередь предание об Эхирите тесно связано с преданием о Булагате и почти никогда не встречается отдельно от него. Согласно сюжету, уже подросший Булагат начинает допоздна задерживаться на берегу озера Байкал, играя с выходящим из воды мальчиком (в некоторых вариантах из воды выходят двое – брат и сестра). Его родители решают усыновить и второго мальчика, и поэтому просят Булагата помочь его поймать. В итоге вышедшего из воды ребенка называют Эхиритом. Несмотря на то, что в сюжетах, как правило, не упоминаются его родители или родство с волшебным животным, тотемом племени Эхирит традиционно считается пестрый налим. Единственным, что объединяет образ данного персонажа и налива, является объяснение данного ему шаманкой имени: *Эрэн гутаар эсэгэтэй, эргин габа эхэтэй Эхирит* (У Эхирита мать – расщелина в берегу, отец – пестрый налим) [Балдаев, 2019, с. 16].

Другим примером мифического прародителя может быть птица, являющаяся тотемом племен Хори и Хонгодор, – лебедь или гусь. Центральным сюжетом

¹ Центр восточных рукописей и киелографов, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук. Фонд 36. Опись 1. Дело 1262. Л. 12.

² Там же. Дело 337. Л. 93.

в их преданиях выступает нарратив о происхождении их от небесной девы-лебедицы или гусыни. В нем герой видит купающихся в озере девушек, которые сбросили свои волшебные накидки, превращающие их в птиц. Мужчина прячет одежду одной из них и позже вынуждает ее выйти за него замуж. Она становится его женой, и в браке у них рождаются дети. По прошествии многих лет жена просит мужа показать ее волшебную одежду. Уверенный, что после стольких лет совместной жизни она не оставит его, муж соглашается, жена вновь принимает облик птицы и вылетает через дымовое отверстие. Рожденные в их браке дети становятся основателями хоринских или хонгодорских родов.

В архивном фонде С. П. Балдаева в деле «Мифы, легенды и предания бурятского народа» хранится ранее нигде не опубликованный и не известный вариант предания о происхождении племени Хонгодор: «Одна девушка из племени Хотогойто пасла овец в степи. День был жаркий. Она изнемогла от жары, легла под одинокое дерево и уснула. В это время прилетела стая лебедей. Они спустились около девушки и стали пастись. Вожатый лебедей подошел к девушке и вошел с ней в связь. Девушка видела сон: красивый молодой человек ласкает ее. Она проснулась и увидела жоака лебеда, который возился над нею. От этой связи она забеременела. В скором времени она родила сына и назвала его Хонгодор»³.

В этом варианте упоминается непосредственный контакт девушки и животного, в результате которого рождается основатель племени. Повествование выделяется среди других упомянутых нами сюжетов тем, что здесь физический контакт никак не завуалирован, что противоречит ментальной регламентации бурят в вопросах интимных отношений. Также в этом варианте приводится этимология этнонима Хонгодор, где хон переводится как благородная птица, а гоодор – эрегированный половой орган⁴.

Мотив связи с животным в преданиях о происхождении бурятских родов

В свою очередь племена у бурят делятся на роды. Если предания о происхождении племен можно считать общебурятскими, и они распространены в народной среде, то родовые предания хранятся и передаются только внутри представителей определенного рода. Как правило, в таких преданиях мифологические элементы встречаются намного реже, сюжеты строятся вокруг знаменитых личностей и исторических событий, а повествование максимально приближено к действительности. В то же время в архиве С. П. Балдаева в делах «Мифы, легенды и предания бурятского народа» и «Тотемы бурятского народа» имеются материалы, содержание которых заметно отличается от уже известных и ранее опубликованных родовых преданий, и в них довольно часто упоминаются контакты людей и животных. Далее приведем краткие пересказы и цитаты из интересующих нас текстов.

³ Там же. Л. 100.

⁴ Там же.

В ходе исследования нами было обнаружено два сюжета, связанных с образом коня, оба повествуют о происхождении рода Шаранут. В Халхе жил некий человек. У него была дочь, которую родители очень баловали, на хорошем жеребце она разъезжала по вечеркам молодежи. «Жеребец заржал на нее и сделал такое движение губами, какое он делал по отношению к кобылицам. От этого девушка забеременела... В скором времени она родила сына, которого назвали Шаранутом...»⁵; «В Алари жила одна девушка, звали Обтойхон – страстненькая... Она поехала к родственникам своей матери в долину реки Унга. Дорогой девушка сошла с лошади у шаманской остановки – барьса... В это время ее жеребец трижды заржал на нее так, как они делают при кобылице. От этого девушка зачала и родила сына. Родители стали принуждать, говоря: от кого ты отяжелела? Она рассказала случай с жеребцом в пути в Унгу. Мальчика назвали Шара азаргааа оллодон Шаранут – Шаранут, зачатый от желтого жеребца»⁶.

Оба варианта предания похожи. Поскольку буряты вели кочевой образ жизни, конь традиционно занимал центральное место в системе ценностей, являясь общепринятым мерилем богатства как в материальном, так и в духовном плане. Ввиду этого возведение генеалогии рода к почитаемому животному представляется логичным и оправданным.

Между тем два бурятских генеалогических предания о роде Унгут и безымянном роде из улуса Нохой ураг связаны с образом собаки: «В Тунке, в долине реки Иркут, живут буряты Унгутского рода. Они выходцы из Халхи во времена воина Галдан бошогто хана. Они считают своим тотемом собаку. В давние времена прапрабабушка их хан Хамагша тез иибии овдовела в молодости и вошла в связь с собакой. Родила сына и назвала его *ундэрхоо оллодон Унгут* – Унгут, рожденный от высоких тэнгэри»⁷; «В далекие времена одна девушка из рода Хадалая заблудилась в лесу во время облавной охоты и попала в Собачье царство – *Нохой хаанай урам*. В этом царстве все мужчины рождаются собаками, а женщины обыкновенными людьми... Сторожевые собаки поймали эту заблудившуюся девушку, и повели к своему собачьему хану... Одна собака сидела около девушки и любовно поглядывала на нее... После этого собака-хан сказал девушке: “Ты должна выйти замуж за этого моего воина”... Девушка стала жить с собакой, как муж с женой. Собака рано утром уходила на охоту, ловила зверей и птиц, приносила домой... Девушка решила бежать. Утром, как только собака-муж ушел на охоту, девушка пошла прямо на юг по солнцу... Наконец, она пришла домой. Из собачьего царства она пришла беременной, родила сына, которого назвали Нохоом – *нохойхоо оллодон Нохой* – зачатый собакой Нохой»⁸. У бурят собака считалась хорошим животным, которое помогало в хозяйственной жизни. Приведенное предание свидетельствует о случаях почитания собаки как тотемного предка.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Дело 1262. Л. 18.

⁷ Там же. Л. 20.

⁸ Там же.

Упоминание о собачьем царстве *Нохой хани урам* с мужчинами-собаками также встречается в сюжете, записанном М. Н. Хангаловым [Хангалов, 1960, с. 220]. А. А. Бадмаев в своем исследовании, посвященном образу собаки в традиционном мировоззрении бурят, приходит к выводу о том, что данный сюжет имеет китайские корни [Бадмаев, 2023, с. 34].

Предания о родах Нарат и Уляба связаны с образами птиц, сороки и совы: «В давние времена жила одна девушка в местности Зуга, на устье реки Ока. Родители были убиты на войне. Она жила одна, кругом никого не было. В одиночестве она подружилась с самцом сороки, жили и спали. Один раз ночью самец вошел в нее, и она забеременела. Родила сына и назвала его шаажгайнаа олодон Шажан номон – зачатый самцом сороки Шажан номон. Шажан номон вырос и женился на девушке тунгуске, образовали бурят Наратского рода»⁹.

Похожее предание о кости Нарат (*яһан* ‘кость’ – одно из слов, обозначающих родовую принадлежность бурят) было записано М. Н. Хангаловым, однако в нем сорока не является отцом прародителя, а лишь помогает оказавшейся в одиночестве беременной девушке [Хангалов, 1960, с. 378].

«В давние времена в Барге жил один человек. Звали его Солон зарин. Он был большим шаманом. Жену звали Сулэйхэн... В этой войне погибли шаман Солон со своей женой. Их дочь Балайхан осталась круглой сиротой... Она осталась одна... Ночью к ней пришел самец совы. Она не отогнала его. В одиночестве и самец совы был ей другом. Она заснула крепким сном и проснулась ночью. Самец возился над ней. После этого она почувствовала себя беременной... Настало время родов. Она родила мальчика, устроила приспособление у дерева наподобие люльки из бересты и листьев осины и положила ребенка. Самец сова кормил своего сына разными ягодами. Сулэйхэн назвала своего сына Уляба – *Уули шубуун эсэгтэй, уляһан модон үлэгтэй Уляба* – отец птица-сова, люлька из осины. От этого мальчика произошли буряты рода Уляба»¹⁰. В мировоззрении бурят сорока и сова обладают амбивалентной коннотацией, считаясь как предвестниками беды, так и посланниками светлых сил, их образы часто связываются с миром духов [Бадмаев, 2020, с. 112].

В приведенных сюжетах также подчеркивается одиночество девушки, после смерти родителей оставшейся сиротой, ее дружеские отношения с птицей, что отличает эти предания от остальных, рассмотренных нами.

Еще одной птицей, с которой связывают родство бурятские роды, является глухарь: «У хойбы была дочь, звали ее Хоорье... Дочь пасла коров. Вечером, когда нужно было гнать стадо домой, то не оказалось в наличии одного бычка. Искала она до позднего вечера и услышала глухариный ток. Ток ей понравился, и она подошла ближе. Посередине полянки бегала самка, за ней бежали, растопырив крылья самцы. Они дрались между собою. Это было очень забавно. Она

9 Там же. Л. 19.

10 Там же. Л. 31.

не отводила с самцов свои глаза и незаметно для себя, села на корточки, стала подражать им. В это время два самца, дерясь, клевая друг друга, налетели на нее, свалили ее, залезли на нее и продолжали драку. Своими когтями они разорвали одежду девушки, совсем оголили. Она едва отделалась и пошла домой. После этого случая она почувствовала тяжесть и забеременела. Родила сына и назвала его хойрхоо олодон Хоргон – от глухаря зачатый Хоргон»¹¹.

Такие дикие животные, как волк и медведь, считаются тотемными предками родов Шоно и Хорлос: Мать Шоно была бездетна, поссорилась с мужем и ушла к своим родственникам. Боясь погони мужа, она пошла по лесу. «В лесу она встретила большого матерого волка – зарга боро шоно. Волк три раза кидался на нее. Она страшно испугалась, и упала и лишилась чувства. Когда она пришла в себя, то волк лизал ее голый живот. После того она почувствовала тяжесть внизу живота и забеременела. Больше года жила у своих родственников, родила сына, назвала его шонохоо олодон Шоно – Шоно, зачатый от волка»¹²; «Девушки пошли на вечерку, поплясали и поиграли, вернулись поздно ночью домой, и легли спать под навесом на арбу... Медведь увез девушку в свою берлогу. Они стали жить, как муж и жена. Медведь ласкался к девушке, облизывал языком, чтобы она обросла шерстью... Через год у родился сын. Рос он, как сказочный герой, не по дням, а по часам. Он вырос и стал невероятным силачом... Тогда сын стал просить мать, чтобы она повела его к своему отцу... Они вышли из берлоги и пошли по направлению к улусам. Медведь вернулся с охоты в берлогу, камень был отшвырнут, жены и сына не было. Он рассвирепел и побежал догонять беглецов, догнал их у опушки леса. Медведь сразу же кинулся на жену и хотел избить ее. Сын заступился за свою мать и одним ударом убил медведя... Сына медведя родственники принял в свой род, совершили все обряды, связанные с усыновлением детей. Совершая обряд укладывания ребенка в колыбель – улгыда оруулаха, дали ему имя Баабгайн хубун – Сын медведя. По преданиям Баабгайн хубуун женился на девушке рода Туралик и образовал род бурят Хорлос, живший под г. Нижнеудинск, на речке Доода Уда – Нижняя Уда»¹³.

Очевидно, что в сюжетах, связанных с дикими животными, намного ярче прослеживается хищнический характер и агрессивность тотема: волк кидается на женщину, медведь силой удерживает девушку, бросается в погоню, угрожает расправой.

Выводы

Мотив связи человека и животного встречается как в племенных бурятских генеалогических преданиях, в которых тотемы сивого быка, пестрого налима, гуся или лебедя становятся общепурятскими, так и в локальных, менее распространенных родовых преданиях, где тотем имеет непосредственное отношение лишь к какому-либо отдельному роду. Мотив присутствует

11 Там же. Л. 16.

12 Там же. Дело 1262. Л. 28.

13 Там же. Л. 24.

как в объемных сюжетах, приближенных к сказочным (с царствами, говорящими собаками или медведями), так и в небольших преданиях, максимально приближенных к реальности. Часто в повествованиях упоминаются имена действующих лиц, дается название конкретной местности, где происходят события, называется конкретный род, который пошел от родившегося потомка, его административная принадлежность.

Мотив чудесного рождения находится в тесной связи с образами основателей племени или рода. Таким образом в народном мировоззрении отражается исключительная важность для бурят ощущения кровного родства с окружающей средой, а также подтверждение того факта, что существование их рода не вступает в конфликт с силами природы, а, наоборот, является следствием соприкосновения с ней.

В связь с животным, как правило, вступает девушка (кроме варианта предания, в котором в качестве чудесной супруги фигурирует волшебная жена-лебедица или гусыня), а ребенком всегда становится сын. Общая структура сюжетов при этом выглядит следующим образом: девушка встречается с животным; оно производит в ее сторону какие-либо действия («*познал ее*», «*вошел в связь*», «*возился над ней*», «*налетели, свалили, залезли на нее*», «*вошел в нее*», «*облизывал голый живот*», «*ласкался к девушке, облизывал языком*»); от этой связи девушка беременеет и рождает сына; сын впоследствии становится основателем бурятского племени или рода.

Почти во всех приведенных материалах непосредственный контакт никак не завуалирован, а скорее, наоборот, подчеркнут. При этом девушка словно принимает на себя роль животного: «*по направлению к ней сделал так, как делают производители по отношению к корове*», «*сделал такое движение губами, какое он делал по отношению к кобылицам*», «*села на корточки, стала подражать им*». Таким образом, вывод об отсутствии у бурят знаний о причинах деторождения здесь неприменим, особенно учитывая

тот факт, что буряты на протяжении большей части своей истории занимались разведением скота.

Рассматривая наиболее распространенные, уже введенные в научный оборот и опубликованные материалы, можно прийти к выводу, что при работе с подобными сюжетами авторами и составителями проводилась цензура, в результате которой контакты с животными в сюжетах преданий не упоминались.

Примечательно, что в сюжетах девушка не выступает инициатором подобной связи: действия в отношении нее совершаются без ее выраженного согласия, нередко героиню истории похищают или насильно выдают замуж. В некоторых случаях она может находиться без сознания – во сне или обмороке. Как правило, девушка в таких преданиях не имеет имени, в отличие от родившегося от подобной связи сына, что является отражением патриархальных взглядов у бурят. При этом стоит отметить существование симметричного сюжета, бытующего у халха-монголов, в котором демоническая женщина похищает мужчину. Однако, как отмечает С. Ю. Неклюдов, «несмотря на полную симметричность данных версий, они, по-видимому, имеют разное происхождение». [Неклюдов, 2021, с. 3].

Разнообразие сюжетов прослеживается в упоминаемых в них видах животных: ими могут быть как дикие звери (медведь, волк), птицы (лебедь, тетерев), так и домашние, привычные для бурятского обихода животные (лошадь, собака, бык). Причинами, по которой тот или иной образ становится тотемом определенного племени или рода, могут быть географические особенности, связанные с местами обитания упоминаемых животных: чем чаще люди встречались с ними в природе или использовали в хозяйстве, тем более гармонично они вписывались в картину мира и передавались в фольклорных сюжетах. Помимо этого, рассмотренные в данной работе сюжеты могут стать материалом для изучения сравнительно-типологических связей фольклорной традиции бурят с другими народами.

Список литературы

- Бадмаев А. А. Образ собаки в традиционном мировоззрении и ритуале бурят / Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2023. № 49. С. 30–43. DOI:10.17223/22220836/49/3. EDN: PWA AFO
- Бадмаев А. А. Традиционные представления бурят о птицах // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. Том 48, № 2. С. 106–113. DOI 10.17746/1563-0102.2020.48.2.106-113. EDN: UUPZHN
- Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят. Улан-Удэ : НоваПринт, 2019. 720 с.
- Данилова А. Н. Мотив чудесного рождения героя в текстах олонхо Вилюйского региона // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12–4. С. 17–19. EDN: ZWUSBX
- Данилова А. Н. Чудесное рождение богатырки как архаический мотив в якутских олонхо о женщинах-богатырках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 11–3. С. 30–33. EDN: XYASDL
- Дескола Ф. По ту сторону природы и культуры / перевод с французского О. Смолицкой, С. Рындина ; под общей редакцией С. Рындина. Москва : Новое литературное обозрение, 2012. 584 с. EDN QONWKJ
- Жирмунский В. М. Сказание об Алпамыше и богатырская сказка. Москва : Издательство восточной литературы, 1960. 333 с.
- Зинурова Р. Р. Общее в сюжетообразующих мотивах башкирской богатырской сказки: чудесное зачатие и рождение // Проблемы востоковедения. 2019. № 2. С. 81–86. DOI: 10.24411/2223-0564-2019-10213. EDN: HMNKS B.
- Левин-Стросс К. Мифологии. Том 1 : Сырое и приготовленное. Москва : Университетская книга, 2000. 400 с.
- Мелетинский Е. М. От мифа к литературе. 2-е издание, исправленное. Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 2019. 172 с. EDN: YYXNJZ.
- Неклюдов С. Ю. В плену у монгольской нимфы // Живая старина. 2021. № 1. С. 2–6. EDN: NWBSOJ
- Пропп В. Я. Мотив чудесного рождения // Фольклор и действительность. Москва : Наука, 1976. С. 205–240.

Убушиева Д. В. Мотив чудесного рождения героя в ранних циклах эпоса «Джангар» // Новый филологический вестник. 2020. № 3. С. 310–321. DOI: [10.24411/2072-9316-2020-00087](https://doi.org/10.24411/2072-9316-2020-00087). EDN: DFBORK.

Хаджиева Т. М. Мотив чудесного рождения в нартском эпосе карачаевцев и балкарцев // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2016. Том 10, № 4. С. 134–139. EDN: YFNFPH

Хангалов М. Н. Собрание сочинений. Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 1960. Том 3. 421 с.

Nanzatov B., Sodnompilova M. Alternative history: creation, use and interpretation of Buryat genealogies // Facing challenges of identification: investigating identities of Buryats and their neighbor peoples. Warsaw, 2020. P. 49–63.

Zhanaev A. Alternative history: creation, use and interpretation of Buryat genealogies // Facing challenges of identification: investigating identities of Buryats and their neighbor peoples. Warsaw, 2020. P. 79–98.

References

Badmaev, A. A. (2023). Dog in The Traditional Worldview and Ritual of The Buryat. *Tomsk state university journal of cultural studies and art history*, 49, 30-43. EDN: PWAAFO. <https://doi.org/10.17223/22220836/49/3>

Badmaev, A. A. (2020). Traditional Buryat Beliefs About Birds. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 48(2), 106-113. EDN: UUPZHN. <https://doi.org/10.17746/1563-0102.2020.48.2.106-113>

Baldaev, S. P. (2019). Rodoslovnye predaniia i legendy buriat., 720. Ulan-Ude: NovaPrint.

Danilova, A. N. (2017). The Motif of Hero's Miraculous Birth in The Texts of The Olonkho of The Vilyuysk Region. *Philology. Theory & Practice*, 12-4, 17-19. EDN: ZWUSBX.

Danilova, A. N. (2016). Miraculous Birth of An Epic Heroine as An Archaic Motive in The Yakut Olonkho. *Philology. Theory & Practice*, 11-3, 30-33. EDN: XYASDL.

Deskola, F., & Ryndina, S. (2012). Po tu storonu prirody i kul'tury., 584. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie. EDN: QONWKJ.

Zhirnuskii, V. M. (1960). Skazanie ob Alpamyshe i bogatyrskaya skazka., 333. Moskva: Izdatel'stvo vostochnoi literatury.

Zinurova, R. R. (2019). The Common in Motif Forming Plots in Bashkir Heroic Tales: The Wondrous Conception and Birth. *The problems of oriental studies*, 2, 81-86. EDN: HMNKSJ. <https://doi.org/10.24411/2223-0564-2019-10213>

Levi-Stross, K. (2000). Mifologiki. *Cyroe i prigotovlennoe*, 1, 400. Moskva: Universitetskaya kniga.

Meletinskii, E. M. (2019). Ot mifa k literature., 172. Moskva : Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet. EDN: YYXNJZ.

Nekliudov, S. Iu. (2021). V plenu u mongol'skoi nimfy. *Zhivaia starina*, 1, 2-6. EDN: NWBSOJ.

Propp, V. Ia. (1976). Motiv chudesnogo rozhdeniia. *Fol'klor i deistvitel'nost'*, 205-240. Moskva: Nauka.

Ubushieva, D. V. (2020). The Motif of the Miraculous Birth of the Hero in the Early Cycles of the Jangar Epic. *The new philological bulletin*, 3, 310-321. EDN: DFBORK. <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2020-00087>

Khadzhieva, T. M. (2016). The Motif of Miraculous Birth in the Karachay and Balkar Nart Epos. *Dagestan state pedagogical university journal. Social and humanitarian sciences*, 10(4), 134-139. EDN: YFNFPH.

Khangalov, M. N. (1960). Sbranie sochinenii., 421. Ulan-Ude: Buriatskoe knizhnoe izdatel'stvo.

Nanzatov, B., & Sodnompilova, M. (2020). Alternative history: creation, use and interpretation of Buryat genealogies. *Facing challenges of identification: investigating identities of Buryats and their neighbor peoples*, 49-63.

Zhanaev, A. (2020). Alternative history: creation, use and interpretation of Buryat genealogies. *Facing challenges of identification: investigating identities of Buryats and their neighbor peoples*, 79-98.

Информация об авторе

Дебеннова Зинаида Анциферовна – аспирант, стажер-исследователь Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Российская Федерация;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8824-6624>;
ResearcherID: ABB-3891-2020
e-mail: debenova@gmail.com

Information about the author

Zinaida A. Debenova – postgraduate student, Institute of Mongolian Buddhist and Tibetan Studies, Ulan-Ude, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8824-6624>;
ResearcherID: ABB-3891-2020
e-mail: debenova@gmail.com

Поступила в редакцию 07.07.2023

Принята к публикации 11.11.2023

Опубликована 18.12.2023

Received 07 July 2023

Accepted 11 November 2023

Published 18 December 2023

К вопросу о формировании нормы в бесписьменном языке (на примере шугнанского языка)

<https://doi.org/10.31483/r-107993>
УДК 811.222.8(575.32)-25/-26

Додыхудоева Л. Р.

Институт языкознания Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация.

 <https://orcid.org/0000-0002-4567-9454>, e-mail: leiladod@yahoo.com

Резюме. В статье анализируются графическая и орфографическая вариативность и проблемы нормирования в бесписьменном памирском языке – шугнанском. Материалом исследования послужил корпус шугнанских текстов XIX–XXI вв. и их перевод на русский язык, лексикографические источники, наблюдения и полевые материалы автора. Работа базируется на систематизации языкового материала с применением углубленного сравнительно-сопоставительного метода, в частности сопоставительного анализа культурно маркируемых единиц, и методе компонентного анализа. При отсутствии государственно-институциональных структур по регулированию социальной речевой деятельности и возможности решать теоретические и практические вопросы в сфере культуры речи и языковой политики сверху в настоящее время снят барьер между живой разговорной речью и сферой публичного общения, а также между их графическим отражением в письменном печатном тексте и особенно в интернете. Таким образом задается стимул к созданию письменной традиции с единой нормативной системой письма, составлению шугнанско-таджикско-русских и пр. словарей, отражающих национальную лексику, нормативных грамматик, а также прозаических художественных произведений и формированию на этой основе литературной нормы. Указанные меры способствуют повышению социолингвистического статуса и сохранению языка.

Ключевые слова: норма, таджикский язык, миноритарный язык, письменность, бесписьменный язык, шугнанский язык.

Для цитирования: Додыхудоева Л. Р. К вопросу о формировании нормы в бесписьменном языке (на примере шугнанского языка) // Этническая культура. 2023. Т. 5, №4. С. 22-32. DOI 10.31483/r-107993. EDN ALIAWJ

Research Article

On the process of standardization in an unwritten language (based on the example of the Shughnani language)

Leyli R. Dodykhudoeva

 Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation.

 <https://orcid.org/0000-0002-4567-9454>, e-mail: leiladod@yahoo.com

Abstract. The article analyses graphic and orthographic variability, as well as issues concerning the standardization process, in an unwritten Pamir language – Shughnani. The source data include a corpus of published and archival Shughnani texts of the 19th–21st centuries and their translation into Russian, as well as dictionaries, and field materials resulting from the author's field research. We systematise linguistic data by applying an in-depth comparative method, in particular, comparative analysis of culturally marked units, as well as component analysis. There exist no state-institutional structures for regulating social speech activity, and thus no ability to solve theoretical and practical issues in terms of public policy through measures taken in the field of speech culture and language. This situation incentivizes the creation of a written tradition with a unified normative writing system, the compilation of Shughnani-Tajik-Russian, etc. dictionaries reflecting key national vocabulary, and the publication of normative grammars. It also encourages the creation of prose literature, and on this basis, the development of a literary standard. These measures serve to improve the sociolinguistic status of the language and ensure its preservation.

Keywords: Tajik language, norm, minority language, unwritten language, Shughnani language, writing system.

For citation: Dodykhudoeva L. R. (2023). On the process of standardization in an unwritten language (based on the example of the Shughnani language). *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 5(4), 22-32. EDN: ALIAWJ. <https://doi.org/10.31483/r-107993>.

Введение

Вопросы стандартизации и нормирования миноритарного языка, меняющего свой статус от бесписьменного к письменному и обратно к бесписьменному, – сложная нестандартная проблема.

К настоящему времени с привлечением внимания к миноритарным исчезающим языкам и их документированию назрела проблема описания и анализа процессов нормирования / стандартизации в таких идиомах, которая, однако, еще не стала объектом систематических специальных исследований. До сих пор не выработаны стратегии нормирования такого языка и методика применения полученных

результатов. В результате данного исследования планируется обозначить проблемы в этой области и предварительно установить пути их решения, подготовив рекомендации по возможным подходам к практическому решению проблем нормирования на основе продуманного научного анализа. Для достижения этого необходим сбор соответствующих сведений о памирских языках, их статусе и уровне нормирования.

В случае бесписьменного языка (в данном случае шугнанского) характерно взаимодополнительное сочетание дескриптивного и прескриптивного подходов к установлению нормы с отбором наиболее

частотных вариантов, применяемых в речевой практике, или путем следования предписаниям нормативных словарей и грамматик, авторитетным высказываниям публичных лиц, т. е. по сути субъективным оценкам. Наряду с этим следует иметь в виду, что норма в целом как совокупность правил употребления в речевой деятельности унифицированных языковых средств формируется на основе социально-территориальных и культурно-исторических факторов.

Термин «норма» используется в широком и узком смысле. При широком подходе под ней подразумевают традиционно и стихийно сложившиеся способы речи, отличающие данный языковой идиом от других. В этом понимании норма близка к понятию узуса, включающего общепринятые, устоявшиеся способы использования языка. В этом случае можно говорить о норме применительно и к территориальному диалекту.

В узком смысле норма есть результат целенаправленной кодификации языка. Такое понимание нормы неразрывно связано с понятием литературного языка, который иначе называют нормированным, или кодифицированным. Применительно к некодифицированным сферам языка мы можем употреблять термины «узус» и «норма» недифференцированно: то, как принято говорить на данном диалекте, – это языковой обычай, узус, но это одновременно и диалектная норма, отличающая его от других диалектов. Однако относительно кодифицированной подсистемы, какой является литературный язык, такое использование терминов «узус» и «норма» явно неоправданно: одно дело, как словари и грамматики предписывают употреблять языковые средства (норма), другое – как в повседневном речевом общении следуют этим предписаниям носители литературного языка (узус, речевая практика) [Крысин, 2007]. Во втором смысле в понятие нормы включается употребление, рекомендованное грамматикой, словарем, подкрепленное авторитетом известного писателя, поэта [Ицкович, 1968, с. 4], лингвиста, популярного общественного деятеля и др.

Чаще всего термин норма употребляется в сочетании «литературная норма» и применяется к тем разновидностям языка, которые используются в средствах массовой информации, в науке и образовании, в дипломатии, законодательстве и законодательстве, в дело- и судопроизводстве и других сферах социально значимого, преимущественно публичного, общения [Крысин, 2005]. В целом же устный речевой обиход есть знание прецедентов речи и их воспроизводство. При этом норма сопряжена с понятием отбора средств для литературного языка, который черпает средства из многих форм существования национального языка – территориальных диалектов, социолектов, городского просторечия и пр. Норма при этом играет роль фильтра, пропускающая в литературное употребление коммуникативно приемлемые средства и блокируя случайные. Эта функция нормы – благо для литературного языка, поскольку связывает разные поколения и слои общества.

Языковая норма – одна из составляющих национальной культуры. Поэтому разработка

литературной нормы, ее кодификация, отражение нормализаторской деятельности лингвистов в грамматиках, словарях и справочниках имеют большое социальное и культурное значение [Крысин, 2005].

Норма затрагивает все уровни языка и связана с экстралингвистическими факторами. Представления о норме так или иначе сформированы у носителей, что выводит это понятие в область общественного дискурса, тем самым делая его субъективным, оценочным и провоцирующим к разного рода непрофессиональным спекуляциям. Тем не менее, как отмечают бельгийские лингвисты, «стандартный и народный языки в настоящее время получают новые конфигурации, причем последний становится более заметным в контекстах и жанрах, где стандартный язык раньше был обязательным, в то время как напряжение между силами стандартизации и просторечия усиливается, а их отношения становятся более сложными [Jaspers, Van Hoof, 2001, с. 1–44].

В силу того, что при прескриптивном подходе описание нормы опирается на авторитет нормативных текстов, грамматик, словарей, речь представителей интеллектуальной элиты, мы рассмотрим явления нормирования в широком смысле. При этом мы опираемся на наблюдения и интервью с носителями языка, в частности, с носителями языка, экспертами в областях, связанных с нормированием языка и обладающих, помимо специальных знаний, лингвистическим чутьем. В фокусе исследовательского внимания находится ситуация, когда в социуме отсутствует письменная традиция на родном языке и, следовательно, кодифицированная норма, а письменность осуществляется на неродном языке, причем молодое поколение носителей в такой ситуации практически двуязычно. Подобная ситуация сложилась, например, у носителей шугнанского языка, на примере которого мы рассмотрим процессы нормирования языка, эталонных литературных образцов, роль интеллектуальной элиты.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужил небольшой корпус опубликованных и архивных шугнанских текстов XIX–XXI вв. и их переводы на русский язык, шугнанско-русский словарь Д. Карамшоева (1988–1999), таджикско-русский словарь (2006), наблюдения и полевые материалы автора.

В качестве методов изучения процессов нормирования привлечены классификация и систематизация языкового материала, углубленный сравнительно-сопоставительный метод, в частности, сопоставительный анализ культурно маркируемых единиц, метод компонентного анализа, характеристики целостной сущности явления посредством выявления составляющих его структурных и семантических компонентов, и идентификации происхождения лексики, поскольку значение слова и его лингвокультурный анализ способствуют рассмотрению проблематики, связанной с конкретной дефиницией и ее нормированием.

В некоторых случаях для установления динамики сложения нормы и формирования нормативных правил привлекались экспериментальные исследования по интерпретации носителями-экспертами языка / текста, толкования фонетического, грамматического явления, термина, выявляющие их отношение к происходящим в языке процессам, что позволяет делать предварительные выводы по прогнозированию общественного мнения. Инструментом анализа ценностного содержания лексики является лингвокультурологическое комментирование художественного текста и сопоставительный анализ цивилизационных аспектов лингвокультур различных регионов, а также опыт изучения билингвального поликультурного пространства.

Результаты исследования и их обсуждение

Памирские языки: социолингвистическая ситуация

Группа восточноиранских языков, известных как памирские, включает шугнано-рушанскую группу (шугнанский, рушанский, хуфский, бартангский, рошорвский, сарыкольский), язгулямский, ваханский и ишкашимский языки и распространена в Горно-Бадахшанской автономной области Республики Таджикистан (далее ГБАО. – Л. Д.), на сопредельных территориях Афганистана и др. В настоящее время эти языки не имеют официально принятой письменности и квалифицируются как бесписьменные, служащие исключительно для устного общения. На территории Таджикистана государственным языком, который используется как язык администрации, письменности, обучения и культуры, является таджикский. Такая ситуация на деле ведет к дальнейшему ограничению функций памирских языков, бытующих на исконных территориях, и их вытеснению.

Мы рассматриваем социолингвистическую ситуацию, связанную с шугнанским языком (*xuǰǰān(i) ziv*), положение которого по шкале ЮНЕСКО квалифицируется как уязвимое¹.

Шугнанский, как и все памирские языки, находится в социолингвистических условиях неравномерного двуязычия. В состав термина «шугнанский язык» обычно включают собственно шугнанский, а также баджувскую, барвозскую, шахдаринскую и гундскую разновидности. Шугнанский язык выделяется среди памирских по числу носителей (около 100 000 чел.), центральному географическому положению и роли в административной системе. Этот язык служит *lingua franca* при межэтническом общении в регионе и оказывает заметное влияние на окружающие памирские языки. На шугнанском языке говорит население трех долин: Гунтской, Шахдаринской и часть долины по течению реки Пяндж, а также население административного центра Бадахшана г. Хорога (около 30 000 чел.). Шугнанский язык вообще и особенно язык г. Хорога можно считать городским разго-

ворным языком, задающим новые стандарты, на которые ориентируется молодое поколение всего региона.

Шугнанский язык относительно однороден, а отсутствие кодифицированной нормы, казалось бы, определяет и отсутствие внешней нормы. Однако в качестве этносоциальной основы для формирования нормы выступает значительный слой образованного населения, как правило, людей с филологическим образованием, учителей и преподавателей, связанных с преподаванием западных и восточных иностранных языков (персидского, дари, английского, немецкого, русского и др.).

Развитие литературных языков в СССР (1920–1980)

Социокультурные процессы в СССР оцениваются исследователями по-разному. Так, в 1960 гг. отмечается, что языковая политика СССР по формированию младописьменных литературных языков (создание письменности, введение школьного преподавания на родных языках, упорядочение орфографии, терминологии, издание учебных пособий, проведение теоретических исследований по всем языкам советских народов) способствовала расширению общественных функций этих языков.

Эти «создаваемые» языки определялись как литературные, а их признаками служила норма², графический и орфографический стандарт. Уже в 1920–1930 гг., в первый период развития младописьменных литературных языков, были достигнуты значительные результаты: проведены работы по созданию письменности для ранее бесписьменных народов и учреждены национальные школы с преподаванием на родных языках; в короткий срок благодаря созданию письменности и национальной школы ликвидирована неграмотность; подготовлены кадры для национальной школы; созданы и выпущены необходимые учебники и учебные пособия на родных языках; разработаны общие и специальные методики для национальных школ; организована работа по упорядочению орфографии и терминологии; созданы литература, периодическая печать на родных языках; активно использовались родные литературные языки в развитии национальных культур, в изучении русского языка; была развернута научно-исследовательская работа по исследованию всех языков и их диалектов и расширены масштабы лексикографической работы, особенно в области двуязычных и толковых словарей. В таких литературных языках наметилось развитие словарного состава, обогащение его за счет лексических заимствований из русского языка; происходило упорядочение норм их фонетических систем, в том числе и в связи с процессами проникновения в состав систем этих языков фонем, заимствованных из русского языка; возникли или стали развиваться стилистические вариации. С проблемой взаимодействия языков связан и вопрос о двуязычии, развитие которого должно было способствовать более глубокому знанию родного язык

1 В близкородственной шугнано-рушанской группе, куда входит шугнанский язык, статус входящих в нее единиц до настоящего времени дискутируется: языки или диалекты, языки-диалекты [Shughni. Текст : электронный. URL : <https://en.wal.unesco.org/languages/shughni>].

2 При чем норма понималась на тот момент не в рамках платоновской идеальной категории нормы-эталоны (таковая как раз в некоторых языках существовала), а как жестко кодифицированная норма-модель [Москвичева, 2015, с. 8–9].

и языка межнационального общения – на тот момент русского.

В рамках программы культурного строительства и кампании по ликвидации безграмотности в 1920–1930 гг. в СССР была начата работа над созданием алфавита и разработкой системы письменности для шугнанского языка на латинизированной основе³. Основы фонологической транскрипции для памирских языков были заложены И. И. Зарубиным еще в начале XX в. Новые алфавиты создавались для бесписьменных языков на базе латиницы, поэтому шугнанский алфавит был также разработан с применением латинской графики с добавочными знаками, изданы буквари, учебники для начальной школы, собраны и опубликованы на шугнанском языке фольклорные произведения разных жанров, значительный корпус авторской поэзии и песен, а также переводная художественная литература (см. подробнее: [Додыхудоева, 2020]). Так, на шугнанский язык были переведены с русского языка и опубликованы в Таджикистане два небольших прозаических текста: сказка В. Гауфа «Маленький Мук»⁴ и рассказ Л. Кассиля «Льдина холодина»⁵. Эти издания, адресованные дошкольникам и младшим школьникам, стали одной из первых попыток создать книги для чтения. В свою очередь их можно квалифицировать в качестве прецедентных прозаических текстов, ориентированных на языковую норму, задающих языковой стандарт письменной зафиксированного шугнанского языка. Оба текста переведены педагогами, принимавшими участие в подготовке алфавита и разработке букварей и учебников.

Создание письменности для шугнанского языка позволило начать обучение в школе и работу по ликвидации неграмотности среди взрослого населения. Такая работа велась практически на всем протяжении 1930 гг., и целое поколение шугнаноязычных детей получило образование на родном языке в рамках семилетней школы (1931–1938). Так шугнанский язык получил статус младописьменного, а определенный

3 На следующем этапе планировалось создание алфавита и письменности для ваханского языка. По решению съезда «Нового алфавита» (1926) новые алфавиты для младописьменных и бесписьменных языков создавались на основе латиницы; на ту же основу переводились языки с «трудночитаемой» графикой (такой, как арабица). Книги на шугнанском языке издавались на этом алфавите. Работа велась на латинице с учетом современных на тот момент типографских возможностей с опорой на разработанный Новый тюркский алфавит (НТА). Позднее графическая запись текстов стала вестись в принятой для иранских языков транскрипции в латинице или кириллице. В данной работе шугнанский материал представлен при посредстве иранистической транскрипции в латинице.

В 1920 гг. с изменением социальной структуры общества интеллигенция не потеряла своей ведущей роли в культурном развитии региона. Наряду с «демократизацией языка» и введением термина «таджикский язык», произошел приток в таджикский литературный язык просторечных и диалектных единиц. Изменения коснулись не только лексических, грамматических норм, но и письма (в 1930 гг. – переход на латиницу, в 1940 гг. – переход на кириллицу), и соответственно норм орфографии. В силу этого, начиная с 1930 гг. была начата работа по составлению словарей и нормализации разговорно-бытовых элементов в языке и литературе, упорядочению речевой практики, стабилизации языковых норм.

4 Gawff V. Żulikik Muk. Stalinobod : Naşrijoti Davlatiji Toçikiston, 1938. 22 с.

5 Kassil L. Sumoĵoti jaxparca. Stalinobod : Naşrijoti Davlatiji Toçikiston, 1937. 23 с.

его срез с установкой на норму был зафиксирован в письменной форме. Однако в конце 1930 гг. проект по введению нового письменного языка в ГБАО был прекращен, дальнейшее применение шугнанского языка в школе и обучение на нем было сочтено нецелесообразным. Шугнанский язык был изъят из письменного и административного обращения и вновь переведен в разряд бесписьменных⁶. Такая ситуация в целом сохранялась до конца 1980 гг. Обучение стало вестись на таджикском языке.

Но научно-исследовательская работа по изучению всех памирских языков и их диалектной базы, начиная с 1920 гг., велась активно. В Москве и Ленинграде в рамках Академии наук СССР велось изучение памирских языков. К результатам такой деятельности можно отнести появление описаний языков с текстами и двуязычными словарями. В 1960 гг. в Институте языка и литературы Академии наук Таджикской ССР под руководством Д. Карамшоева был открыт сектор, а позднее отдел памироведения, где осуществлялись документирование шугнанского и других памирских языков, их описание, лексикографическая работа по составлению двуязычных (многоязычных) и толковых словарей, сбор фольклора и ономастики, создание сборников текстов и двуязычных словарей. Здесь для представления эмпирического материала шугнанского языка использовалась кириллица с добавочными знаками и дополнительной диакритикой. Первые научные публикации отдела появились в начале 1970 гг.

Второй этап активизации языкового строительства на территории СССР пришелся на 1980–1990 гг. В этот период заново были созданы алфавиты для многих бесписьменных языков, продолжена работа по созданию литературных языков, моделью для которых по-прежнему служили образцы языкового строительства XIX в., поэтому необходимая для развития языка полифункциональность ставилась некоторыми исследователями под сомнение. Такое мнение, например, высказывает С. А. Москвичева, отмечая при незначительном числе носителей идиома снижение синтагматических характеристик при возрастании парадигматических в созданном искусственно литературном языке [Москвичева, 2015, с. 8–9].

В 1980 гг. появились новые предложения по алфавиту и орфографии шугнанского письма (см. подробнее: [Додыхудоева, 2020]). В последние десятилетия XX в. были разработаны различные варианты

6 Впоследствии эта деятельность для части малочисленных языков СССР рассматривалась как ошибочная. Так, в докладе В. В. Виноградова на пленарном заседании координационной конференции, посвященной закономерностям развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху (20–24 ноября 1962 г.) отмечалось: «Вместе с тем в этот период были допущены и серьезные ошибки: 1) попытки создания письменности на родном языке очень малочисленным этническим группам вопреки реальной необходимости (например, для некоторых этнических групп Крайнего Севера, отдельных тюркских, финно-угорских, иранских, кавказских этнических групп, которые впоследствии отказались от письменности на их родных языках и стали пользоваться русским и другими литературными языками соседних братских народов)...» [Виноградов и др., 1963, с. 6].

алфавитов на основе латиницы и кириллицы, а также варианты параллельных график [Эдельман, 2010; Эдельман, 2016], а алфавиты на базе кириллической графики с дополнительными диакритическими знаками с начала 1990 г. стали применяться в научных изданиях и местной печати, в газетах и литературно-публицистических приложениях к ним («Бадахшон», «Маърифат» / «Просвещение», «Фарҳанги Бадахшон» / «Культура Бадахшана»).

Свободное владение навыками чтения и письма на доминирующем таджикском (в России – русском) языке и одновременно усиление этнического самосознания создали исключительные предпосылки для развития в СССР тех лет письменности на бесписьменных языках. В 1989 г. был принят «Закон Таджикской ССР о языке», который предусматривал создание условий «для свободного развития и использования бадахшанских (памирских) языков». В печати ГБАО ставился вопрос о проблемах языка и культуры (см., например, передовицу «Язык и развитие культуры» в «Бадахшони Совети» за 26 января 1989 г.). В 1991 г. в той же газете было опубликовано решение президиума Совета народных депутатов ГБАО об утверждении алфавита памирских языков, началась широкая кампания по выдвижению и обсуждению различных вариантов алфавитов.

К настоящему времени опубликованы ряд специальных словарей и фразеологических сборников шугнанского языка, ведется работа по подготовке Евангелий от Луки и Матфея, с 1990 г. в Хороге в Институте гуманитарных наук Национальной академии наук Таджикистана ведется работа по изданию фольклорных произведений «Фолклори Помир» («Фольклор Памира») на нескольких памирских языках.

Но попытки ввести алфавиты и письмо в нормативное русло по разным социоэкономическим причинам не увенчались успехом, поэтому и в настоящее время публикации на шугнанском языке демонстрируют высокую степень графико-орфографической вариативности.

В научных исследованиях на территории Российской Федерации для записи шугнанских текстов применяется научная иранистическая транскрипция на основе латиницы с добавлением греческих букв. Носители же языка для записи в быту применяют различные варианты кириллицы [Додыхудоева, 2020]. В настоящее время на основе «Шугнанско-русского словаря» Д. Карамшоева создается Корпус шугнанского языка с аудиовоспроизведением словоформ; группа молодых исследователей ведет работу по пополнению корпуса, оцифровке фольклорных произведений, авторской поэзии, песен и прозы [Макаров, Меленченко, 2021].

При всем том нормативная система письма шугнанского языка до сих пор не создана⁷. В

⁷ Комитетом по языку и терминологии при правительстве Республики Таджикистан по нормированию и кодификации осуществляется государственная политика в области таджикского языка и контроль за практической реализацией правил его правописания. Так, в июне 2023 г. заместитель председателя Комитета С. Р. Рахматуллозода провел в ГБАО в Хороге, Рушане и Мургабе серию семинаров и встреч с научными работниками и

рамках исследований сотрудников Института языка и литературы Национальной академии наук Таджикистана памирские языки, включая шугнанский, в настоящее время квалифицируются как «древние» и языки семейного наследия⁸, а публикации на них осознаются как стихийные, демонстрирующие высокую графическую вариативность.

Необходимо отметить еще один аспект проблемы. Современное развитие инфраструктуры и технологий связи, глобализация и более открытые и тесные контакты с мировым сообществом, свободное владение навыками чтения и письма на разных языках, активная миграция молодежи, но одновременно и подъем этнорелигиозного самосознания создали предпосылки для стихийного развития письменности на бесписьменных памирских языках, что обеспечено широким доступом к мобильным устройствам и мессенджерам.

В силу этих процессов первый международный форум «Сохранение и развитие памирских языков», прошедший 20–22 августа в Хороге в 2018 г. под эгидой хукумата ГБАО, Института гуманитарных наук Национальной академии наук Таджикистана и ООО «Нур», «Эхё» и «Нилуфар», внес в свою резолюцию обращение к государственным структурам о введении нормативной письменности для памирских языков.

Социокультурная значимость этой научной и научно-организационной деятельности заключается в разработке учебных материалов и профессиональной поддержке публикационной деятельности на памирских языках и поддержке работы активистов, заинтересованных в сохранении своих родных языков и передаче лингвокультурной традиции.

Разработка подходов к шугнанской письменности

Разработка нормативной графической системы шугнанского языка все еще находится на этапе становления. Этот процесс осложняется влиянием письменной нормы доминирующего таджикского языка. Рукописные и опубликованные материалы демонстрируют широкую вариативность графического, а также фонетического оформления текстов. Сложность представляет выбор графем для передачи специфических звуков речи речи ғъ [ɣ̞], дъ [δ̞], ть [ʁ̞], зь [ʒ̞], не решены вопросы фиксации на письме долготы, сверхкраткого гласного [i̞], пред-

преподавателями вузов под девизом «Национальное единство – источник развития национальной духовности», которые были посвящены роли единства в становлении и развитии общества, а также разъяснению правил правописания в таджикском языке и книжной терминологии. Проблемы памирских языков при этом не затрагивались.

⁸ Так, среди рабочих названий научной конференции «Языки и диалекты Горного Бадахшана», проведенной совместно Институтом языкознания РАН и Институтом языка и литературы им. Абу Абдулло Рудаки Национальной академии наук Таджикистана 15 ноября 2023 (Москва – Душанбе и Хорог), предложенных таджикской стороной, были: «Местные языки и диалекты Горного Бадахшана» / «Local languages and peoples of Badakhshan» и «Развитие языков и диалектов Припамирского региона». Ответственным секретарем конференции выступил А. Мирбобоев – заведующий отделом древних и арийских языков (шуйбаи забонҳои бостон ва ориёӣ) Института языка и литературы им. Рудаки Национальной академии наук Таджикистана.

ставления \dot{u} [ũ] и долгого \bar{u} [ū], а также [ê]. Проблема осложняется, во-первых, влиянием орфографических норм таджикского литературного языка, во-вторых, отсутствием единого исследовательского подхода к принципам графики и орфографии шугнанского языка. Как отмечает один из разработчиков шугнанского алфавита в начале XX в.: «Когда принимался шугнанский алфавит, в разработке которого мне пришлось принимать участие, мы действовали вслепую. Были известны многие алфавиты, и мы старались выбирать такие знаки, которые имелись бы в других алфавитах. Но нам не было известно значение этих знаков. Так, например, в каком-нибудь дагестанском алфавите было “е” “ше”, мы его приняли за “це”. Это делалось не потому, что мы хотели внести какое-то новшество, а потому что не было связи в нашей работе» [Дьяков, 1933, с. 171–177].

Перспективы стандартизации шугнанского языка

Как отмечала М. М. Гухман, в советском языкознании впервые социальная функция стала использоваться как важнейший дистинктивный признак при характеристике разных форм существования языка, при котором основное различие между литературным языком и диалектом определяется как различие их социальных функций. Функциональному многообразию литературного языка, охватывающего разные сферы государственной и общественной жизни как в устной, так и в письменной форме, противопоставляются бесписьменные, преимущественно однофункциональные диалекты с их ограниченной сферой бытового общения, семейной частной жизни; функциональный критерий принимается и в качестве принципа разграничения языка и диалекта [Гухман, 1972, с. 5]. При этом в последние десятилетия в связи с процессом сужения сферы применения территориальных диалектов и региональных языков все большее значение приобретает именно изучение разных типов региональных наречий разного социолингвистического статуса, имеющих специфические локальные приметы⁹.

На рубеже XX–XXI вв. отмечалось, что стандартизация шугнанского языка относительна, и условно были выделены стили: стихотворный, повествовательный (фольклор, предания, исторические повествования), разговорно-бытовой, причем стихотворный выделялся как отличающийся стандартизацией в фонетике, грамматике и лексике. При создании письменности в 1930 г. базой послужил повествовательный стиль; наддиалектная норма не была выработана [Эдельман, Юсуфбеков, 2000, с. 226]. Несколько десятилетий развития бесписьменного шугнанского языка в условиях особого внимания к миноритарным языкам, а также усилия исследователей и носителей по его документированию, сохранению и введению нормативной графики дали плоды в области создания корпуса текстов. На основе этих прецедентных текстов начались процессы стандартизации и нормирования языка.

⁹ О терминологии и дефинициях «литературный» и «стандартный», см., например: [Москвичева, 2015, с. 9].

В последние десятилетия фокус исследований по стандартизации миноритарных языков сместился в связи с актуализацией понятий «языковая идеология», «идеология стандартного языка» (*standard language ideology*). Если раньше исследования были ориентированы на идеологию одноязычия, то сейчас они направлены на многоязычие, в частности изучение диглосных и транскультурных отношений, включая пуристические тенденции [McLelland, 2021, с. 109]. Вместе с тем при изучении языковой стандартизации акцентируется ключевая роль изучаемого языка (иностранный / второго) в кодификации, что задает установку на обновленную программу исследований по стандартизации, которые обогащаются как за счет внимания к многоязычию.

Расположение социальных признаков в речи в аспекте фонетики можно представить в следующей последовательности: территориальная принадлежность говорящего, возраст, социальное положение, профессия, уровень образования, влияние радио. Большую роль в формировании речевых навыков имеют языковое окружение, профессиональные навыки¹⁰. Причем носителей разных уровней языка конкретного сообщества объединяет общее коммуникативное поведение. Для нас важно, что носители разговорного языка характеризуются «мифологизированным сознанием» (термин А. Ф. Лосева, под которым подразумевается, что действительность воспринимается в значительной степени в конкретно-чувственных образах и вербализуется на эмоционально-образном языке), коллективизмом, консервативностью, языковым чутьем и тенденцией к оценочности. При этом у людей, говорящих на языках без письменности и наддиалектной нормы, просматривается установка на (внутреннюю) норму, правильность своей речи, в отличие от чужой, что определяется интуитивно, исходя из знания родного языка. Так, в ходе интервью с носителями языка приходилось слышать высказывания о «чистоте» родного шугнанского языка, причем нередко таким образом характеризовали свою речь носители разных говоров.

Даже таджикский язык региона, который по традиции называется здесь *порси*, считается наиболее «чистым» (ш. *sof*, тадж. *sof* ‘чистый, ясный’) по сравнению с языком столицы Таджикистана или севером республики (из интервью с Д. Карамшовым, Душанбе, ГБАО, 2001).

Рассмотрим некоторые черты, связанные в публикациях с вопросами внутренней и внешней нормы. В первую очередь это ряд характерных / нехарактерных для языка фонетических черт (перебои $h - \emptyset$, $w - \emptyset$, $\delta / \vartheta - \emptyset$ и др.), грамматических и морфосинтаксических черт (изафетная конструкция), а также особенности введения неологизмов (отличающихся спецификой в номинации, значения которых сформированы за счет прецедентности), заимствованной лексики (где имеет место синонимия, граничащая с дублетностью) и ее словообразовательные модели.

¹⁰ Швейцер А. Д., Никольский Л. Б. Введение в социолингвистику. Москва: Высшая школа, 1978. 214 с.

Согласно наблюдениям, наибольший диапазон социального варьирования характерен для фонетического уровня [Зиндер, 1986]. Приведем ряд примеров, характерных для шугнанского языка в его письменной и устной форме.

Для письменных текстов 1930 гг. характерно введение отсутствующего в шугнанском устном произношении фарингального *h* в заимствованной лексике, в том числе из таджикского языка: *siyohat* ‘путешествие’, *bahr* ‘море’, *rahbar* ‘руководитель’, *ahwol* ‘состояние’, *juhūn* ‘мир’, *hujūm* ‘атака’, *hawo* ‘воздух, погода’, *haqēqi* ‘достойный’, *hawli* ‘двор’, *mahala* ‘помещение’, *buhor* ‘весна’, *hol* ‘состояние’, *ahwol* ‘состояние’, *qahramūn* ‘герой’, однако *urmat* ‘уважение’ при таджикском *хурмат*; *aha* ‘междом. ЕМР’, *luhū* ‘быстро’, *qahr* ‘гнев’, *heč* ‘никакой’, *čā-ǰāhā* ‘щебет’¹¹, однако *saar(aki)* ‘утро(м)’ при таджикском *саҳар*; *maal(l)ā* ‘помещение’ при таджикском *маҳала*.

В качестве признака нормирования сегодня можно отметить старательное соблюдение произносительных норм таджикского языка молодыми носителями языка, например введение в шугнанскую речь *h*: *rahmat*, при обычном *rāmat* ‘спасибо’, *zahrnok* при обычном *zārnok*. Та же тенденция характерна для произнесения большей части словаря, заимствованного из таджикского языка, например: совр. ш. *mehmūn* ‘гость’ при возможных вариантах *metūn*, *mautūn*, *metūn*, *mētū/ūn*.

В настоящее время в Таджикистане введена единообразная система передачи личных имен¹². В результате во многих традиционных шугнано-рушанских, ваханских и ишкашимских именах появилось наращение [x], системное для таджикского литературного языка: ш. *Аво* передается на письме как *Хаво*; *Зоалишо*, *Зо(о)лишо* передается как *Зухалишо*; *Мёр* передается как *Мехр*; *(У)сайн* ‘Хусайн’ передается как *Хусайн*. (Многие из имен этого списка сохранились и употребляются только на территории ГБАО¹³.)

Отметим еще одну характерную фонетическую тенденцию: для многих таджикско-арабских заимствований характерно опущение или, наоборот, привнесение губно-губного [w]: ш. *šulwā*, *šallā*, *šālā* ‘пламя, луч, свет’, при этом в переводной книге Л. Кассиля 1937 г. встречаем ш. *šālā*, что можно рассматривать как следствие устранения удвоения сонорных согласных.

Вместе с тем на письме отмечены фонетические формы со стяжением [ey], [ay] в [e], присутствие шугнанской речи: *medūn* (см. книгу В. Гауфа «Маленький Мук», 1938), ср. с совр. *maudūn*, тадж. майдон ‘площадь, ристалище’.

В ранних записях шугнанского языка, например, в книге Л. Кассиля, отмечен глухой [ʒ], что нехарактер-

11 Здесь и далее примеры из: Gawff V. Zulikik Muk. Stalinobod : Našrijoti Davlatiji Točikiston, 1938. 22 с.; Kassil L. Sumoqoti jahparca. Stalinobod : Našrijoti Davlatiji Točikiston, 1937. 23 с.; Карамшов Д. Шугнанско-русский словарь. Москва : ГРВЛ, 1988–1999.

12 Фехристи номҳои милли тоҷикӣ = Реестр таджикских национальных имен / Комитет по языку и терминологии при Правительстве Республики Таджикистан. Текст : электронный URL : http://istilohot.tj/sites/default/files/articleattachments/Fehristi_nomhoi_milli_2023.pdf (дата обращения : 06.09.2023).

13 Карамшов Д. Словарь памирских личных имен. Душанбе : Дониш, 2015. 303 с.

но для современного устного произношения молодежи, где нормативен межзубной звонкий [ʒ] или отсутствие конечного согласного в ауслaute. Так, при передаче лексемы *мастер* сейчас принята форма со звонким межзубным [ʒ] в исходе слова или с его опущением: *wisto(ʒ)*, *usto(ʒ)*, *wustod* ‘мастер, ремесленник, кузнец’, однако в переводе рассказа Л. Кассиля представлена форма с конечным *ʒ* [ʒ]: *Wiyen yax mizdow korard wistoʒ wizent* ‘Он считался большим мастером по делам, связанным со льдом’. В ауслaute имеет место оглушение: *zowut* ‘завод’, ср. с шугнанским *ʒund* ‘Гунт’ (название реки). В ранних заимствованиях лексики, особенно арабской, отмечается альтернатива [l] / [r]: *zalūl*, *zarūr* ‘нужный, необходимый’; *zalūliyat* / *zarūriyat* ‘необходимость, нужда’; *zalat*, *zarar* ‘вред, убыток, ущерб’. Употребление формы с [l] отмечено в поговорке: ш. *Bo zalūliyat nāla čandīn rawo* ‘Как говорят, при необходимости все допускается’.

В качестве примера отсутствия нормы в письменном шугнанском языке рассмотрим некоторые характерные / нехарактерные грамматические, морфосинтаксические черты и словообразовательные модели. По крайней мере, до 1930 гг. шугнанские дети не видели самолетов, не знали, что такое радио, не были знакомы с рядом культурных явлений, поэтому для образования имени деятеля на основе лексем, обозначающих эти реалии, используется таджикский суффикс *-či*: *aeraplanči* ‘летчик’, *radiyoči* ‘радиот’, *Čeluskinčiyen* ‘челюскинцы’ (слово в издании 1937 г. оформлено с заглавной буквы). Этот ряд можно дополнить лексическими нововведениями 1920 гг.: *kolxozči* ‘колхозник’, *fermači* ‘заведующий фермой’, *tambūrči* ‘играющий на тамбуре’, *tūrči* ‘артиллерист’, по-видимому, с ориентацией на традиционные модели деятеля, принятые из соседних таджикских диалектов: *шикорчи* ‘охотник; ловец’, лит. *шикорчи*.

В грамматике отметим введение изафетной конструкции наряду с атрибутивным словосочетанием и дальнейшее развитие сложных слов, композитов.

По принципу изафетной конструкции, привнесённой из таджикского языка, строится ряд сочетаний. В шугнанском переводе текста Л. Кассиля имеются перебои в передаче атрибутивных сочетаний, связанных с лексикой, имеющей отношение к Северному полюсу.

Стандартны для шугнанского языка атрибутивные сочетания с постановкой определения в препозиции: 1) *qutbi xitêz* ‘Полярная звезда’, ср. с тадж. *Ситораи Қутб* [Мухиддинов, 1973], *ситораи қутбӣ*, *ситораи корвонкаш* ‘Полярная звезда (как ориентир при движении каравана)’, *ситораи қутбӣ* ‘Северный полюс’; 2) *qutbi bahr*; *Qutbi bahr* ‘Северное море’; 3) *Safed bahr* ‘Белое море’; 4) *qutbi kud* ‘полярная собака’; 5) *qutbi yāx* ‘льды [Северного] полюса’; 6) *qutbi yāx parčā* ‘льдинка с [Северного] полюса’; 7) *yi parčā qutbi yāx* ‘одна льдинка с [Северного] полюса’.

При этом в том же тексте, связанном с Северным полюсом, широко представлена изафетная конструкция: 1) *qutbi šimoli* / *šamoli* ‘Северный полюс’, ср. ш. *šamol* ‘север, ветер’, *šamolin* ‘ветренный’, ср. тадж. *Қутби Шимолӣ* ‘Северный полюс’, *қутб*

‘полос’, *шимол* ‘север’, *шимолӣ* ‘северный’, *шамол* ‘ветер’, *шамолин* ‘ветренный’; 2) *bahri šamoli* ‘Северное море’, ср. тадж. *Баҳри Шимолӣ* ‘Северное море’; *bahri qutbi* ‘Полярное, море’, тадж. *қутбӣ* ‘полярный’, ср.: *доираи қутбӣ* ‘полярный круг’, *қутбнамо* ‘компас’; 3) *bahri Kabir* ‘Великий океан’; 4) *ауғуни баҳри* ‘тюлень – морское животное’; 5) *уҳпарҷаи қутби* ‘льдинка с Северного полюса’, тадж. *яхпарча* ‘кусочек льда, льдинка, ледышка’, ср.: *яхтӯда* ‘ледяная глыба; ледяной торос’.

Не нормировано использование лексемы, обозначающей ледяную гору, нагромождение. Она представлена то как сложное слово, то как словосочетание: *уҳкӯи*, *уҳкӯиен*, *уҳ кӯиен* ‘ледяная гора, глыба, ледяной торос’, *уҳ кӯиен* ‘ледяные горы, торосы’, ср.: тадж. *яхтӯда* ‘ледяная глыба; ледяной торос (в полярных морях)’.

Рассматриваемые тексты являются переводными, поэтому в них часто встречаются заимствования, которые, как правило, передаются в транслитерированной форме: *Šuturma* ‘Штурма’ (кличка собаки), *kapitan* ‘капитан’, “*Čeluskin*” *paraхōd* ‘пароход «Челюскин»’, *radiyo* ‘радио’; *bayraq* ‘знамя’, ср.: тадж. *байрақ* ‘знамя, флаг, стяг’. С другой стороны, заимствованные слова могут подвергаться фонетическим изменениям, обусловленным фонологической системой шугнанского языка. Так, в слове *дирижабль* добавлено [i] в ауслaute: *dirižabli* ‘дирижабль’, а в слове *gazeta* снят конечный гласный – *gazet*, что можно объяснить восприятием термина на слух. Вместе с тем употребляются словоформы, где конечный гласный получает характерное для шугнанского удлинение финального гласного (*bankā* ‘банка’) или сужение в слоге перед носовым (*čamadūn* ‘чемодан’, ср. с перс. *jāmadān* ‘чемодан, сумка для одежды’).

Часть реалий текста Л. Кассиля была неизвестна детской аудитории. Ограниченность связей носители памирских языков с внешним миром осложняла задачу переводчика по описанию большого мира, его морей, дорог, городов. Описание города с его улицами, площадями и минаретами требовало разъяснений. Во многих случаях обозначение таких реалий требовало отдельных комментариев или пояснений в самом тексте. Так, слово *kanka* не было известно шугнанской аудитории, и потому оно приводится с пояснением: *уҳбози kunak* ‘конек, коньки – приспособление для игры на льду’, ср. с более поздним *уҳбози*, заимствованным из тадж. *яхбозӣ* ‘катание на коньках’, объяснения потребовал и рассказ о тюлене (*уи ауғуни баҳри* ‘морское животное’).

Второй способ введения незнакомого шугнанской культуре понятия – создание неологизмов. В силу того, что в культуре практически отсутствовали дороги, в том числе для передвижения верхового и колесного транспорта, не было и понятия «тротуар», поэтому для его передачи используются два слова: *рӯодā* ‘пеший’ + *рӯнд* ‘путь’, букв. ‘пешая дорога’, сочетание лишь отчасти передающее содержание понятия ‘дорога (для ходьбы)’ (ср. общее обозначение пути: *рӯнд* ‘путь, дорога, тропа’, *рӯндез* ‘горная тропа, тропинка’ и более поздний термин *мошӣн рӯнд* ‘проезжая

дорога для машин’). Для передачи понятия «самокат» использовано слово *arobā* ‘арба’ в расширительном значении; сегодня используются заимствованные из русского слова *самокат*, *беговел* и *скутер*. Среди неологизмов того времени можно отметить также любопытный композит *ауроҷ(иги)нāуен* (форма мн.ч.) ‘аэросани’, созданный из двух компонентов: заимствованного *a(e)уро* и исконного *čiginā* (ш. *čiginā* ‘сани-волокуши (для перевозки соломы и хвороста при полевых работах в горах)’; ср. с тадж. *čigina* разг. ‘сани-волокуши (для перевозки сена, дров)’, лит. *чигина* ‘сеносборщик, борона’).

В некоторых случаях при отсутствии реалий переводчик применяет сочетание прямого перевода и элементов описания: при упоминании плюшевого игрушечного медведя применяется сочетание *baxmalin bozi-kunak уӯрх*, известный в языке термин *baxmalin* ‘бархатный’ + тадж. *bozi-kunak* ‘игрушечный, игрушка’ (*bozi* ‘игра’+*kun* ‘делать’) + исконное *уӯрх* ‘медведь’. При этом в первом изданном на шугнанском языке романе¹⁴ в значении мягкой игрушки – медвежонок – применяется уже тадж. лексема *xirsak* ‘медвежонок’. Интересно также описательное сочетание, употребляемое для передачи заголовка рассказа Л. Кассиля *льдина холодина* ш. *sumyoti уҳпарҷā* ‘кусочек льда (в) подарок’, *sumyoti, sawyot(i)* ‘подарок, привезенный из поездки, путешествия’, тадж. *савғом(ӯ)* ‘подарок, гостинец’.

Таким образом отбирается совокупность общеупотребительных языковых средств, а также формируются правила их использования и в дальнейшем отбора.

Для демонстрации этапов формирования внешней нормы можно привлечь примеры публикаций XX в. на основе латиницы и кириллицы. Принимая за основу формирования внешней нормы авторитеты в области языка и литературы (педагогов, поэтов, писателей, журналистов и пр.) и книжные издания, предлагается следующая условная хронологическая таблица (табл.1).

После второго этапа, единственного периода официального признания языка и усилий общества и государства по созданию его нормированного стандарта вплоть до последнего времени работа по фиксации шугнанского языка велась лишь отдельными научными учреждениями. В настоящее время при осознании угрозы исчезновения миноритарных языков и при нарастании языковых сдвигов в среде их носителей одной из задач лингвистов и языковых активистов стал стимул к сохранению языков, созданию письменной традиции и переводов, а также «к выработке и развитию их литературной нормы, к культурному обогащению» [Эдельман, 2016, с. 98].

Социально-экономические изменения в жизни носителей конкретного языка влияют и на его функции. В XX–XXI вв. велась работа по расширению функций шугнанского языка, предпринимались попытки его использования в медиа. Анализ дискурсивной практики показал [Абдулхамидова, Юсуфбеков, 2017], что установление публичного дискурса произ-

14 Худобахшов Х. Зиндаги аз нав ца сӯд сар. Хорог, 2017. 187 с.

Таблица 1. Этапы формирования внешней нормы
Table 1. Stages of external norm formation

Годы	Вид публикации
1867	Публикация Р. Б. Шоу текста сказки «Водарег» на шугнанском языке с английским переводом (Сарыкол, Китай)
1930 г.	Создание алфавита (на основе латиницы) и системы письма, издание букварей, поэтического сборника Н. Шамбезода, прозаических художественных текстов Л. Кассиля и В. Гауфа, букварей, учебников для начальной школы
1970–1990	Проекты алфавитов (на основе кириллицы/латиницы), издание сборников фольклора и авторской поэзии, научных публикаций, газет, словарей, грамматик, учебников для начальной школы
2001	Издание «Евангелия от Луки» (в отрывках)
2014–по наст. вр.	Выпуск детских книг, радиопрограмм, мультипликационных фильмов, аудиосказок
2017	Выход романа Худобахшова Х. «Зиндаги аз нав ца сӯд сар» («Если бы жизнь началась заново»), одноязычной грамматики
2023	Издание сборника сказок в серии «Памирский фольклор»

ходит через создание словесных единиц – особенно единиц, имеющих публицистический характер, – и их совершенствование.

Отметим здесь влияние на шугнанский язык известных литературных деятелей. В качестве примера переключения кода приведем высказывание известного таджикского поэта А. Мирходжа, продемонстрировавшего в своей публикации такой художественный прием как использование транслингвального механизма. В таджикском тексте, посвященном традициям игры женщин на бубне в Бадахшане, он привлек в качестве маркера аутентичности и образности шугнанский описательный оборот *kaxou dāf* ‘женщина / женский’ + ‘бубен’, который передается в таджикском языке изафетной конструкцией (тадж. *доиразании занон*). Другая известная в памироведении фигура – лингвист Ш. П. Юсуфбеков прокомментировал введение шугнанского оборота в таджикский текст и рассказал в интервью о таком виде музыкального исполнения, употребляя данный термин как композит, что послужило созданию нового варианта языковой единицы [Додыхудоева, 2014, с. 63–74]. В комментарии к первой публикации шугнанской сказки «Водарег» профессор Ш. П. Юсуфбеков отметил, что язык рассказчика архаичен и своеобразен, в нем присутствуют характерные для одной из замкнутых долин Шугнана – Шахдары, черты, а также оригинальные неологизмы (из интервью Ш. П. Юсуфбекова, Дашт, ГБАО, 2018).

В качестве медиаторов социального пространства можно рассматривать и группы по интересам в социальных сетях, которые способствуют укреплению позиции языка, через обсуждение актуальных для членов языкового сообщества вопросов на родном языке, через языковое творчество – создание новых языковых единиц и новых подходов к их пониманию, усиливающих уверенность в возможности использования родного языка в публичной сфере. Создание публичной сферы шугнанского языка находится в начале своего пути, но носители языка осознанно предпринимают усилия по развитию публичной сферы, для формирования и продвижения

общественного мнения о праве шугнанцев свободно и открыто применять родной язык в общественных целях [Абдулхамидова, Юсуфбеков, 2017].

При этом шугнанский, как указывалось выше, является средством общения, *lingua franca*, в регионе и, имея высокую социальную значимость, оказывает влияние на все другие языки, особенно близкородственные языки шугнано-рушанской группы. Как отмечал лингвист М. Файзов, давший одно из первых описаний рушанского языка (1963) и занимавшийся впоследствии вопросами орфоэпии и сценической речи на памирских и таджикском языках, уже в начале XXI в. у молодого поколения жителей Рушана (особенно студентов, обучающихся в Хороге, т.е. в Шугнана) начался процесс перехода от применения эргативной конструкции с косвенной формой местоимений на прямые формы, подобные тем, которые характерны для шугнанского языка. Так, вместо оригинальных конструкций типа *у мене мое сделанное*, с руш. *ти ...* ‘мне, у меня’, в широкое употребление вошли прямые конструкции типа *az-um xūd* ‘я услышал’, сходные с шугнанскими (*wuz-um čūd* ‘я сделал’) (из интервью автора с М. Файзовым, Душанбе, 2007).

Выводы

В рамках настоящей статьи рассмотрены понятия вариативности и языковой нормы в шугнанском языке на разных этапах его развития при чередовании статуса языка от бесписьменного к письменному и обратно к бесписьменному.

Затронуты значимые подходы и практики передачи стандартных / нестандартных единиц, специфика их отбора, восприятия и оценки экспертами и рядовыми носителями общенародного языка; закономерности использования в художественном тексте заимствованных языковых средств и неологизмов; лингвокультурологические аспекты осмысления новейших проявлений шугнанского дискурса, получившие распространение в условиях информационно-коммуникативных технологий.

На фоне высокой степени графической и орфографической вариативности текстов дан предварительный очерк проявления в языке, взаимодействия различных видов нормирования, выявлен дрейф в направлении кодификации.

При отсутствии государственно-институциональных структур по регулированию социальной речевой деятельности и возможности решать теоретические и практические вопросы сверху в рамках деятельности в сфере культуры речи и языковой политики в настоящее время в силу повышения коммуникативной роли устного / письменного языка снят барьер между живой разговорной речью и сферой публичного общения, а также их графическим отражением (в письменном

печатном тексте и особенно в интернете).

Таким образом задается стимул к созданию письменной традиции с единой нормативной системой письма, составлению шугнанско-таджикско-русских и др. словарей, отражающих национальную лексику, и нормативных грамматик, а также к созданию прозаических художественных произведений, и на этой основе к выработке литературной нормы, что будет способствовать повышению социолингвистического статуса и сохранению языка.

Сокращения

Рус. – русский язык; руш. – рушанский язык; тадж. – таджикский язык; шугн. – шугнанский язык; ш. – шугнанский язык.

Список литературы

- Абдулхамидова П. Ш., Юсуфбеков Ш. П. Становление публичного шугнанского дискурса в СМИ и социальных сетях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2017. Том 21. № 4. С 858–869. DOI: [10.22363/2312-9182-2017-21-4-858-869](https://doi.org/10.22363/2312-9182-2017-21-4-858-869) EDN: ZSGRLR
- Виноградов В. В., Дешериев Ю. Д., Решетов В. В., Серебренников Б. А., Скорик П. Я., Баскаков Н. А. Основные итоги и задачи разработки вопросов письменности и развития литературных языков народов СССР // Вопросы языкознания. 1963. № 3. С. 3–14.
- Гухман М. М. У истоков советской социальной лингвистики // Иностранные языки в школе. 1972. № 4. С. 2–10.
- Додыхудоева Л. Р. История формирования письменности на памирских языках: разработка алфавитов // Иранское языкознание 2020. Москва : Языки народов мира, 2020. С. 252–277. DOI [10.37892/978-5-89191-092-8-2020-0-0-252-277](https://doi.org/10.37892/978-5-89191-092-8-2020-0-0-252-277). EDN MJGJVJ
- Додыхудоева Л. Р. Об одном случае сложения термина в шугнанском языке: игра на дафе // Родной язык. 2014. № 1. С. 58–75.
- Дьяков А. Итоги и перспективы латинизации и унификации // Язык и письменность народов СССР: стенографический отчет Всесоюзного пленума научного совета ВЦК НА (15–19 февраля 1933 г.). Москва, 1933. С. 171–177.
- Зиндер Л. Р. Очередные задачи фонетики // Проблемы фонетики и фонологии. Москва : Институт языкознания АН СССР, 1986. С. 39–43.
- Ицкович В. А. Языковая норма. Москва : Просвещение, 1968. 93 с.
- Крысин Л. П. Русская литературная норма и современная речевая практика // Русский язык в научном освещении. 2007. № 2. 2007. С. 5–17.
- Крысин Л. П. Языковая норма и речевая практика // Отечественные записки. 2005. № 2. С. 36–47. EDN SJOLWF
- Макаров Ю. Ю., Меленченко М. Г. Памирские языки. Москва : Школа лингвистики, НИУ Высшая школа экономики. Текст : электронный. URL : <https://pamiri.online> (дата обращения : 06.09.2023).
- Москвичева С. А. Синхронические и диахронические модели языковой нормы: миноритарный язык между «кодифицированным вариантом» и «литературным языком» // Психологические исследования. 2015. № 8. Текст : электронный. URL : <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n42/1159-moskvicheva42.html> (дата обращения : 06.09.2023). EDN VHFQOB
- Мухиддинов И. Обряды и обычаи, связанные с земледелием, у памирских таджиков Вахана и Ишкашима в XIX – начале XX в.: материалы к историко-этнографическому атласу народов Средней Азии и Казахстана // Советская этнография. 1973. № 3. С. 99–109.
- Эдельман Д. И. Некоторые проблемы миноритарных языков Памира (к становлению письменности и литературы) // Родной язык. 2016. № 2. С. 87–113.
- Эдельман Д. И. Опыт перевода Евангелия на бесписьменные памирские языки (на примере язгулямского языка) // Перевод Библии как фактор развития и сохранения языков народов России и стран СНГ: проблемы и решения. Москва : Институт перевода Библии, 2010. С. 187–201. EDN VNHBHZ
- Эдельман Д. И., Юсуфбеков Ш. П. Шугнанский язык // Языки мира. Иранские языки. III. Восточноиранские языки. Москва : Индрик, 2000. С. 225–242.
- McLelland N. Language standards, standardisation and standard ideologies in multilingual contexts // Journal of multilingual and multicultural development. 2021. Volume 42. № 2. P. 109–124.
- Jaspers J., Van Hoof S. Ceci n'est pas une Tussentaal: Evoking Standard and Vernacular Language Through Mixed Dutch in Flemish Telecinematic Discourse // Journal of Germanic Linguistics 2015, 27. P. 1–44.

References

- Abdulkhamidova, P. Sh., & Iusufbekov, Sh. P. (2017). Creation of the Shughnani Discourse of Public Sphere in the Media and Social Networks. *Russian Journal of Linguistics*, 21(4), 858-869. EDN: ZSGRLR. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2017-21-4-858-869>

Vinogradov, V. V., Desheriev, Iu. D., Reshetov, V. V., Serebrennikov, B. A., Skorik, P. Ia., & Baskakov, N. A. (1963). Osnovnye itogi i zadachi razrabotki voprosov pis'mennosti i razvitiia literaturnykh iazykov narodov SSSR. *Voprosy iazykoznanii*, 3, 3-14.

Gukhman, M. M. (1972). U istokov sovetskoj sotsial'noi lingvistiki. *Inostrannye iazyki v shkole*, 4, 2-10.

Dodykhudoeva, L. R. (2020). On the history of the writing system of Pamir languages: alphabet development. *Iranian linguistics* 2020, 252-277. EDN: MJGJJV. <https://doi.org/10.37892/978-5-89191-092-8-2020-0-0-252-277>

Dodykhudoeva, L. R. (2014). Ob odnom sluchae slozheniia termina v shugnanskom iazyke: igra na dafе. *Rodnoi iazyk*, 1, 58-75.

D'iakov, A. (1933). Itogi i perspektivy latinizatsii i unifikatsii. *Iazyk i pis'mennost' narodov SSSR: stenograficheskii otchet Vsesoiuznogo plenuma nauchnogo sojeta VTsK NA (15-19 fevralia 1933 g)*, 171-177.

Zinder, L. R. (1986). Ocherednye zadachi fonetiki. *Problemy fonetiki i fonologii*, 39-43.

Itskovich, V. A. (1968). Iazykovaia norma., 93. Moskva: Prosveshchenie.

Krysin, L. P. (2007). Russkaia literaturnaia norma i sovremennaia rechevaia praktika. *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 5-17.

Krysin, L. P. (2005). Iazykovaia norma i rechevaia praktika. *Otechestvennye zapiski*, 2, 36-47. EDN: SJOLWF.

Makarov, Iu. Iu., & Melenchenko, M. G. Pamirskie iazyki. Moskva: Shkola lingvistiki, NIU Vysshiaia shkola ekonomiki. Retrieved from <https://pamiri.online>

Moskvicheva, S. A. (2015). Synchronic and diachronic model of linguistic norm: a minority language between "codified variety" and "literary language". *Psychological Studies*, 8. EDN: VHFQOB <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n42/1159-moskvicheva42.html>

Mukhiddinov, I. (1973). Obriady i obychai, sviazannye s zemledeliem, u pamirskikh tadhikov Vakhana i Ishkashima v XIX. *Sovetskaia etnografiia*, 3, 99-109.

Edelman, J. I. (2016). The Development of Writing Systems and Written Literature in Pamir Minority Languages. *Rodnoy Yazyk*, 2, 87-113.

Edelman, J. I. (2010). Opyt perevoda Evangelii na bespis'mennye pamirskie iazyki (na primere iazguliamского iazyka). *Perevod Biblii kak faktor razvitiia i sokhraneniia iazykov narodov Rossii i stran SNG: problemy i resheniia*, 187-201. EDN: VNHBHZ.

Edelman, J. I., & Iusufbekov, Sh. P. (2000). Shugnanskii iazyk. *Iazyki mira*, 225-242.

McLelland N. (2021). Language standards, standardisation and standard ideologies in multilingual contexts. *Journal of multilingual and multicultural development*, Ume 42(2), 109-124.

Jaspers, J., & Hoof, S. (2015). Van Ceci n'est pas une Tussentaal: Evoking Standard and Vernacular Language Through Mixed Dutch in Flemish Telecinematic Discourse. *Journal of Germanic Linguistics*, 27, 1-44.

Информация об авторе

Додыхудоева Лейли Рахимовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языкознания Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация.
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4567-9454>;
Scopus Author ID: 6505998146
e-mail: leiladod@yahoo.com

Information about the author

Leyli R. Dodykhudoeva – Cand. Sci. (Phil.), Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4567-9454>;
Scopus Author ID: 6505998146
e-mail: leiladod@yahoo.com

Поступила в редакцию 30.09.2023
Принята к публикации 07.12.2023
Опубликована 18.12.2023

Received 30 September 2023
Accepted 07 December 2023
Published 18 December 2023

Боснийские фразеологические единицы с компонентом-ориентализмом тематической группы «Наименования сладких блюд»

<https://doi.org/10.31483/r-107644>
УДК 811.163.4'373.72:641.85

Кузнецова И. В.

Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева г. Чебоксары, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0003-2038-5879>, e-mail: irinak47@yandex.ru

Резюме. Работа посвящена анализу боснийских фразеологизмов с ориентализмом – названием сладкого блюда. Цель статьи – показать фразеологический потенциал заимствований-ориентализмов, называющих сладости, в корпусе фразеологии боснийских мусульман. Актуальность работы обусловлена необходимостью комплексного изучения фразеологизмов для выявления общего и идиоэтнического. Роль ориентализмов в создании образности фразем показывается автором в плане этнолингвокультурологии. Материалом изучения послужили бытующие в Боснии и Герцеговине фраземы некомпаративного типа. Методы исследования – анализ компонентов, структурно-семантическое моделирование, синхронно-описательный, сравнительно-сопоставительный, лингвокультурологический анализ. Структурно-семантические модели фразеологизмов иллюстрируют межъязыковую общность мотивационных идей и в то же время специфичное, выявляемое на уровне образности. Материал исследования демонстрирует разный фразеологический потенциал названий сладких кондитерских изделий ориентального происхождения. Арабизмы и персизмы в составе фразеологизмов – это опосредованные заимствования: они вошли в язык жителей Боснии и Герцеговины через турецкий; они, как и османизмы, в силу разных исторических и актуальных в наши дни причин обладают большей частотностью в боснийских фраземах. Часть из рассмотренных фразем зафиксирована лексикографическими источниками и в других регионах Южной Славии, но активность их употребления в живой разговорной речи типична именно для языка жителей Боснии Герцеговины, у которых распространен так называемый *bosanski turski*.

Ключевые слова: культура, фразеология, боснийский язык, заимствования-ориентализмы, восточная кухня, тематическая группа, сладости.

Для цитирования: Кузнецова И. В. Боснийские фразеологические единицы с компонентом-ориентализмом тематической группы «Наименования сладких блюд» // Этническая культура. 2023. Т. 5, №4. С. 33-39. DOI 10.31483/r-107644. EDN CBERBP

Bosnian phraseological units with a component-orientalism of the thematic group “Names of sweet dishes”

Irina V. Kuznetsova

I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University
Cheboksary, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0003-2038-5879>, e-mail: irinak47@yandex.ru

Abstract. The work is devoted to the analysis of Bosnian phraseological units with orientalism – the name of a sweet dish. The purpose of the article is to show the phraseological potential of borrowings-orientalisms naming sweets in the phraseology corpus of Bosnian Muslims. The relevance of the work is due to the need for a comprehensive study of phraseological units to identify common and idioethnic. The role of orientalisms in creating the imagery of phrasemes is shown in terms of ethnolinguoculturology. The material of the study is non-comparative phrasemes existing in Bosnia and Herzegovina. Methods of material processing: component analysis; linguoculturological analysis; structural and semantic modeling; comparative and synchronous descriptive. Structural and semantic models illustrate the interlanguage commonality of motivational ideas and at the same time specific, revealed at the level of imagery of phraseology. The research material shows a different phraseological potential of the names of sweet confectionery products of oriental origin. Arabisms and Persiisms as part of phraseological units are «indirect» borrowing: they entered of the inhabitants of Bosnia and Herzegovina through Turkish; they, like Ottomans, are more frequent in Bosnian phrasemes due to various historical and relevant reasons today. Some of the analyzed phrases are recorded by lexicographic sources and in other regions of Southern Slavia, but the activity of their use in live colloquial speech is typical precisely for the language of the inhabitants of Bosnia and Herzegovina, who have the so-called Bosnian Turkish.

Keywords: culture, phraseology, Bosnian language, oriental borrowings, oriental cuisine, thematic group, sweets.

For citation: Kuznetsova I. V. (2023). Bosnian phraseological units with a component-orientalism of the thematic group “Names of sweet dishes”. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 5(4), 33-39. EDN: CBERBP. <https://doi.org/10.31483/r-107644>.

Введение

Фразеология – хранилище этнической культуры, истории и особенностей менталитета народа. Рассмотрим справедливость настоящего тезиса на фразеологическом материале тематической группы «Наименования блюд» в боснийском языке. «Пища – это тот элемент материальной культуры, в котором более других сохраняются традиционные черты, с ним

более всего связаны представления народа о своей национальной специфике, и в то же время он легче и быстрее других поддается заимствованиям, вариациям, модификациям и новациям» [Арутюнов, 2001, с. 10].

Гастрономической этнокультуре посвящены разноплановые штудии [Савченко, Хмелевский, 2017; Юрина, Балдова, 2017; Яковлева, 2020], в том числе фразеологические как на материале одного языка

[Мед, 2014; Тресорукова, 2018; Юрина, 2008], так и нескольких [Ананьева, 2020; Бурукина, Лещинская, 2019; Савченко, 2018; Савченко, Хмелевский, 2016].

Ориентализмы в составе фразеологизмов привлекали внимание лингвистов [Кузнецова, Хмелевский, 2021; Šehović, Haverić, 2017]. Обычно исследователи концентрируются на одном языке: турецком [Стоянова, 2007; Vranić, Zubčić, 2013], арабском [Гиясов, Атоева, 2013; Кузнецова, Арабизм, 2022].

Цель данной статьи – показать с позиций этнолингвокультурологии фразеопотенциал наименований сладостей ориентального генезиса в Боснии на фоне других языков. Актуальность работы состоит в необходимости комплексного изучения фразеологизмов для выявления общего и идиоэтнического и обусловлена тем, что в наши дни «помимо традиционно принятых в науке понятий *Slavia Orthodoxa* ('православная Славия') и *Slavia Romana* ('католическая Славия') на Балканах с XV века начал формироваться третий мир – *Slavia Muslim* ('мусульманская Славия') со своим особым своеобразным и локально ограниченным менталитетом, культурой, религией и языком» [Савченко, Хмелевский, 2020, с. 546].

Новизна работы заключается в том, что ориентализмы тематической группы «Наименования сладких блюд» не были объектом специального анализа на боснийском материале и не сопоставлялись с фразеологизмами других народов.

Материал и методы исследования

Материал статьи – данные научных работ [Šehović, Haverić, 2017; Šiljak-Jesenković, 2020; Tanović 2001; Vranić, Zubčić, 2013] и интернет-источники.

Основные методы обработки фразеологического материала: лингвокультурологический анализ, анализ компонентов, структурно-семантическое моделирование, сравнительно-сопоставительный и синхронно-описательный.

Результаты исследования и их обсуждение

Национальная кухня – понятие, тесно связанное как с культурой народа, так и его историей, по этой причине оно изменчиво во времени и пространстве, подвержено процессу ассимиляции с кухнями других этносов. Боснийская кухня не является в этом плане исключением: из-за многовекового господства османов почти во всем регионе Балкан она, как и большинство национальных кухонь южных славян, испытала турецкое влияние. Через язык турок-османов в языки-реципиенты проникли лексемы ориентального происхождения, в первую очередь арабизмы и фарсизмы. Они обычно заимствовались вместе с реалиями материальной и духовной жизни. Так, о метаморфозах, которые произошли при заимствовании слова *йогурт* (< осм.-тур. *yoğurt* 'кисломое молоко'; происхождение лексемы связывают с тур. *yoğur-* 'месить' и *yoğur-* 'сгущать, делать густым'¹), и его фразеологическом потенциале пишут I Севортян Э. В., Левитская Л. С. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на буквы

С. М. Петрович и М. С. Джинджич [Петровић, Ђинђић, 2015]. С. Мандич на материале албанского, греческого и сербского языков анализирует фразеологизмы со «сладкими» компонентами (конфетами, медом, сахаром, в том числе и с ориентализмами – халвой и пахлавой) [Мандић, 2020].

Настоящая работа посвящена рассмотрению бытующих в Боснии фразем с компонентами-названиями некоторых сладких блюд-ориентализмов. Так как устойчивые сравнения с наименованиями восточных лакомств и напитков на материале южнославянских языков уже анализировались [Кузнецова, Названия, 2022], то в данной статье обратимся к фразеологизмам некомпаративного типа с названиями восточных сладостей.

Турцизм *šećer*² (< осм.-тур. *şeker* < перс. *ša(e)kar* 'сахар'; 'уста влюбленной'; 'поцелуй') фразеологически активен как в компаративизмах, так и в других типах боснийских устойчивых сочетаний слов. Сладкое обычно ассоциируется с тем, что доставляет удовольствие, высшее наслаждение, приятные ощущения, позитив душевного состояния и восприятия, чем мотивировано босн. *šećer i šerbe*³ 'большая прелесть, само очарование', букв. сахар и шербет, но избыток сладкого часто вызывает негативную реакцию: босн. *biti med i šećer* 'быть очень любезным (обычно чрезмерно), излишне учтивым'. Если в Боснии выражение употребляется и в наши дни, то в современном хорватском языке фразеологизм *med i šećer* используется редко, а «српски фразем *biti med i šećer* и *med* застарело»⁴, т. е. сербский фразеологизм *быть сахаром и медом* устарел. Сейчас распространен вариант хорв. *med i mljeko*; серб. *мед и млеко*.

Легко растворяющийся в жидкости сахар образно уподобляется нежному, прихотливому, не приспособленному к тяжелым условиям жизни человеку: босн., хорв. *biti od šećera* 'быть из сахара'. Сербский фразеологизм *biti od šećera* относится к человеку, нежная природа которого делает его не способным к сопротивлению в трудных жизненных ситуациях, неустойчивым и физически, и психически; оборот эквивалентен фр. *être en sucre*; эти фразеологизмы также характеризуют человека хрупкого телосложения⁵.

Прозрачна мотивация босн. *nisam od šećera* 'я не растаю от нескольких капелек дождя', букв. я не из сахара. Образность фразеологизма известна и другим языкам: болг. *не съм от захар, та да се стопя*; польск.

ж, ж, й. Москва : Наука, 1989. Том 4. С. 207–208.

2 Этимологически слово восходит к хинди, но в свое время было полностью освоено персидским языком.

3 Шербет (< осм.-тур. *şerbet* < араб. *šarbat* 'шербет; сироп') в османской культуре был связан с религиозным запретом на алкоголь, и именно в значении сладкого безалкогольного напитка он стал неотъемлемым элементом гастрономической культуры южных славян и дал жизнь босн. *popiti [svoje] šerbe* 'наступила чья-то смерть', букв. выпить [свой] шербет; ср. с болг. *пил / изпил съм си ракията* '1) пришел конец кому-либо, пришел чей-либо конек; 2) потерять невинность (о девушке)'.
4 Марчета Ј. Кулинарска терминологија у француској, италијанској и српској фразеологији : докторска дисертација. Нови Сад, 2016. С. 128.

5 Там же. С. 129, 139.

nie z cukruś, to się nie roztopisz; чеш. *není [přece] z cukru* ‘он [ведь] не из сахара’; англ. *not made of sugar*⁶ ‘не сделан из сахара’; нем. *ich bin ja nicht aus Zucker* ‘я не из сахара’. Русское *не сахарный [не растаешь]* ‘ничего плохого, страшного не произойдет, не случится’ не будет полностью эквивалентно данным фразеологизмам, которые употребляются лишь в ситуации, когда идет дождь, а у кого-то нет зонта; значение оборота шире: по данным национального корпуса русского языка⁷, он может относиться не только к находящемуся в некомфортных условиях, способному перенести непогоду, неудобства, лишения человеку, но и (реже) к представителю фауны.

Босн. *nije pao šećer u vodu [da se rastopi]* ‘не к спеху, не торопись, есть еще время для чего-либо’, букв. он не уронил сахар в воду [чтобы он растаял], имеет вариант *nije pao lokum u vodu* с популярным на Балканах восточным лакомством в своем составе (< тур. *lokum* ‘рахат-лукум’ – сокращение от *rahatlokum*⁸). В Сербии слово *локум* имеет значения ‘сухое домашнее печенье, хворост’; ‘рахат-лукум’⁹. В Боснии же оно еще относится и к другим кулинарным изделиям – похожему на гурабию виду твердого сухого печенья из муки, масла и сахара и к оладье продолговатой формы [Šehović, Haverić, 2017, с. 196].

Оборот *lizati šećer kroz staklo* ‘прилагать усилия к чему-то недостижимому’, букв. лизать сахар через стекло, образован по той же структурно-семантической модели, что и слов. *cez sklo med lizat*. У болгар структурно близкий диалектный оборот *през джам сирене*¹⁰ *ближа (лижа)* имеет другую семантику – ‘о скряге, о том, кто из всего извлекает прибыль’.

Менее распространены в Боснии фразеологизмы с другой образностью, но семантически близких – ‘это не срочно; нет оснований спешить, торопиться; не нужно (нет потребности) так спешить, торопиться’: *ne čeka vruća halva*, букв. не ждет горячая халва; *halva se kod kuće ne hladi*, букв. халва дома не остывает. Фразеологизмы мотивированы процессом приготовления лакомства: при изготовлении халвы все ингредиенты, взбитые и вспененные до нужной консистенции, нагрелись до определенной температуры и соединились; затем горячая, пластичная и податливая масса остужалась при постоянном помешивании (и процесс этот был довольно длительным, иногда до шести-восьми часов), чтобы получилась тающая во рту сладость.

Боснийцам известно ироничное выражение *kao da se halva dijeli / ne dijeli se halva*, означающая

символическую плату, даровое деление, букв. как будто халва делится / не делится халва.

В словарном описании значения оборота *džaba dijeli* употреблена лексема *džaba* (< осм.-тур. *caba* ‘бесплатное, даровое, подарок; напрасное’), семантика которой включает следующие элементы: 1) то, что бесплатно, даром дано; подарок; символическая плата; 2) зря, напрасно, тщетно, ни к чему. Генезис фразеологизма проясняют строки А. Ханги: «Халва бывает двух видов – твердая и мягкая. Мягкую халву делают и наши мусульманки, а твердую производят только арнауты (албанцы), которые приходят в Боснию и Герцеговину с халвой, бозой, салепом, кадаифом и жареным миндалем, чтобы заработать какую монетку. Твердая халва белая, как снег, а делают ее из крахмала, муки, меда или сахара, яиц и молока. Это все перемешивают в большом казане, пока не станет твердым, так что с трудом можно разрезать»¹¹.

Халва – одна из самых распространенных восточных сладостей (< тур. *helvā* наряду с диал. *halva* < араб. *ḥalwā, ḥalwā* ‘халва, сладость’) – довольно частотна в боснийских фразеологизмах: *ni na vruću halvu [s kim]* ‘злиться на кого-либо’, букв. ни на горячую халву [с кем]; *praviti halvu na vjetar* ‘легкомысленно подходить к работе’, букв. делать халву на ветру; *ići (hodati) s halve na kafu (s kafe na halvu)* ‘дружить, общаться с кем-либо’, жарг. ‘тусоваться с кем-либо’, букв. идти (ходить) с халвы на кофе (с кофе на халву); *hraniti koga halvom i baklavom* ‘очень заботиться о ком-либо, беречь, лелеять’, букв. кормить кого халвой и пахлавой.

В последнем фразеологизме одним из компонентов является сладкий десерт из теста – пахлава (< осм.-тур. *baklava*), эту традиционную выпечку из слоев юфки (тонко раскатанного и подсушенного теста), перемежающихся с молотыми и толчеными орехами с сахаром, политую охлажденной агдой¹² (рис. 1) мусульмане Боснии готовят на Байрам, а католики и православные – на Рождество. Сладость из муки, как и другие сласти, – обязательное угощение на разного рода торжествах, семейных и многих календарных праздниках, откуда босн. *mijesiti baklava* (букв. месить, замешивать пахлаву), *peći baklavu* (букв. печь, выпекать пахлаву) – ‘готовиться к веселью, к празднованию какого-то значимого, радостного события, к какому-либо увеселительному мероприятию, пирушке’. В разговорном языке наблюдается тенденция к лексической вариативности, замене компонента фразеологизма тематически близким словом, не влияющим на семантику оборота: *peći gurabije (halvu)*; при этом ориентализм может варьироваться со славянизмом: *mijesiti gurabiju* и *mijesiti kolač*.

Восточная сладость *гурабия* (< осм.-тур. *gurābiye, kurābiye* < араб. *ḡurābī* ‘вид финика’) известна многим странам бывшей Османской империи, но часто готовится в них по-разному, различается формой и

6 Есть вариант со словом соль: *I am not made of salt*, букв. я не сделан из соли.

7 Национальный корпус русского языка. Текст : электронный. URL : <https://ruscorpora.ru> (дата обращения : 04.06.2023).

8 *Rahat-lokum (ratluk)* < тур. *rahatlokum* и перс. *rahat-hallkum* – изафетная конструкция из двух слов, второе из которых – существительное в родительном падеже: араб. *rāha* + араб. *ḥalqūm, ḥulqūm* ‘горло, небо’, откуда ‘услуда горла’.

9 Толстой И. И. Сербскохорватско-русский. Москва : Русский язык, 2001. С. 242.

10 Региональный вид белого сыра типа брынзы (но технология приготовления и вкус этих сыров несколько отличаются), который почти неизвестен за пределами Родоп, а *джам* – ‘1) оконное стекло; 2) стекло’ – заимствование (≤ тур. *cam*).

11 Ханги А. Жизнь и обычаи мусульман в Боснии и Герцеговине. Сараево, 1907. Текст : электронный. URL : <https://bih-ru.com/hangi-halva/> (дата обращения : 04.06.2023).

12 Сладкая жидкая субстанция, получаемая в результате варки в воде на медленном огне сахара или меда с лимоном и корицей, слегка не дотягивающая по консистенции до сиропа.

Рис. 1. Пахлава¹³
Fig. 1. Baklava

Рис. 3. Курабье¹⁸
Fig. 3. Kurabye

Рис. 2. Гурабия¹⁴
Fig. 2. Gurabiya

Рис. 4. Мафиш¹⁹
Fig. 4. Mafish

составом. Босн. *gurabija* – домашняя твердая сухая выпечка из муки, яиц, масла, меда или сахара округлой или прямоугольной формы, отличительной чертой является кубик сахара, вдавленный в центр изделия до запекания (рис. 2), а г. Тузла в Боснии славится гурабией с яблочным пекмезом¹⁵ (< тур. *bekmez*, *pekmez* ‘густо сваренный виноградный или тутовый сок’ < перс. *be(a)gmāz* ‘вино; бокал вина; винопитие’). Слово также известно другим языкам: хорв. *gurabija*, серб. *гурабија*, болг. *курабия*, крым-тат. *хурабие*. Гастрономическая реалья переводится с сербского языка на русский как *медовый пряник (домашний)*¹⁶, с македонского как *курабье (печенье)*¹⁷, но у носителя русского языка слово *курабье* ассоциируется с песочным печеньем в виде цветка с обязательным повидлом в середине (рис. 3). Название этой выпечки встречается также в босн., хорв. *mijesiti gurabiju*; серб. *mijesiti [медене] гурабије* ‘сладкоречиво говорить’. Лексема *mafis̄* (< осм.-тур. *māfiş* < араб. *māfihi šāy* ‘нет в нем ничего’) в Боснии, как и в Хорватии, имеет значения: 1) сладость из тонких слоев юфки, замешенной на яйцах; быстро тает во рту, будто ничего и не ел: мафишняк (рис. 4); 2) перен. ничего [Šehović, Haverić, 2017, с. 198]. В литературном сербском языке слово употребляется только в прямом значении: *мафиш* – вид сладкого печенья, однако диалектное *мафиш* – сжатый кулак с комбинацией из трех пальцев: большой палец между указательным и средним пальцем как грубый жест в знак категорического отказа, издевки, несогласия и т. п.; кукиш, шиш²⁰; ср.: *dati (dobiti) mafis̄ (šipak²¹)* ‘ничего не получить’ = рус. *фиг (хрен) ты у меня что получишь!* Именно в этом значении оно встречается в боснийском провоцирующем обращении *e, hoćeš mafis̄!* – когда хотят привлечь чье-то внимание, чтобы дать понять, что тот, к кому обращаются, ничего не получит, не добьется; лексический вариант этого фразеологизма – *e, hoćeš šipak!* Сладкое кулинарное изделие известно и на севере Черногории, как и выражения *hoćeš mafiša [– ne, no mušmula²²]; ima*

13 Елена Арсениевич, CC BY-SA 3.0. URL : <https://bih-ru.com/baklava/> (дата обращения : 18.04.2022).

14 Bosanske gurabije – coolinarika. URL : <https://www.coolinarika.com/recept/bosanske-gurabije-de939dfa-6390-11eb-bff4-0242ac12005d> (дата обращения : 18.04.2022).

15 Босн. *pekmez* – 1) кулинар. а) уваренный, вываренный фруктовый сок (из яблок, груш, слив или каких-либо других фруктов); б) густая масса, получаемая путем вываривания фруктов с сахаром; мармелад; 2) перен., разг., пейор. а) человек, который может расплакаться из-за любого пустяка; плакса (обычно о ребенке); б) капризный человек; нытик; избалованный человек, баловень [Šehović, Haverić, 2017, с. 218–219], ср. с макед. *го направи пекмез* ‘его избаловали’.

16 Толстой И. И. Указ. соч. С. 77.

17 Толстовски Д., Иллич-Свитыч В. М. Македонско-русский словарь. Москва : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1963. С. 82.

18 Курабье (30 рецептов с фото) – рецепты с фотографиями URL : <https://www.povarenok.ru/recipes/dishes/sweet/?searchid=370&ysclid=lmrarrigv8687903484> (дата обращения : 18.04.2022).

19 Mafisi (3). URL : <https://www.recepti.com/kuvar/pite-i-testa/12870-mafisi> (дата обращения : 18.04.2022).

20 Српски дијалектолошки зборник / књига LX. Главни уредник Слободан Реметић. Београд : Институт за српски језик САНУ, 2013. С. 216.

21 1) Шиповник (куст и плод); 2) обл. плод граната; разг. кукиш, фи́га, шиш: *дати (показати)* некое *шипак* = рус. *показать кому-либо кукиш* ‘выразить соответствующим жестом отказ, несогласие, возражение и т. п.

22 Из тур. *muşmula* < греч. *μόσμουλο* ‘мушмула (плод и растение)’.

Рис. 5. Сырой и готовый кадаиф²³
Fig. 5. Raw and ready kadaif

*mafiša*²⁴. Сладкая выпечка распространена была и в других регионах Южной Славии, но в составе фразеологизмов ее название не встречается.

Кадаиф (< осм.-тур. *kadayıf*, *katāif* < араб. мн. *qaṭāʾif* от ед. *qaṭīfa* ‘кадаиф; тонкий красноватый финик’) – изделие из высушенного пресного теста в виде длинных тончайших нитей (поэтому заготовку называют *волосами ангела*), а также нежнейший десерт из него, орехов, агды и масла (рис. 5)²⁵. Как и другие сладости,

²³ Kadaif – Путеводитель по Боснии и Герцеговине. URL : <https://bih-ru.com/kadaif/> (дата обращения : 18.04.2022).

²⁴ Noćeš-mafiša – ne, no mušmula. URL : <https://www.vijesti.me/blogovi/438845/hoces-mafisa-ne-no-musmula> (дата обращения : 18.04.2022).

²⁵ «Раньше сырье для кадаифа делали следующим образом: смешивали жидкое тесто из муки с водой. На очаг ставили демирлию – большой медный поднос – и самую малость смазывали маслом, так, чтобы только блестела. Брали штуку под названием сетиль – это что-то вроде кофейной турки с несколькими дырочками на дне – и через нее лили тесто на демирлию. Получались длинные макарончики 1–2 миллиметра толщиной. Тесто очень быстро запекалось, его снимали с подноса и наливали следующую порцию. То, что получалось, называли “сырой кадаиф”. Его заготавливали впрок и трапили по мере надобности. Половину сырого кадаифа выкладывают на смазанный маслом протвень и поливают сверху

его обязательно готовили в календарные праздники. Сейчас кадаиф готовят как домашнюю вермишель: пресное тесто очень тонко раскатывают, нарезают и сушат; этот способ приготовления заготовки для будущей сладости отражает босн. (*iz*)*rezati na kadaif* ‘очистить и нарезать на длинные узкие полоски (о луке)’.

В Боснии слово *kadaif* означает также технику сложной ажурной вышивки различными фигурами (золотыми веточками и др.); лишние нити обрезаются и оплетаются оставшейся шелковой нитью [Šehović, Haverić, 2017, с. 181].

Выводы

Уникальность боснийского региона заключается в том, что это место компактного проживания славян-мусульман, у которых, по замечанию Е. Чаушевича, распространен так называемый *bosanski turski*²⁶. Влияние османской культуры в сфере гастрономии велико. Структурно-семантические модели иллюстрируют межъязыковую общность мотивационных идей и в то же время специфичное, выявляемое на уровне образности фразеологизма. Рассмотренный материал показывает разный фразеологический потенциал сладких кондитерских изделий, а также ареальную проекцию или отсутствие таковой. Так, персизм *hošāb* ‘компот (из сухофруктов)’ (< осм.-тур. *hoşaf*, *hošāb* ‘хорошая, приятная вода’ < перс. *hoš* + *āb* ‘вода’) вошел в лексикон болгар (*ошав* – сухофрукты и компот из них), сербов (*ошав* / *ошаф* / *хошаф* в том же значении), македонцев (*ошав* ‘компот из сухофруктов’; *ошавки* ‘сухофрукты’) и боснийцев (*hošaf* 1) ‘компот из сухофруктов’; 2) ‘сухофрукты для компота’), но зафиксирован лишь в составе босн. *od čorbe*²⁷ *do hošafa* ‘всего много, все в изобилии (о еде)’. Арабизмы и фарсизмы, связанные с кухней Востока и, в частности, с восточными сладостями, в составе фразеологизмов – это опосредованное заимствование: они вошли в языки южных славян через турецкий; они, как и османизмы, в силу разных причин – исторических и актуальных в наши дни – значительно чаще встречаются в боснийских фразеологизмах. Лексические варианты некоторых фразеологизмов показывают параллельное использование в некоторых структурно-семантических моделях ориентализмов и славянизмов.

растопленным маслом. Затем идет слой измельченных орехов, смешанных с изюмом, который тоже поливают маслом. Третий слой – снова сырой кадаиф, который поливают оставшимся маслом. Слоекают при температуре 200 градусов, пока хорошенько не подрумянятся. Горячий кадаиф заливают теплой агдой, тонкой струйкой – чтобы не потерял форму. Когда кадаиф остынет, нарезают на квадраты. Есть можно на следующий день, когда он хорошо пропитается сиропом» [Арсениевич Е. Кадаиф. Текст : электронный. URL: <https://bih-ru.com/kadaif> (дата обращения : 04.04.2022)]. В отличие от боснийского способа приготовления сладости в болгарском кадаифе нет изюма.

²⁶ Čaušević E. ‘Bosanski’ turski i njegova autentična obilježja // Prilozi za orijentalnu filologiju. Sarajevo : Orijentalni institut u Sarajevu, 1991. Pustiti 41. S. 385–394.

²⁷ Разновидность густого супа, распространенного на Балканах.

Сокращения

Англ. – английский язык; болг. – болгарский язык; босн. – боснийский язык; букв. – буквально; греч. – греческий язык; диал. – диалектизм; ед. – единственное число; жарг. – жаргонизм; крым-тат. – крымско-татарский язык; кулинар. – кулинарное; макед. – македонский язык; мн. – множественное число; нем. – немецкий язык; обл. – областное; осм.-тур. – осман-турецкий язык; пейор. – пейоративное; перен. – переносное; перс. – персидский язык; польск. – польский язык; разг. – разговорное; рис. – рисунок; рус. – русский язык; серб. – сербский язык; слвц. – словацкий язык; см. – смотри; ср. – сравни; тур. – турецкий язык; фр. – французский язык; хорв. – хорватский язык; чеш. – чешский язык.

Список литературы

- Ананьева Н. Е. Кулинарная лексика как компонент фразеологизмов (на материале польского языка на фоне русского) // Славяноведение. 2020. № 2. С. 110–118. DOI: [10.31857/S0869544X0008673-3](https://doi.org/10.31857/S0869544X0008673-3). EDN: [NNOKCV](https://www.edn.ru/NNOKCV).
- Арутюнов С. А. Основные пищевые модели и их локальные вариации у народов России // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. Москва : Наука, 2001. С. 10–17. EDN: [VHVQNB](https://www.edn.ru/VHVQNB).
- Бурукина О. А., Лещинская О. А. Культурные коды в русских и белорусских фразеологизмах со стержневыми компонентами-трофонимами // Культура и цивилизация. 2019. Том 9, № 6 А. С. 85–97. DOI: [10.34670/AR.2020.46.6.010](https://doi.org/10.34670/AR.2020.46.6.010). EDN [CUHJAG](https://www.edn.ru/CUHJAG)
- Гиасов Н. И., Атоева М. М. Арабские заимствования в составе фразеологических единиц современного таджикского литературного языка // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. 2013. № 1. С. 214–223. EDN: [PHATTQ](https://www.edn.ru/PHATTQ).
- Кузнецова И. В. Арабизм кофе в фразеологии боснийских мусульман (на фоне некоторых других языков) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2022. № 2. С. 64–70. DOI: [10.37972/chgpu.2022.115.2.009](https://doi.org/10.37972/chgpu.2022.115.2.009). EDN [TBKCOM](https://www.edn.ru/TBKCOM)
- Кузнецова И. В. Названия восточных сладостей и напитков в составе устойчивых сравнений некоторых южнославянских народов (на фоне других языков) // Slavia : Časopis pro slovanskou filologii. 2022. Том 91, № 4. P. 467–479. EDN: [VSELRS](https://www.edn.ru/VSELRS).
- Кузнецова И. В., Хмелевский М. С. Лексемы ориентального происхождения во фразеологизмах, называющих человека, в языке славян-мусульман Боснии // Slavia Centralis. 2021. Том 14, № 1. С. 37–47. EDN: [KJDABG](https://www.edn.ru/KJDABG).
- Мандић С. Слатка страна фразеологије: анализа фразеологизма у албанском, грчком и српском језику // Живи језици часопис за стране језике и књижевности. 2020. Том 40, № 1. С. 97–118. DOI [10.18485/zivjez.2020.40.1.5](https://doi.org/10.18485/zivjez.2020.40.1.5).
- Мед Н. Г. Национально-культурная специфика испанских фразеологизмов с гастрономическим компонентом // Язык. Сознание. Коммуникация. Москва : МАКС Пресс, 2014. Выпуск 50. С. 216–222. EDN: [UBAHCT](https://www.edn.ru/UBAHCT).
- Петровић С. М., Ђинђић М. С. Културна позајмљеница – српски јогурт између истока и запада // Јужнословенски филолог. 2015. Издање 71, № 3–4. С. 251–264. DOI: [10.2298/JFI1504251P](https://doi.org/10.2298/JFI1504251P).
- Савченко А. В. Тайваньская жизненная философия в «кулинарно-фразеологическом» зеркале (с параллелями в славянских языках) // Коммуникативные исследования. 2018. № 2. С. 182–196. DOI: [10.25513/2413-6182.2018.2.182-196](https://doi.org/10.25513/2413-6182.2018.2.182-196). EDN: [XOPJIL](https://www.edn.ru/XOPJIL).
- Савченко А. В., Хмелевский М. С. Босния и Герцеговина – исторический мост между балканскими культурами, религиями и нациями // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Том 11, № 3. С. 546–560. DOI: [10.22363/2313-2299-2020-11-3-545-559](https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-3-545-559). EDN: [TOVUMQ](https://www.edn.ru/TOVUMQ).
- Савченко А. В., Хмелевский М. С. Меню у славян как отражение культуры («под фразеологическим соусом») // Slavica Formosana 1. Humanitarian Values in Slavic Languages and Cultures. Taipei : National Chengchi University. 2016. С. 235–264.
- Савченко А. В., Хмелевский М. С. Образная символика с компонентом национальных блюд у украинцев, сербов и хорватов // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. 2017. Том 62, № 1. С. 69–76. DOI: [10.1556/060.2017.62.1.6](https://doi.org/10.1556/060.2017.62.1.6). EDN: [ZSTOMV](https://www.edn.ru/ZSTOMV).
- Стоянова Н. И. Турцизмы во фразеологизмах болгарского языка // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 1: Естественные науки. 2007. № 6. С. 100–105. EDN: [MGVBXV](https://www.edn.ru/MGVVBXV).
- Тресорукова И. В. Пищевой код греческой фразеологии: фитоним огурец // Вестник Томского государственного университета. Серия: Филология. 2018. № 53. С. 98–110. DOI: [10.17223/19986645/53/7](https://doi.org/10.17223/19986645/53/7). EDN [YKKYDB](https://www.edn.ru/YKKYDB)
- Юрина Е. А. Лексико-фразеологическое поле кулинарных образов в русском и итальянском языках // Язык и культура. Томск. 2008. № 3. С. 83–93. EDN: [KGCYUH](https://www.edn.ru/KGCYUH).
- Юрина Е. А., Балдова А. В. Пищевая метафора в процессах концептуализации, категоризации и вербализации представлений о мире // Вестник Томского государственного университета. Серия: Филология. 2017. № 48. С. 98–115. DOI: [10.17223/19986645/48/7](https://doi.org/10.17223/19986645/48/7). EDN [ZHYXGJ](https://www.edn.ru/ZHYXGJ)
- Яковлева Е. Л. Методологические основания изучения национальной кухни как феномена гастрономической культуры // Этническая культура. 2020. № 2. С. 92–96. DOI: [10.31483/r-75332](https://doi.org/10.31483/r-75332). EDN [GJPPTI](https://www.edn.ru/GJPPTI)
- Šehović A., Haverić Đ. Leksika orijentalnog porijekla u frazemama bosanskog jezika. Sarajevo : Filozofski fakultet, 2017. 269 s.
- Šiljak-Jesenković A. Nad turskim i bosanskim frazikonom: semantički, sintaktički, lingvostilistički i sociolingvistički aspekt. Drugo, dopunjeno izdanje. Sarajevo : Orijentalni institut Univerziteta u Sarajevu, 2020. 299 s.
- Tanović I. Frazeologija bosanskog jezika. Zenica : Dom štampe, 2001. 160 s.
- Vranić S., Zubčić S. Turcizmi u frazemima hrvatskih govora // Filologija. Razreda za filološke znanosti. Zagreb : HAZU. 2013. Том 60. S. 103–145. CROSBID 197940

References

- Anan'eva, N. E. (2020). Kulinarnaia leksika kak komponent frazeologizmov (na materiale pol'skogo iazyka na fone russkogo). *Slavianovedenie*, 2, 110-118. EDN: NNOKCV. <https://doi.org/10.31857/S0869544X0008673-3>
- Arutiunov, S. A. (2001). The main food models and their local variants among the peoples of Russia. *Traditional food as an expression of ethnic identity*, 10-17. Moskva: Nauka. EDN: VHVQNB.
- Burukina, O. A., & Leshchinskaia, O. A. (2019). Cultural codes in Russian and Belarusian phraseological units with core components-trophonyms. *Kultura i tsivilizatsiia*, 9(6 A), 85-97. EDN: CUHJAG. <https://doi.org/10.34670/AR.2020.46.6.010>
- Giasov, N. I., & Atoeva, M. M. (2013). Arabic borrowings as part of phraseological units of the modern Tajik literary language. *Bulletin of TSULBP*, 1, 214-223. EDN: PHATTQ.
- Kuznetsova, I. V. (2022). Arabism coffee in phraseology of bosnian muslims (against some other languages). *I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*, 2, 64-70. EDN: TBKCOM. <https://doi.org/10.37972/chgpu.2022.115.2.009>
- Kuznetsova, I. V. (2022). Names of oriental sweets and drinks in the similes of some South Slavic peoples (Compared to Other Languages). *Slavia : Casopis pro slovanskou filologii*, 91(4), 467-479. EDN: VSELRS.
- Kuznetsova, I. V., & Khmelevskii, M. S. (2021). Lexems of oriental origin in phraseologisms naming human in the language of slavic muslims in Bosnia. *Slavia Centralis*, 14(1), 37-47. EDN: KJDABG.
- Manditsh, S. (2020). The sweet side of phraseology: an analysis of idioms in albanian, greek and serbian language. *Zhivi jezitsi chasopis za strane jezike i knjizhevnosti*, 40(1), 97-118. <https://doi.org/10.18485/zivjez.2020.40.1.5>
- Med, N. G. (2014). National-cultural specificity of Spanish phraseological units with a gastronomic component. *Yazyk. Soznanie. Kommunikatsiia*, 216-222. Moskva: MAKS Press. EDN: UBAHCT.
- Petrovitsh, S. M., & Djindjitsh, M. S. (2015). Cultural Borrowing – Serbian yogurt between the East and the West. *Juzhnoslovenski filolog*, 3-4, 251-264. <https://doi.org/10.2298/JFI1504251P>
- Savchenko, A. V. (2018). Taiwanese philosophy of life in the “culinary-phraseological” mirror (with idiomatic parallels in Slavic languages). *Communication Studies*, 2, 182-196. EDN: XOPJIL. <https://doi.org/10.25513/2413-6182.2018.2.182-196>
- Savchenko, A. V., & Khmelevskii, M. S. (2020). Bosnia and Herzegovina as a Historical Balkan Bridge Between Cultures, Religions and Nations. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(3), 546-559. EDN: TOVUMQ. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-3-545-559>
- Savchenko, A. V., & Khmelevskii, M. S. (2016). Menu u slavian kak otrazhenie kul'tury (“pod frazeologicheskim sousom”). *Slavica Formosana 1. Humanitarian Values in Slavic Languages and Cultures*, 235-264. Taipei: National Chengchi University.
- Savchenko, A. V., & Khmelevskii, M. S. (2017). Figurative symbolism with a component of national dishes among Ukrainians, Serbs and Croats. *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 62(1), 69-76. EDN: ZSTOMV. <https://doi.org/10.1556/060.2017.62.1.6>
- Stoianova, N. I. (2007). Turtsizmy vo frazeologizmakh bolgarskogo iazyka. *Herald of Dagestan State University. Series 1. Natural Sciences*, 6, 100-105. EDN: MGVVBXV.
- Tresorukova, I. V. (2018). The food code of greek phraseology: the phytonym “Cucumber”. *Tomsk State University Journal of Philology*, 53, 98-110. EDN: YKKYDB. <https://doi.org/10.17223/19986645/53/7>
- Iurina, E. A. (2008). Lexico-phraseological field of culinary images in the russian and italian languages. *Language and culture*, 3, 83-93. EDN: KGCYUH.
- Iurina, E. A., & Baldova, A. V. (2017). Food metaphor in conceptualization, categorization and verbalization of representations about the world. *Tomsk State University Journal of Philology*, 48, 98-115. EDN: ZHYXGJ. <https://doi.org/10.17223/19986645/48/7>
- Iakovleva, E. L. (2020). Methodological Bases of Studying National Cuisine as a Phenomenon of Gastronomic Culture. *Ethnic Culture*, 2 (3), 92-96. EDN: GJPPTI. <https://doi.org/10.31483/r-75332>
- Sehovic, A., & Haveric, D. (2017). Leksika orijentalnog porijekla u frazemama bosanskog jezika., 269. Sarajevo: Filozofski fakultet.
- Siljak-Jesenkovic, A. (2020). Regarding the Turkish and Bosnian Phrasicions: semantic, syntactic, linguostylistic and sociolinguistic aspect., 299. Sarajevo: Orijentalni institut Univerziteta u Sarajevu.
- Tanovic, I. (2001). Frazeologija bosanskog jezika., 160. Zenica: Dom stampe.
- Vranic, S., & Zubcic, S. (2013). Turcizmi u frazemima hrvatskih govora. *Filologija. Razreda za filoloske znanosti*, 60, 103-145.

Информация об авторе

Кузнецова Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Российская Федерация.
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2038-5879>;
Scopus Author ID: 57209318250
e-mail: irinak47@yandex.ru

Information about the author

Irina V. Kuznetsova – Cand. Sci. (Phil.), I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2038-5879>;
Scopus Author ID: 57209318250
e-mail: irinak47@yandex.ru

Поступила в редакцию 30.07.2023
Принята к публикации 02.10.2023
Опубликована 18.12.2023

Received 30 July 2023
Accepted 02 October 2023
Published 18 December 2023

«Строить и жить помогает»: о роли и функциях этнической песни в жизни московских чувашей и марийцев

<https://doi.org/10.31483/r-107989>

 УДК 316.74:[811.512.111:398.8+
811.511.151:398.8]

Куцаева М. В.

Институт языкознания Российской академии наук

г. Москва, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0002-0112-2961>, e-mail: marina.kutsaeva@iling-ran.ru

Резюме. Настоящая работа посвящена исследованию роли и функций песни на этническом языке в жизни представителей внутренней диаспоры. Статья основана на результатах социолингвистических обследований, проведенных автором в чувашской и марийской диаспорах московского региона в 2014–2017 гг. и 2019–2021 гг. соответственно. В ходе работы применялся комплекс следующих методов: непосредственное наблюдение, включенное наблюдение, структурированное интервью, документальная фиксация ответов, статистический анализ данных. Один из блоков социолингвистической анкеты касался бытования языка в этнической культуре и проблемы поддержания культуры в контексте витальности этнического языка. Этническая культура наряду с языком выступает одним из ключевых маркеров этнической идентичности в обеих выборках. Песня на этническом языке занимает значительное место в жизни респондентов. В результате обследования установлены функции этнической песни во внутренней диаспоре: она служит задачам адаптации представителей диаспоры к новым условиям проживания, кооптации новых членов (в том числе путем организации и проведения культурно-массовых мероприятий); творческой самореализации отдельных представителей диаспоры; изучения языка (использованию этнической песни в учебных целях на языковых курсах); инициации в язык и культуру новых носителей чувашского и марийского. В работе также определяется роль этнической песни в ревитализации языка.

Ключевые слова: чувашский язык, этническая идентичность, этническая культура, этнический язык, марийский язык, внутренняя диаспора, социолингвистическое обследование.

Для цитирования: Куцаева М. В. «Строить и жить помогает»: о роли и функциях этнической песни в жизни московских чувашей и марийцев // Этническая культура. 2023. Т. 5, №4. С. 40–48. DOI 10.31483/r-107989. EDN BFJRNE

“The song helps us to build and to live”: the role and functions of the ethnic song in Moscow Chuvash and Mari diasporic groups

Marina V. Kutsaeva

 Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation.

 <https://orcid.org/0000-0002-0112-2961>, e-mail: marina.kutsaeva@iling-ran.ru

Abstract. The paper studies the role and functions of songs in an ethnic language in the life of representatives of the internal diaspora. The article is based on the results of sociolinguistic surveys conducted in Chuvash and Mari diasporas of the Moscow region in 2014–2017 and 2019–2021, respectively. The researcher employed the following sociolinguistic methods: direct observation, participant observation, structured interviews of respondents, documentary recording of responses, statistical data analysis. One of the blocks in the sociolinguistic questionnaire included such aspects as the language – in – culture and ethnic culture maintenance in the context of the vitality of ethnic language. Ethnic culture, along with the ethnic language, is one of the key markers of ethnic identity in both samples. As the results of the survey demonstrate, songs in Mari or Chuvash occupy a significant place in the respondents' life. Several functions of the ethnic song were identified: adaptation to new living conditions; co-optation of new members (i. e., through cultural ethnic events); creative self-realization; language learning (i. e., ethnic songs used for educational purposes in language courses); initiation into language and culture for new speakers of Chuvash and Mari. The role of ethnic song in the revitalization of the language has been equally determined.

Keywords: Chuvash language, ethnic culture, ethnic identity, Mari language, ethnic language, internal diaspora, sociolinguistic survey.

For citation: Kutsaeva M. V. (2023). “The song helps us to build and to live”: the role and functions of the ethnic song in Moscow Chuvash and Mari diasporic groups. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 5(4), 40–48. EDN: BFJRNE. <https://doi.org/10.31483/r-107989>.

Введение

Настоящая работа посвящена рассмотрению роли и функций песни на этническом языке в жизни представителей внутренней диаспоры на примере московских чувашей и марийцев.

Язык и культура глубоко переплетены [Grenoble, 2021, с. 16]. Язык и этнокультура «выросли вместе», сонастроены друг на друга. Язык, который традиционно ассоциируется с конкретной культурой, наилучшим

образом приспособлен к выражению ее ценностей – при условии, что связь между ними не прервана и не нарушена. Кроме того, язык и этнокультура являются олицетворением друг друга в сознании членов группы. Наконец, элементы культуры выражаются, имплементируются и реализуются посредством языка, с которым данная культура ассоциируется самым тесным образом. Значительная часть любой культуры выражается вербально, в том числе и в песнях, язык

охватывает практически всю нематериальную культуру [Fishman, 1991, с. 20–24]. В 2003 г. устные традиции и формы выражения, исполнительские искусства и др. были признаны ЮНЕСКО в качестве проявлений нематериального культурного наследия. Язык, как подчеркивается в Конвенции ЮНЕСКО, является носителем нематериального культурного наследия¹, составляя его основу и ключевое средство его передачи. Несмотря на то, что многие виды искусства, например, танец, живопись, скульптура, архитектура, предназначены для эстетического удовольствия, без лингвистического «вмешательства», практически все художественные начинания в определенной степени для своего осмысления опираются на язык [Llanes Ortiz, 2021, с. 273].

Песня на чувашском или марийском языке сопровождает респондентов всю жизнь: «Чувашию называют краем ста тысяч песен, это тем более удивительно, что в музыкальном ладе всего пять нот, а количество песен огромное» (Ч., I, № 18, м., 63)² (об этом см.: Кондратьев, 2012, с. 50–56). Отмечается, что песня всегда была излюбленным жанром марийского фольклора³, ладовой основой марийской народной песни также является пентатоника – звуковая система, основанная на пятиступенном ладовом звукоряде [Мушкина, 2013, с. 346] (о некоторых чувашско-марийских музыкальных параллелях см.: Кондратьев, 2018, с. 348–374). Многие участники опроса являлись в прошлом, особенно в детском и подростковом возрасте, членами творческих коллективов на малой родине: «Марийцы, они такие – все творческие. С кем ни встретишься – этот умеет петь, этот умеет танцевать. Этот играет на каком-то музыкальном инструменте» (М., I, № 16, м., 47).

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили анкетные данные, полученные в результате социолингвистических обследований, проведенных автором в московском регионе (в г. Москве и Московской области) в чувашской диаспоре в 2014–2017 гг. и марийской – в 2019–2021 гг. соответственно и посвященных выявлению и описанию функционирования этнического языка в условиях внутренней диаспоры.

Обе выборки (сто человек в чувашском обследовании и 106 человек в марийском) являются репрезентативными и включили представителей как первого, так и второго поколений диаспоры.

В обследовании использовался комплекс социолингвистических методов, включающий непосредственное и включенное наблюдение,

1 Конвенция об охране нематериального культурного наследия. Текст : электронный. URL : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (дата обращения : 22.09.2023).

2 Здесь и далее в скобках приводится указание на обследование (принятые сокращения: Ч. – чувашское, М. – марийское), номер анкеты респондента, поколение в выборке (принятые сокращения: I – первое, II – второе), пол респондента, его возраст.

3 Песни луговых мари: свод марийского фольклора. Часть 1 : обрядовые песни / составитель Н. В. Мушкина. Йошкар-Ола, 2011. С. 5.

структурированное интервью, документальную фиксацию ответов, статистический анализ данных.

Один из блоков социолингвистической анкеты касался вопросов, связанных с бытованием языка в культуре, а также проблемы поддержания этнической культуры во внутренней диаспоре в контексте витальности этнического языка.

Результаты исследования и их обсуждение

Участники чувашского и марийского обследований идентифицируют себя в качестве этнических чувашей и марийцев. Ключевыми маркерами этнической идентичности, кроме малой родины, в выборках являются также язык (чувашский язык – 24 процента, марийский язык – 26 процентов) и культура (знание традиций и обычаев чувашского народа – 13 процентов, марийского – 15 процентов). Заметную роль в жизни большинства московских марийцев и чувашей, независимо от признания ими культурного компонента в качестве базового маркера этнической идентичности, играет песня: в выборках 70,5 процентов чувашей и 96 процентов марийцев слушают или поют песни в том числе и на этническом языке [Куцаева, Проблема, 2023, с. 160]: «Мне нравится иногда музыка, мне нравятся иногда песня и слова. Слова, которые ... ну, больше нигде не сказаны так!» (М., № 48, I, ж., 51); «А когда послушаешь, какая-то наполненность, в них есть именно кодировка энергетическая» (М., № 82, I, ж., 32).

Рассмотрим основные функции, закрепленные за песней на этническом языке в чувашской и марийской диаспорах московского региона: адаптацию, кооптацию, творческую самореализацию, ревитализацию, изучение языка, инициацию в язык и культуру.

Адаптация. По свидетельству респондентов, острая тяга именно к песне на своем языке возникает спустя некоторое время после переезда. В этот период некоторые члены диаспоры всерьез начинают интересоваться песней на этническом языке, что является выражением тоски по малой родине: «Это тоска возникла после переезда. А в Чебоксарах я когда жил, такой тоски не было» (Ч., I, № 100, м., 30). Так, 41 процент марийцев при прослушивании этнических песен испытывает ностальгию, 39 процентов пребывают в разном состоянии – и меланхоличном, и приподнятом [Куцаева, Этническая, (1), 2020, с. 27]. Этническая песня, таким образом, помогает респондентам адаптироваться к новым условиям жизни, приспособиться к ритму мегаполиса и при этом не потерять связь с корнями и малой родиной: «Послушала песню – и я успокоилась. Я понимаю, что будет время – и мы поедem. Таким вот образом» (М., I, № 54, ж., 27).

«Свои» песни респонденты в обеих выборках слушают дома во время отдыха, уборки, приготовления пищи или выполнения мелкого ремонта, по дороге на работу, в кафе или спортзал, в салоне автомобиля, собираясь по праздникам с друзьями и родственниками в небольшом кругу или на застольях, на природе – в лесу или на даче. Использование современных технологий (скачивание музыкальных композиций в смартфоны,

Этническая культура / Ethnic Culture
(2023) Vol. 5 No 4, 40-48

прослушивание композиций на специальных сайтах или в социальных сетях) позволяет оставаться на связи с этнической песней на протяжении всей жизни. И в этом отношении необходимо сделать два существенных замечания. Во-первых, как было указано нами ранее [Жуцаева, Функционирование, 2020, с. 141], представители старших когорт в выборке имели возможность окунуться в песню на чувашском, собираясь на застолья по приезду гостей, чаще всего родственников и друзей с малой родины, и соответственно песни угасали с уходом из жизни близких людей: «Петь стало не с кем, забыла песни», – заявила одна из самых пожилых респонденток в чувашской выборке. В настоящее время, однако, спектр ситуаций, в которых можно соприкоснуться с песней на этническом языке значительно расширился и контакт с песенной культурой можно поддерживать в любом возрасте и даже наедине. Во-вторых, обратим внимание на данные, указанные во вводной части раздела. Несмотря на практически схожие результаты в обеих выборках относительно такого критерия, как «культура» и в целом признания ценности песни на этническом языке, лишь 70,5 процентов чувашей слушают или поют песни на чувашском (для ср.: в марийской выборке 96 процентов). С нашей точки зрения это объясняется тем, что в период проведения чувашского обследования в 2014–2017 гг. новые технологии были не столь доступны представителям старших когорт в выборке, в частности, пожилые опрошенные полагались на помощь детей или внуков (купить диск, скачать приложение, оказать помощь при прослушивании и пр.), тогда как в марийской выборке (опрос проводился в 2019–2021 гг.) все пожилые респонденты имели смартфоны и сами умели обращаться с новыми технологиями.

Многие респонденты следят не только за новинками музыкальной эстрады, но и за творчеством народных любительских коллективов на родине, членами которых когда-то являлись сами или являются ныне их односельчане. Наконец, песни, знакомые с детства, напоминают респондентам о родителях, бабушке, любимых местах на родине и своей деревне. Этническая песня, как видим, имеет умиротворяющее воздействие, поддерживает опрошенных в трудную минуту, помогает обрести твердую почву под ногами, сохранить прочную связь с малой родиной, с предками.

Кооптация. Без песни едва ли обходится современный чувашский и марийский праздник или торжество (подробнее о современной празднично-обрядовой культуре чувашей и марийцев см.: Ягафова, 2017; Калинина, 2011). Ежегодно усилиями землячеств Москвы проводятся чувашский *Акатуй* и марийский *Пеледыш пайрем*. Праздничные мероприятия привлекают активных членов диаспоры, а также тех, кто в силу обстоятельств ведут достаточно замкнутый образ жизни в московском регионе, но, тем не менее, обязательно посещают праздник в столице. На мероприятиях представлены звезды современной чувашской и марийской эстрады, в программу включаются выступления известных в республиках творческих коллективов. Праздники становятся,

безусловно, яркими событиями в культурной жизни московских чувашей и мари, позволяют участникам получить эмоциональную разрядку, поддержать и укрепить свое этническое единство в полилингвальном и поликультурном пространстве Москвы. Кроме того, члены диаспоры регулярно встречаются сравнительно небольшими группами по инициативе частных лиц: устраиваются марийские вечера «Марий кас» с традиционными посиделками и песнями под гармошку. На гастроли в Москву приезжают творческие коллективы из Чувашии и Марий Эл.

Заметными событиями на протяжении ряда лет были чувашские и марийские дискотеки в Москве, которые проводились по инициативе молодых членов диаспоры. Приведенные ниже отрывки из интервью с организаторами, участниками наших обследований, помогут составить представление о мотивах и движущих силах в решении проводить такого рода мероприятия, а также о некоторых результатах, часто приятных: «Моя жизнь сейчас тесно связана с песней! Я в школе еще была активистом на школьных мероприятиях. Потом, когда переехала на учебу в Чебоксары, это немножко поутихло, потому что учеба. Я жила у родственников, я была скованнее среди своих однокурсников. Потом уже приехала в Москву, жизнь получилась работа – дом, работа – дом. В какой-то момент это надоело, захотелось жить полной жизнью!» (Ч., I, № 63, ж., 38); «Так как я очень долгое время жила в Москве, мне не хватало на самом деле своего родного языка. Это вот... что-то потом вспоминаешь: что-то не хватает своего. Бывает такое. Поэтому я пыталась раз в год приезжать на свою родную землю, устраивать там марийские дискотеки, марийские вечеринки, познакомилась с марийской эстрадой. Я знакомилась с ними, я их приглашала, бесплатно устраивала именно своим сельчанам концерты, дискотеки. А потом мне этого не хватало в Москве, так как я понимала, что я уже живу в Москве, я уже укоренилась, большую жизнь живу в Москве, нежели там. Я решила, что ... ну а если... И все это воплотила в Москве!» (М., I, № 15, ж., 33); «Для меня сначала это было хобби, я больно-то не думала о том, что я делаю, просто собираемся, веселимся под чувашскую музыку, приглашаем артистов, разговариваем на чувашском языке. Помимо этих вечеринок, мы потом собирались и выезжали на шашлыки, в машине включали чувашскую музыку. А сейчас по истечении времени, когда люди стали говорить: “Какое хорошее дело делаете, спланиваете чувашей, земляков!”. И самое главное, мы за шесть лет – мы уже счет потеряли – более пятидесяти пар поженились! Они приходили на дискотеки, познакомились, подружились. Раньше мы каждую пару знали, у них дети уже, у них по второму ребенку. Когда я в Чебоксарах жила, я даже не увлекалась чувашской эстрадой, мне было это как-то параллельно. Но когда приехала в Москву, тоска какая-то появилась, не хватает чего-то. Это у всех. Именно приходят к нам те люди, у которых тоска. Не у всех тоска есть, другие как-то живут. Но к нам и мужчины, которые на русских женаты, тоже приходят. Тоже с тоской» (Ч., I, № 63, ж., 38).

В рамках дискотек участниками активно использовались наряду с русским и этнические языки. Ценно, что мероприятия посещали как уроженцы сельской местности, активно владеющие языком, так и выходцы из крупных населенных пунктов, имеющие как правило пассивные знания языка. При этом, кажется, под влиянием активных билингов говорить на своем языке решались и пассивно владеющие языком: «Иногда ведь на дискотеке, если нужно кому-то вставить, то мы чувашском мы вставляем. Если ведь на русском начнешь, будет: “А ты чего на русском разговариваешь?” – мне так говорят. Или вот там девушки между собой разговаривают: “А ты что на русском разговариваешь? Давайте на чувашском!”. То есть у нас на дискотеках есть молодежь, которая выросла в Чебоксарах, в районном центре, разговаривали всегда на русском, а здесь они, может быть, какие-то слова они стесняются говорить, но говорят на чувашском у нас! То есть это те люди, которые выросли в городе и по-чувашски говорили только у бабушки в деревне, но мы всех приучаем!» (Ч., I, № 63, ж., 38).

В 2019 г. был создан ансамбль «Мари сем Москва», музыкальный коллектив объединил тогда пятнадцать молодых луговых мари́йцев, проживающих в московском регионе, в ансамбле имелся хореограф и гармонист. Состоялся ряд выступлений ансамбля в рамках мари́йских дискотек в Москве: «Каждое воскресенье мы там танцуем и поем. То есть отдушина у нас сейчас большая с ноября месяца. Мы, как только все собрались, сначала распеваемся немножко и начинаем петь песни, которые нам музыкант предложила. То есть они уже в наш репертуар входят. Мы начинаем пропевать все песни, частушки. А потом у нас есть частушки с танцами, уже прямо постановочные. Мы это репетируем. Потом у нас рождается танец. Если кому еще какие песни нравятся, то мы пропеваем. Допустим, если всему коллективу понравилась определенная песня, все мы решаем, что мы ее поем. Мы ее включаем. У нас потихонечку, три-четыре номера пока. Кто-то у нас любители, кто-то, как моя подруга, с детства занимался, она всегда пела. В ближайшее время у нас будет дискотека, и мы хотим на этой дискотеке, насколько я понимаю, со слов организаторов, выйти с этими номерами. Заявить о себе. С приподнятым настроением ухожу с репетиций. Как-то вот, знаете, за неделю работы все равно в каком-то напряжении находишься, а это вот как-то настолько отвлекает, настолько душу переворачивает! Что окрыленная, с таким настроением ты готов к новой рабочей неделе, позабыв о старой неделе. До понедельника. И тут уже – все, душа пошла плясать и петь!» (М., I, № 14, ж., 33).

В настоящее время в культурном пространстве столицы действует всемари́йский хор «Моско мари» («Московские мари»), объединивший представителей трех субэтнических групп: горных, луговых, восточных. Хор был создан совсем недавно, однако уже были записаны несколько синглов, размещенных на 125 стриминговых площадках, и состоялось его участие в рамках программы «*Пеледыш пайрем* – 2023».

www.journalec.com

Упомянем и нередкие случаи знакомств членов диаспоры в Москве, связанные с этномызыкальным сопровождением: «У нас в Балашихе мы нашли соседей, они чувашки. У нас там вообще очень много чувашей! Мы вот на Новый год вышли на улицу с гармонью и пели чувашские песни, и нашли еще других чувашей так. Они пришли на звук гармони, чувашских песен. Пришли, познакомились!» (Ч., I, № 63, ж., 38).

Как видим, бесспорна роль этнических песен в сплочении московских чувашей и мари́йцев и привлечении новых членов диаспоры, лишь недавно переселившихся в московский регион и испытывающих дефицит общения на чувашском или мари́йском: «Мы же за столько километров! За семьсот километров где-то здесь в большом городе смогли найти друг друга, вместе мы общаемся, собираемся, семьи заводим, друзья тут друг другу помогают, поддерживают. Один работает в грузоперевозках, другой – агент по жилью, они друг другу помогают. И вот то, что я делаю с дискотеками, пусть это небольшой, но вклад» (Ч., I, № 63, ж., 38).

Творческая самореализация. Как было указано в нашей работе «Этническая музыкальная культура московских мари» [Куцаева, Этническая, 1, 2020, с. 27], 25 процентов опрошенных отдают предпочтение старинным народным песням, 21 процент – современным. По мнению одних, «старинные песни берут за душу, они более певучие. Мне нравится мелодия, что ли, гармошка. Это мелодичные песни. А вот современные – я даже не слышу слов, о чем они поют. Это преобладание шума. И он заглушает смысл» (М., I, № 63, ж., 44). Другие считают, что «старинные – уж очень грустные! Старинные – в основном, такие вот... протяжные, про долю несчастную. В основном!» (М., I, № 40, ж., 48).

Более половины участников мари́йского опроса (54 процента) слушают и старинные, и современные мари́йские песни: «Современные я больше, наверное, слушаю. Но, кстати, и старинные люблю слушать. Потому что старинные, получается, когда я маленькая была, эти старинные песни – я выросла в них и слова знаю» (М., I, № 57, ж., 38). Детальные сведения относительно музыкальных пристрастий респондентов приведены в качестве преамбулы к такому важному аспекту, как творческая самореализация на этническом языке в контексте сохранности миноритарного языка в диаспорной среде.

Надо сказать, что проживание вдали о малой родины и сопутствующая ностальгия, случается, способствуют зарождению у респондентов творческой жилки: так, несколько участников в мари́йском обследовании, пассивно владеющие языком, с переездом в Москву неожиданно стали сочинять песни в стиле рэп, один из них является автором первого рэп-альбома на мари́йском языке. Другая участница опроса, профессиональный музыкант, имеет солидный репертуар песен на горномари́йском языке: «И много задумок есть, в джазовом варианте обработок. И вот все народные песни я немножко порчу в джазовой манере (смеется. – М. К.). Мари́йцы плюются, конечно. Они считают, что я что-то там оскверняю! Но не все,

конечно! Думаю выпустить альбом авторских песен. Мне хочется организовать свой сольный концерт, людям показать, что такое марийский джаз, что вообще может наша великая пентатоника» (М., I, № 36, ж., 27).

Некоторое время на базе одной из социальных сетей функционировал проект «Караоке кас», объединивший марийцев из разных уголков страны. Согласно замыслу ведущей, участником прямого эфира мог стать любой желающий, необходимо было рассказать о себе, выступить с исполнением своей любимой песни на марийском. Общение ведущей и участников эфира проходило на марийском языке. Регулярные пятничные эфиры собирали большую аудиторию и пользовались популярностью. Вместе с тем, как стало известно автору материалов, эфиры вызвали некоторое недовольство у части аудитории, полагающей, что уровень владения марийским языком у ведущей и некоторых участников был недостаточным, а марийский язык – *нелитературным, нечистым, неправильным*.

О языковом пуризме, то есть стремлении, как правило, представителей более старшего поколения, обозначить чистый, правильный, аутентичный способ употребления языка и тем самым предъявить свое право на *обладание* языком [Sallabank, King, 2021, с. 42], характерном в том числе и для некоторых представителей внутренней диаспоры, мы писали в работе «Новые носители марийского как фактор витальности этнического языка в диаспоре» [Куцаева, Новые, 2021, с. 25–26]. Межпоколенческая передача марийского и чувашского в диаспорной среде Москвы крайне слабая (об этом см., в частности: Куцаева 2022; Куцаева, Функционирование, 2020, с. 169–171). Будучи государственными языками в соответствующих республиках, эти языки становятся миноритарными в московском регионе; однако осознание ценности языка респондентами, кажется, повышается, и вопрос ревитализации языка в диаспоре во втором поколении все чаще выносятся на повестку дня. Определенное препятствие на пути ревитализации языка представляет пуризм, «страшнейший изменений и склонный видеть в каждом изменении упадок и разрушение» [Edwards, 2009, с. 259], «непреклонный, осуждающий, худший сценарий для выживания любого языка» [Crystal, 2000, с. 117–126]. Пуризм является мощной преградой для так называемых новых носителей миноритарных языков [Куцаева, Новые, 2021, с. 33–34].

Вместе с тем искусство – важный способ повышения самооценки посредством участия в театрализованных представлениях, конкурсах поэтического чтения, музыкальных и иных культурных мероприятиях. При этом необходимо охватить все слои общества: в ситуации с миноритарными языками не остается места элитарности и требуется нацеленность на инклюзивность, чтобы обеспечить интересы всех членов языкового сообщества [Crystal, 2000, с. 113].

В отношении марийской диаспоры скажем, что конкретно в период проведения социолингвистического обследования в культурном поле московского региона действовали несколько проектов, рассчитанных на разные фокус-группы: 1) традиционные вечерние посиделки «Марий кас» с участием более пожилых

членов диаспоры; 2) марийские дискотеки, привлекающие лиц среднего возраста и молодых людей старше 20 лет (впрочем, нередко среди гостей, по словам организаторов, можно было встретить и лиц старше 55 лет); 3) культурный проект «Моско марий тўвыра рўдер» («Центр притяжения марийской культуры в г. Москве»), фокус-группой которого были в том числе дети и пожилые члены диаспоры [Куцаева, Этническая, (2), 2020, с. 13].

О том, что неохваченным остается подростковый возраст мы отмечали в работе «Раннее освоение этнического языка в марийской диаспоре московского региона» [Куцаева, Раннее, 2021, с. 53–54]. Проблема заключается в том, что подростки, которые принимают активное участие в культурных мероприятиях на этническом языке, вероятнее всего сохранят позитивное отношение и к языку. В случае, когда язык теряется в подростковом возрасте, он может быть утрачен навсегда [Baker, 1992, с. 136–137].

В ходе обследования выяснилось, что респонденты имеют довольно четкие предпочтения, и, несмотря на убежденность некоторых из них в том, что нужно во что бы то ни стало объединить эти инициативы в один проект, удовлетворяющий вкусам всех участников, идея кажется едва ли исполнимой и даже желанной. Разнообразие проектов свидетельствует прежде всего о жизнеспособности марийской культуры в пространстве московского региона, о живой традиции, дающей жизнь новым культурным формам. В самом деле, культурные мероприятия, имеющие давнюю сложившуюся историю и продвигающие в своих рамках определенные виды искусства, могут показаться старомодными и чрезмерно местечковыми для молодых членов сообщества, тогда как современные виды искусства могут быть вовсе не приняты старшим поколением, поскольку расходятся с традициями. Без взаимного интереса и толерантности языковое сообщество будет подвержено внутренним конфликтам, и энергия, которую можно было бы направить в общее русло, будет попусту растрачиваться [Crystal, 2000, с. 113].

Исследователи миноритарных языков сходятся во мнении: языковое сообщество должно иметь четкое представление о том, что язык неизбежно меняется, с тем чтобы отвечать потребностям и интересам молодежи. Слишком жесткая критика со стороны пожилых носителей заставляет молодежь полностью отказаться от употребления этнического языка. Более продуктивным представляется вариант побуждения молодых членов сообщества к использованию языка в любой форме. Нужно помнить, что молодые говорящие на языке являются будущим языка. Если язык выживет, он будет принадлежать им [Sallabank, King, 2021, с. 41–43]. Это же в полной мере относится не только к собственно коммуникации новых носителей на этническом языке, но и творческой самореализации молодых членов диаспоры. В социокультурной перспективе новые жанры, такие как хип-хоп, рэп и др. являются важными для молодого поколения жанрами, позволяющими им выразить свое мнение и употребить язык творчески [Moriarty, 2021, с. 457].

Ревитализация языка. Музыкальное и песенное исполнение, скомбинированные самым неожиданным образом, могут способствовать ревитализации миноритарного языка и привлечь новую аудиторию посредством перевода старых традиций в новые жанры и благодаря использованию новых музыкальных технологий. Языковые активисты применяют инновационные методы в использовании песенных и литературных традиций. Это чрезвычайно важная стратегия ревитализации языка, которую, впрочем, часто недооценивают, однако язык становится видимым, он присутствует не только в повседневной жизни, но и в более широком общественном пространстве [Llanes Ortiz, 2021, с. 277–278]. Присутствие языка, к примеру, в поп-культуре будет иметь положительное воздействие на языковые идеологии его носителей, особенно молодого поколения (подробнее о языковых идеологиях в чувашской и марийской диаспорах московского региона см.: Куцаева, На деревню, 2023, с. 68). Исследователи подчеркивают бесспорное значение музыки в качестве стратегического инструмента в сфере поддержания локальных культур – и не только в русле традиционных жанров. Так, популярная музыка на миноритарном языке выступает связующим звеном между традицией и современностью. Современные музыкальные жанры могут получить местную прописку благодаря использованию традиционных музыкальных инструментов и местных языков, дают возможность молодым проявить творческий инновационный подход. С точки зрения социолингвистики, присутствие миноритарного языка в нескольких музыкальных жанрах позволяет исследователю составить представление о ценности языка в данном языковом сообществе [Moriarty, 2021, с. 456].

Изучение языка. В ходе чувашского обследования автор посетил занятия на курсах чувашского языка, неотъемлемой частью учебного процесса было прослушивание и исполнение песен на чувашском языке: «Здесь на курсах мы тоже поем, на чувашском. Смысл этих песен мне понятен, мы же еще их разбираем! Когда смысл понимаешь, там ведь такой смысл спрятан в этих песнях – там здорово!» (Ч., I, № 44, м., 49); «В основном сейчас я слушаю на чувашском языке. С учетом того, что песенное творчество – оно достаточно сложное для перевода, то понимаю отдельные фразы и отдельные предложения. Все полностью я не понимаю. Но курсы мне помогают» (Ч., I, № 16, м., 44). Известно, что слушатели курсов разучивали песни на чувашском и с успехом выступали на культурных мероприятиях, организованных при полпредстве Чувашской Республики в Москве.

В течение нескольких учебных лет в Москве функционировали курсы марийского языка, по словам педагога, песни также были важной составляющей частью учебной деятельности: «Мы и спектакли ставили на марийском языке. Праздники свои показывали. Марийскую кухню показывали прямо там же, в поликультурном центре. Песни пели тоже на марийском языке. Потом танцы тоже ставили, там сцена была. Много чего делали. Участвовали в различных

мероприятиях города Москвы, нас приглашали. Мы и в Доме музыки выступали. Потом мы в концертный зал «Россия». Очень много было мероприятий!» (М., I, № 57, ж., 38).

Более того, исполнители песен на марийском языке, принявшие участие в марийском обследовании, по их признанию, благодаря своей творческой деятельности (записи песен, выступлению и гастролям) заметно улучшили свой уровень владения этническим языком: «В Москве я сначала записал песню, с удмуртского переведенную. Потом что-то пошло-поехало и сам начал песни писать на марийском. Ну, в основном с моей стороны это идея, музыка, аранжировка. Текст я обычно заказываю профессиональному поэту. В основном понимаю, но есть такие слова, литературные, которые в первый раз слышу. И вот поэтому в процессе, когда начинаю эти песни петь, то есть получается, я пою с 2012–2013 года. Поэтому в процессе пения, концертов, гастролей у меня язык более-менее подучился. У меня постоянные концерты, на “Марий Эл радио” песни крутятся, я бывал на радио, даже в прямом эфире разговаривал» (М., I, № 51, м., 29).

Таким образом, музыка может выполнять и педагогическую функцию, обеспечивая педагогов более релевантными источниками, нежели формализованные тексты учебников. Как и в случае с аудиовизуальными медиа, большое преимущество музыки заключается в том, что различные уровни владения языком не препятствуют тому, чтобы учащиеся принимали участие в исполнении и получали наслаждение [Moriarty, 2021, с. 456].

Инициация. Ряд респондентов в выборке, в прошлом – городские дети, посещавшие деревню на летних каникулах и имевшие, в силу распространенных в обществе языковых идеологий («в городе – по-русски, в деревне – по-чувашски (по-марийски)»), минимальный контакт с этническим языком, спустя годы почувствовали тягу к чувашскому (марийскому). И своеобразным проводником выступила для них песня на чувашском или марийском языке: «Я не знаю песен на чувашском. Но, правда, когда вот я стала постарше, мне что-то вот так захотелось изучить. Я даже помнится, две песни изучила на чувашском. Но естественно, я изучала это по магнитофонной ленте, половину не понимала. Чего-то там спрашивала у мамы. Мама там... уже тоже половины не понимала. Но чего-то мы там изучили, и я даже могла спеть! Вот, кстати, у бабушки с дедушкой, я помню, вот когда они юбилей справляли и гостей звали – много же гостей приезжает и из деревень приезжают. Они пели песни. И там были очень интересные песни, особенно такие тягучие какие-то. Особенно когда люди провожают, там есть специальные песни. Очень интересные – мне они нравились. Но знать я их не знала, к сожалению! Но вот в какой-то момент захотелось выучить. Две выучила» (Ч., I, № 21, ж., 55). Это же касается и тех участников опроса, которые выросли вдали от малой родины ввиду миграций с родителями в другой регион в детстве: «В моей жизни есть место для песни на марийском. У меня даже лежат тексты, которые я время от времени начинаю учить. В деревнях у нас

есть песни, которые мы поем постоянно. Тетки мои мне говорят, о чем этот текст. Эти песни – их пел хотя бы мой прадедушка. И моя большая мечта – все мои тетки знают песни на марийском языке, и когда мы собираемся, они все очень хорошо поют. И они поют в том числе песни на марийском. И я хочу эти песни выучить, чтобы они у меня остались... как бы чтобы я сохраняла эти песни. Я хочу участвовать именно в этих песнях на марийском языке. У нас бытуют некоторые песни, пускай, их десять-пятнадцать, и они относятся именно к нашему региону. Эти песни, они меня интересуют... для того, чтобы сохранить эту культуру в себе» (М., I, № 50, ж., 53).

Этнические песни используются представителями первого поколения диаспоры, которые воспитывают в московском регионе детей младшего дошкольного возраста: «И даже детям иногда включаем песни марийские. Для интереса! Что там малышам-то надо – потопать, по полу пятками постучать! Ну да... надо же, чтобы закладывался мотивчик в голове. Якорек!» (М., I, № 59, м., 41).

Этническая песня является каналом самостоятельного приобщения к культуре для представителей второго поколения диаспоры более старшего возраста: «Изучаю песни. Пока приобщаюсь к языку, а через язык – к культуре» (Ч., II, № 45, м., 26). Это относится, с одной стороны, и к традиционным этническим песням, в которых, по словам опрошенных, активно владеющих языком, сокрыта «сумасшедшая глубина»: «Когда я пою чувашские песни, у меня такие мурашки идут по телу! И мурашки в том смысле, что осознание философии народа приходит через фольклор. Да, и песни эти... о скоротечности жизни, что мы все тленны, но дела наши нетленны. Имя наше нетленно. Вот очень часто используется. Вот, допустим, водица-то – она льется, чистейшая, водица льется, а вот камни тяжелые остаются. Дни-то наши, как и водица, уходят, а вот дела остаются как камень. То есть, мы-то уйдем, а имя наше останется» (Ч., I, № 17, м. 32). Другим источником приобщения к языку являются и современные песни, о чем мы указывали в разделах выше.

Сила языка заключается в том, что он дает доступ к знаниям, и некоторые виды информации могут быть получены исключительно посредством языка. Ревитализация языка касается не только самого языка, она состоит в том, чтобы получить доступ к различным способам жизни и бытия, обрести связь с культурой и миром [Grenoble, 2021, с. 17].

Заключение

Как показали результаты социолингвистических обследований в чувашской и марийской диаспорах московского региона, песня на этническом языке,

независимо от ее жанровой принадлежности, играет значительную роль в жизни представителей внутренней диаспоры. Своя песня способствует адаптации членов диаспоры к новым условиям жизни после переезда часто из небольшого населенного пункта в республике и погружения в динамичную и не всегда принимающую среду мегаполиса. Песня сближает членов внутренней диаспоры, привносит в их жизнь чувство родства и принадлежности к своей группе. Кроме того, песня на марийском или чувашском языке побуждает некоторых членов диаспоры к творческой самореализации. Песня является креативным способом изучения этнического языка для тех респондентов, которые по ряду причин слабо владеют им. Песни привлекаются в качестве вспомогательного материала на языковых курсах. Наконец, песни служат проводником не только в язык, но и в этническую культуру. И в этом отношении значительна роль песни на чувашском или марийском в сфере поддержания этнической культуры и языка и при необходимости, особенно во втором поколении диаспоры, ревитализации языка.

Языковые активисты во всем мире успешно возрождают как традиционные музыкальные жанры, так и экспериментируют с новыми формами, музыка является стратегическим способом ревитализации языка [Llanes Ortiz, 2021, с. 273], ввиду чего, как предполагается, возможна адаптация традиционных жанров, а также создание гибридных эстетических форм для молодого поколения [Llanes Ortiz, 2021, с. 281]. Кроме того, в научных кругах [Grant, 2018, с. 241] назрел вопрос междисциплинарного сотрудничества между специалистами в области лингвистики и этномузыкологии в целях создания и расширения общей теоретической базы, решения практических задач в области языковой и музыкальной ревитализации. Текущие исследовательские работы посвящены в том числе изучению прямой зависимости между жизнеспособностью языков и музыкальных жанров, роли музыки в языковой ревитализации в отдельных регионах мира. В свою очередь усилия по поддержанию языка благотворно влияют на витальность музыкальных жанров и других форм нематериального культурного наследия: принимая во внимание, что язык, как правило, является основой культурных экосистем, полнокровное функционирование музыкальных и других культурных форм может быть диагностировано исходя из данных о состоянии витальности языка [Grant, 2018, с. 236].

В данной статье были затронуты лишь самые общие места, которые еще ждут своего исследователя. Автор выражает надежду, что в свое время эти вопросы получат должное освещение в том числе и в работах коллег по смежным дисциплинам.

Список литературы

- Калинина О. А. Праздники в современном быту городских марийцев // Развитие гуманитарных исследований в Республике Марий Эл. Йошкар-Ола, 2011. С. 158–163.
 Кондратьев М. Г. Чувашская музыка в зеркале параллелей: к проблеме Волго-Уральской музыкальной цивилизации. Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 2018. 447 с. EDN: VXQEJG

- Кондратьев М. Г. Чувашская музыка: от мифологических времен до становления современного профессионализма. Москва : Пер Сэ, 2012. 288 с. EDN: RAYXPZ
- Куцаева М. В. Марийский в Москве: к вопросу о сохранности этнического языка в условиях внутренней диаспоры // Финно-угроведение. 2022. № 63. С. 30–44. DOI: [10.51254/2312-0312_2022_63_03](https://doi.org/10.51254/2312-0312_2022_63_03) EDN: NJNNRW
- Куцаева М. В. На деревню надейся, а сам не плошай: к вопросу о языковых практиках и идеологиях в чувашской и марийской диаспорах Московского региона // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2023. № 2. С. 65–78. DOI: [10.23951/2307-6119-2023-2-65-78](https://doi.org/10.23951/2307-6119-2023-2-65-78) EDN: LAYKSX
- Куцаева М. В. Новые носители марийского как фактор витальности этнического языка в диаспоре // Родной язык. 2021. № 2. С. 5–34.
- Куцаева М. В. Проблема сохранения этнической культуры в условиях внутренней диаспоры (на материале полевых исследований в чувашской и марийской диаспорах московского региона) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. № 2. С. 158–165. DOI: [10.52070/2542-2197_2023_2_870_158](https://doi.org/10.52070/2542-2197_2023_2_870_158) EDN: ONIGEY
- Куцаева М. В. Раннее освоение этнического языка в марийской диаспоре московского региона // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2021. № 3. С. 49–58. DOI: [10.23951/2307-6119-2021-3-49-58](https://doi.org/10.23951/2307-6119-2021-3-49-58) EDN: OOUEYF
- Куцаева М. В. Функционирование этнического языка в чувашской диаспоре московского региона. Москва, Санкт-Петербург : Нестор-История. 2020. 312 с.
- Куцаева М. В. Этническая музыкальная культура московских мари. (1) // Этническая культура. 2020. № 2. С. 24–30. DOI: [10.31483/r-75842](https://doi.org/10.31483/r-75842) EDN: GFVZGT
- Куцаева М. В. Этническая музыкальная культура московских мари. (2) // Этническая культура. 2020. № 3. С. 11–18. DOI: [10.31483/r-75887](https://doi.org/10.31483/r-75887) EDN: LUUFBY
- Мушкина Н. В. Музыкальный фольклор // Марийцы : историко-этнографические очерки. 2-е издание, дополненное. Йошкар-Ола, 2013. С. 341–354.
- Ягафова Е. А. Современная празднично-обрядовая культура // Чуваши : сборник. Москва, 2017. С. 470–487.
- Baker C. Attitudes and language. Clevedon : Multilingual Matters, 1992. 173 p.
- Crystal D. Language death. Cambridge : Cambridge University press, 2000. 198 p.
- Edwards J. Language and identity. Cambridge : Cambridge University press, 2009. 314 p.
- Fishman J. A. Reversing language shift: theoretical and empirical foundations of assistance to threatened languages : multilingual matters. Clevedon, 1991. 431 p.
- Grant C. A case for greater interdisciplinary collaboration in language and music revitalization // The Routledge Handbook of Language Revitalization. New York ; London : Routledge, 2018. P. 236–244.
- Grenoble L. A. Why Revitalize? Introduction // Revitalizing Endangered Languages : A Practical Guide. Cambridge : Cambridge University press, 2021. P. 9–22.
- Llanes Ortiz G. Art, music and cultural activities // Revitalizing Endangered Languages : A Practical Guide. Cambridge : Cambridge University press, 2021. P. 273–283.
- Moriarty M. New roles for endangered languages // The Cambridge Handbook of Endangered Languages. Cambridge : Cambridge University press, 2021. P. 446–458.
- Sallabank J. & King J. What do we Revitalize? Introduction // Revitalizing Endangered Languages : A Practical Guide. Cambridge : Cambridge University press, 2021. P. 33–45.

References

- Kalinina, O. A. (2011). Prazdniki v sovremennom bytu gorodskikh mariitsev. *Razvitie gumanitarnykh issledovaniy v Respublike Marii El*, 158-163.
- Kondrat'ev, M. G. (2018). Chuvashskaia muzyka v zerkale parallelei: k probleme Volgo-Ural'skoi muzykal'noi tsivilizatsii. 447 s. Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo. EDN: VXQEJG.
- Kondrat'ev, M. G. (2012). Chuvashskaia muzyka: ot mifologicheskikh vremen do stanovleniia sovremennogo professionalizma. 288 s. Moskva: Per Se. EDN: RAYXPZ.
- Kutsaeva, M. V. (2022). The Mari language in Moscow: the problem of ethnic language preservation in the conditions of internal diaspora. *Finno-ugric studies*, 63, 30-44. EDN: NJNNRW. https://doi.org/10.51254/2312-0312_2022_63_03
- Kutsaeva, M. V. (2023). The village helps those who help themselves: on the question of language practices and ideologies in the Chuvash and Mari diasporas in the Moscow region. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2, 65-78. EDN: LAYKSX. <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2023-2-65-78>
- Kutsaeva, M. V. (2021). New speakers of Mari as a factor in diaspora language vitality. *Rodnoy Yazyk*, 2, 5-34.
- Kutsaeva, M. V. (2023). The problem of ethnocultural preservation in the internal diasporas (on the material of field research in the Moscow region Chuvash and Mari diasporas). *Vestnik of moscow state linguistic university. Humanities*, 2, 158-165. EDN: ONIGEY. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2023_2_870_158
- Kutsaeva, M. V. (2021). Early ethnic language acquisition in Moscow region mari diaspora. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 3, 49-58. EDN: OOUEYF. <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2021-3-49-58>
- Kutsaeva, M. V. Funktsionirovanie etnicheskogo iazyka v chuvashskoi diaspore moskovskogo regiona. 312.
- Kutsaeva, M. V. (2020). Ethnic musical culture of Moscow Mari (1). *Ethnic Culture*, 2, 24-30. EDN: GFVZGT. <https://doi.org/10.31483/r-75842>
- Kutsaeva, M. V. (2020). Ethnic musical culture of Moscow Mari (2). *Ethnic Culture*, 3, 11-18. EDN: LUUFBY. <https://doi.org/10.31483/r-75887>
- Mushkina, N. V. (2013). Muzykal'nyi fol'klor. *Mariitsy : istoriko-etnograficheskie ocherki*, 341-354.
- Iagafova, E. A. (2017). Sovremennaiia prazdnichno-obriadovaia kul'tura. *Chuvashi : sbornik*, 470-487.

- Baker, C. (1992). Attitudes and language. 173 p. Clevedon: Multilingual Matters.
- Crystal, D. (2000). Language death. 198 p. Cambridge: Cambridge University press.
- Edwards, J. (2009). Language and identity. 314 p. Cambridge: Cambridge University press.
- Fishman, J. A. (1991). Reversing language shift: theoretical and empirical foundations of assistance to threatened languages. Clevedon.
- Grant, C. (2018). A case for greater interdisciplinary collaboration in language and music revitalization. *The Routledge Handbook of Language Revitalization*, 236-244. York ;
- Grenoble, L. A. (2021). Why Revitalize? Introduction. *Revitalizing Endangered Languages : A Practical Guide*, 9-22.
- Ortiz, G. (2021). Llanes Art, music and cultural activities. *Revitalizing Endangered Languages : A Practical Guide*, 273-283.
- Moriarty, M. (2021). New roles for endangered languages. *The Cambridge Handbook of Endangered Languages*, 446-458.
- Sallabank, J., & King, J. (2021). &, What do we Revitalize? Introduction. *Revitalizing Endangered Languages : A Practical Guide*, 33-45.

Информация об авторе

Куцаева Марина Васильевна – кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт языкознания РАН, г. Москва, Российская Федерация
 ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0112-2961>;
 Scopus Author ID: 57221937702
 ResearcherID: ABD-8944-2021
 e-mail: marina.kutsaeva@iling-ran.ru

Information about the author

Marina V. Kutsaeva – Cand. Sci. (Phil.), research fellow, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
 ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0112-2961>;
 Scopus Author ID: 57221937702
 ResearcherID: ABD-8944-2021
 e-mail: marina.kutsaeva@iling-ran.ru

Поступила в редакцию 30.09.2023
Принята к публикации 18.11.2023
Опубликована 18.12.2023

Received 30 September 2023
Accepted 18 November 2023
Published 18 December 2023

В последнее время: повожское фэнтези Ш. Идиатуллина

<https://doi.org/10.31483/r-107141>

 УДК 821.512.145.09-05(Идиатуллин):
372.881.1+81'373.613

 Савельева М. С.^{1,a}, Савельев А. В.^{2,3,b}
¹Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России
²Институт языкознания Российской академии наук
³Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

г. Москва, Российская Федерация.

^a <https://orcid.org/0009-0004-8070-1110>, e-mail: savelyeva.mgimo@gmail.com

^b <https://orcid.org/0000-0002-8343-2057>, e-mail: a.savelyev@iling-ran.ru

Резюме. В статье на примере романа «Последнее время» татарского писателя Ш. Идиатуллина рассматривается развитие этнической проблематики в современной русскоязычной литературе. В творчестве не только русских писателей Д. Осокина, А. Иванова, но и их татарских коллег – Ш. Идиатуллина, Г. Яхиной – происходит переход от привычного для отечественной литературы контекста своего народа к регионалистскому, от родного к соседскому. Авторы подходят к материалу с междисциплинарных позиций, соединяя инструментарий литературоведения (анализ жанра, литературного и историко-культурного контекста, системы образов, некоторых мотивов) и лингвистики (в первую очередь этимологический анализ собственных имен). В работе дается краткий лингвистический и историко-культурный комментарий к роману Ш. Идиатуллина, позволяющий вписать его в современный национальный дискурс как текст, одновременно выражающий позиции и завоевателей, и завоеванных. Анализ иноязычных слов в тексте позволяет провести параллель между «изобретенными» Ш. Идиатуллиным этническими группами и реальными народами Волго-Камского региона, а также вводит роман в актуальный контекст: в нем остро ставится проблема потери родного языка, а некоторые сцены (такие, как самосожжение жреца Арвуй-кугызы) можно легко сопоставить с эпизодами недавней истории Поволжья. Название романа следует одновременно интерпретировать как в метаисторическом, апокалиптическом ключе, так и в контексте современности – событий, происшедших недавно, «в последнее время».

Ключевые слова: тюркские языки, марийский язык, Идиатуллин, Яхина, этническая проблематика в художественной литературе, регионализм.

Для цитирования: Савельева М. С. В последнее время: повожское фэнтези Ш. Идиатуллина / М. С. Савельева, А. В. Савельев // Этническая культура. 2023. Т. 5, №4. С. 49-53. DOI 10.31483/r-107141. EDN DEAOZM

Review Article

In these (end) times: Sh. Idiatullin's Volgaic fantasy fiction

 Mariia S. Saveleva^{1,a}, Aleksandr V. Savelev^{2,3,b}
¹Moscow State Institute of International Relations
²Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
³National Research University Higher School of Economics

Moscow, Russian Federation.

^a <https://orcid.org/0009-0004-8070-1110>, e-mail: savelyeva.mgimo@gmail.com

^b <https://orcid.org/0000-0002-8343-2057>, e-mail: a.savelyev@iling-ran.ru

Abstract. The paper discusses the development of ethnic fiction in the modern Russian literature, focusing on Shamil Idiatullin's 2020 novel "Poslednee vremja". We show that the tendency towards switching from ethnic to regionalist agenda can be observed in the works by both Russian authors, such as Denis Osokin and Alexei Ivanov, and authors having a non-Russian ethnic identity, such as the Tatar novelists Guzel Yakhina and Shamil Idiatullin. We adopt an interdisciplinary approach, bringing together techniques from literary studies (analysis of the genre and the literary situation as well as the historical and cultural context) and linguistics (an etymological analysis of proper names, in the first place). Our commentary on various linguistic, historical and cultural aspects puts Idiatullin's novel into the discourse of the contemporary ethnic fiction as a text that expresses the positions of both the Conquerors and the Conquered. The analysis of personal names and other words of non-Russian origin that are used in the Russian text allows to identify the fictional ethnic groups with the actual peoples of the Volga-Kama region and places the novel within a present-day context. One of the key themes of "Poslednee vremja" is language loss, and some scenes, such as the self-immolation of the pagan priest Arβuj-Kuyəza, make a clear reference to the contemporary history of the region. The novel's title can be translated as both "End times" and "These times"; thus, it includes simultaneously an apocalyptic allusion and a hint to the events of the recent past.

Keywords: Idiatullin, Yakhina, ethnic fiction, regionalism, the Mari language, the Turkic languages.

For citation: Saveleva M. S., & Savelev A. V. (2023). In these (end) times: Sh. Idiatullin's Volgaic fantasy fiction. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 5(4), 49-53. EDN: DEAOZM. <https://doi.org/10.31483/r-107141>.

Введение

Настоящая статья посвящена творчеству Шамиля Идиатуллина, русскоязычного писателя татарского происхождения, известного на федеральном уровне, дважды лауреата премии «Большая книга». При сравнении его романа «Последнее время», изданного в 2020 г., с другими современными текстами на национальную тему становится понятно, почему российская

(и в первую очередь столичная) литературная среда с большим трудом расшифровывает некоторые послылы современной литературы о миноритарных народах нашей страны. «...Очень экзотично, ярко, жестко, кинематографично, но – все равно малопонятно», – читаем в одном из отзывов на роман¹. Критики

¹ Чанцев А. Случилась экология // *Текстура*. 2020. 16 сентября. URL : <http://textura.club/sluchilas-ekologiya/> (дата обращения : 31.05.2023).

сошлись в том, что книга выпадает из привычных схем, расходясь лишь в том, сделано ли это намеренно в соответствии с общей потерянностью героев и смыслов² или является недоработкой автора³. На наш взгляд, неопределенность на уровнях построения сюжета, позиций героев, правил функционирования художественного мира становится художественным принципом этого постмодернистского по своей сути текста [Савельева, 2022, с. 293]. Цель настоящей статьи – предложить новый способ прочтения романа через призму современной этнической проблематики.

Методы исследования

В настоящей работе исследуется творчество писателя

Авторы используют междисциплинарный метод, соединяя инструментарий литературоведения (анализ жанра, литературного и историко-культурного контекста, системы образов, некоторых мотивов) и лингвистики (в первую очередь этимологический анализ собственных имен).

Результаты исследования и их обсуждение

Роман «Последнее время», как уже было отмечено критикой, выделяется на фоне классического «высокого» фэнтези, в контексте которого был ею прочитан. Отдельные пересечения этот текст обнаруживает с движением «новых странных» (new weird) авторов в англоязычной фантастике. Явно повлиял на Ш. Идиатуллина жанр темного фэнтези в его постмодернистском изводе, представленном, например, в «Ведьмаке» А. Сапковского. Некоторые особенности стиля («...надо было вот прямо сейчас собрать и заготовить выпроستانное земным нутром»), раскованный эротизм, сочетание черт животных и людей в одном образе, заведомо рассчитанные на недоумение реалии («пророщенное молоко», «земляные речки»), походы по дну водоема напоминают о манере Д. Осокина и отчасти В. Сорокина.

С точки зрения содержания в романе прежде всего бросается в глаза тема межнационального противостояния, которое связано с центральными персонажами мары (в них легко угадываются марийцы) и неназванными прямо завоевателями-кочевниками. Апокалиптический сюжет, тема краха национальной культуры и «последнего времени», вынесенная в заглавие, черты боевика роднят этот текст с романом А. Иванова «Сердце Пармы» (2003), а также с раннесоветским и дореволюционным контекстом национальных литератур. Так, только недавно на русский язык был переведен без купюр и смягченных выражений рассказ классика чувашской литературы М. Сеспеля «Дети леса» (1918), в котором трагический конфликт чувашей и русских показан, можно сказать, в духе вестерна⁴. Авторы связанных с национальной 2 Галина Юзефович о романе Шамякина Идиатуллина «Последнее время» 2020. 13 октября. URL : <https://meduza.io/feature/2020/09/19/poslednee-vremya-i-neuchtennaya-planeta-dva-rossijskih-romana-v-kotoryh-proishodit-cto-to-fantasticheskoe> (дата обращения : 31.05.2023). 3 Пустовая В. Шаманский аперитив // Дружба народов. 2021. № 1. С. 254–261.

4 Сеспель М. Дети леса / перевод Сандра Савгильды // Чуваш-

проблематикой, в том числе «постколониальных», штудий, популярность которых растет на бывшем советском пространстве, занимаются в первую очередь преодолением имперских тенденций XX в., очищением культурного восприятия от советской призмы дружбы народов, открытым разговором о конфликтных моментах межэтнической истории. И хотя постколониальные исследования не являются пока мейнстримом российского литературоведения⁵, тем не менее, их терминология кажется нам интересным инструментом для анализа современной русскоязычной литературы, связанной с национальной темой.

Живущий в Москве русскоязычный писатель татарского происхождения Ш. Идиатуллин, пишущий о соседях татар марийцах, – очень показательный пример автора, находящегося и внутри, и вовне культурной парадигмы, что также вписывается в теоретические представления постколониальных штудий. Его ситуация довольно типична: вместо национальной темы, широко представленной в советском культурном пространстве, в современной литературе, известной на федеральном уровне, развивается регионалистская линия. Д. Осокин в Поволжье, А. Иванов на Урале пишут о народах, с которыми себя не отождествляют, и даже скорее о целых регионах, которые эти народы населяют. Г. Яхина, начавшая с близкой ее семье татарской темы («Зулейха открывает глаза»), впоследствии расширила свой взгляд, охватив в следующих романах «Дети мои» и «Эшелон на Самарканд» проблемы разных народов Поволжья. Ш. Идиатуллин следует похожим путем: от национальной проблематики [Шаряфетдинов, 2021; Чугунов, 2020] более ранних романов, таких как «Убыр» (2012–2013) или «Город Брежнев» (2017), к более широкому охвату романа «Последнее время». При этом тема соседнего народа в границах одной страны позволяет современным русскоязычным авторам косвенно высказаться и о своем этносе.

Наиболее очевидный слой романа «Последнее время» демонстрирует потерю независимости марийцами, пострадавшими от воинственных кочевников. Таким образом, демонстрируется, что и до завоевания Казанского ханства Иваном Грозным на этой территории происходили серьезные конфликты. Однако в романе, как мы намерены показать далее, раскрыт и гораздо более современный слой. «Кочевники» одновременно становятся и угнетенными (субальтернами в терминологии постколониальных исследований [Spivak, 1988]), и угнетающими.

Интерпретация романа значительно выиграет, если перевести на русский язык использованные автором марийские слова и (что для Ш. Идиатуллина

ский рассказ. Том 1. Дети леса. Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 2016. С. 7–15.

5 И. Кукулин пишет: «Сегодня выражение “советский колониализм” является уже относительно устоявшимся» [Кукулин, 2020, с. 414], однако его статья посвящена скорее социально-культурным и политическим, чем чисто эстетическим вопросам. Б. Калнач отмечает «некоторые сомнения в прибалтийском научном сообществе», через которые прошли ученые при употреблении термина «постколониализм» [Калнач, 2020, с. 259]. В российском обществе он, безусловно, воспринимается еще более неоднозначно.

явно значимо) тюркские, в том числе татарские, заимствования в марийском. *Ял* – по-марийски деревня, *патор* (*Патор-утес*) – богатырь, *Чени* – цыпленок (подчеркивается принадлежность героини с этим именем к «птичьему» роду фантастического племени), все это заимствования из чувашского языка, родственного татарскому [Федотов, 1990, с. 207, 274, 286]. *Тимерче* значит кузнец, это тюркское слово. *Арвуй-кугыза* – «жрец-старик», оба слова марийские. *Айви* и *Сылвика* – дохристианские марийские имена тюркского происхождения [Егоров, 1986, с. 99]⁶: *ай* – тат. луна, см. «лунный», холодный характер героини; *сылу* – красивая.

Один из важнейших героев романа – мальчик-степняк Кул, живущий в плену у мары. Про его имя в тексте романа прямо говорится, что это заимствование из родного языка персонажа, означающее раба⁷. Что же это за язык, из которого марийцы заимствовали слово *кул*? Ответ лежит на поверхности для того, кто знаком с татарским языком и культурой, и совсем не очевиден для среднестатистического читателя русскоязычной литературы: это татарский. Кула сопровождают татарские реалии. Так, шарики высушенного овечьего творога, которые он готовит, чтобы они были такими же, как в его детстве, – это татарское блюдо *корт*. Столь же ясно, что татарские корни у другой центральной героини романа – Кошше. На теле она носит одеяние *баулы*, составленное из лоскутков, перевязанных веревками (тат. *бау* «веревка, завязка», *баулы* – имеющий много веревок, завязок).

Что за кучники-степняки захватили земли мары в реальной истории? Слово *кучник* образовано от татарского *куч* – «передвигаться, кочевать». И если знать об этом, многое в романе становится понятнее: автор пишет о своем народе и о кризисных чертах его современного самосознания. Ясно, почему при перенесении в апокалиптическое «последнее время» герои, имеющие прототипами татар (Кошше и Кула), теряют связь с корнями, почему мальчик-раб, выращенный чуждым его культуре народом и замерший на стыке культур, становится по сути центральным персонажем (с него начинается повествование и им оно заканчивается), почему он так морщится именно от свинины, когда Кошше и Хейдар хотят его угостить, хотя у мары запрещено почти любое мясо (автор снова «нарушает правила» и сквозь века протягивает руку своему народу). Гораздо яснее выступает в таком случае архетипический мотив Кошше-матери, связанный с национальным началом. Как и у Г. Яхиной в романе «Зулейха открывает глаза», мать и сын – базовая пара, начало нового отсчета для народа. Однако радужное будущее в романе очень условно, поскольку в уме мы постоянно держим проекцию на современность: этого будущего в нашей, читательской реальности еще не существует. Другой сын народа, Кул, оказался на воспитании у чужаков, матери у него нет. Или есть?..

Образ Кула во многом совпадает с образом сына Кошше, спасению которого посвящена ее сюжетная

линия. Можно сказать, что судьба раба Кула – это неудачный вариант жизни сына Кошше, который мог бы реализоваться, если бы мать его не освободила. Кошше, сама не зная почему, говорит Кулу, как своему сыну: «Мальчик, спать!» В финале она поет песню своему ребенку, а слышит ее Кул⁸. Его истинное имя Акогоыл – белый сын по-тюркски, а имя Ош, которым представляется ему Кошше, значит по-марийски «белый», так что закрадываются подозрения насчет родственной связи этих двух героев, которая, однако, потеряна, разорвана.

Мотив потери корней, языка, народа для современных писателей, связанных с региональной и национальной тематикой, – один из центральных. Ш. Идиатуллин в эссе «Правила воспитания», написанном для сайта об образовании и воспитании «Мел», высказывается, в том числе, о судьбе татарского языка и татарской культуры в своей семье: «У сына богатый, но пассивный словарный запас. Он поймет практически все, а вот говорить не сможет. Я говорить могу немножко смелее; книги и статьи на татарском читаю. Моей задачей, помимо прочего, было, чтобы дети не стеснялись своих татарских имен или смешной на русский слух фамилии». И далее: «...забыть язык, особенно если изначально это твой родной язык, на котором говорили твои предки, и тогда от них отдаляться с этической точки зрения предательство, а с логической – глупость и расходование ресурсов»⁹. Писатель изучал татарский язык уже будучи взрослым, а его выросшие дети английский «знают примерно как русский».

В сегодняшнем мире это типичный ход развития языковой ситуации в семье. В романе Ш. Идиатуллина «Последнее время» постоянно звучит лейтмотив забытого родного языка и его трепетной важности для героев. Воительница Кошше пытается выкрасть у врагов своего сына – и те, желая отвлечь ее от того, от чего отвлечь невозможно, – от инстинкта матери – манят героиню на родном языке, про который она думала, что уже забыла его. Примерно так же обстоят дела с родным языком у соплеменника Кошше – Кула, воспитанного чужим народом. Язык он «помнил, узнавал, а не знал», «каждое слово распахивалось и показывало значение после короткой заминки». И когда Кул встречает своих соплеменников, он понимает язык старика-кучника. Кошше в очередной раз приходит за сыном, и он спрашивает ее на «франкском» (в восточной традиции франки – общее наименование западных европейцев): «Ты настоящая?» А она отвечает на родном: «Я твоя мама. Я за тобой. Айда». Автор добавляет к ее реплике как краску типично поволжское, хотя и в русском существующее «айда». В финале Кошше и ее мальчик остаются среди немногих выживших, она впервые поет ему колыбельную «на почти забытом языке», и это наконец-то, как пишет автор, не стараясь подобрать сложные определения, «хороший мир».

⁸ См. очень похожий мотив приемной матери Фатимы и ее колыбельной, которую слышит и относит к себе герой-сирота Деев в романе «Эшелон на Самарканд» Г. Яхиной, а также сложный мотив родительства в ее романе «Дети мои».

⁹ Правила воспитания Шамиля Идиатуллина. «Избалованных мужиков растят женщины» // Мел. URL : https://mel.fm/pravila-vospitaniya/1368952-idiatullin_rules (дата обращения : 31.05.2023).

⁶ См. также: Черных С. Я. Словарь марийских личных имен. Йошкар-Ола : Марийский государственный университет, 1995. С. 423.

⁷ Возможно, это еще и игра с образом раба Куллерво из «Калеваль», судьба которого во многом пересекается с историей Кула.

«Последнее время» – это не только Апокалипсис, конец света и конец народа, у этого словосочетания есть и еще одно значение: недавно. Его автор тоже явно имел в виду. «Не писать о современности – хуже чем ошибка, это преступление» – название одного из интервью писателя. Критика увидела в романе многочисленные приметы сегодняшнего дня: феминизм и *girl power*¹⁰, экологическое сознание и *back to the roots*¹¹, карантин и «последние времена» пандемии¹². Но и языковая тема в романе, проблема потери языка для Ш. Идиатуллина явно современная и болезненная.

Созданный им художественный мир – одновременно и фантастический, и реальный. Карта, помещенная в начале книги, – это перевернутая на 90 градусов карта Европы, автор намекает, что это та же реальность, только «с другого бока», одновременно заигрывая с классическим толкиновским фэнтези, обязательной принадлежностью которого была карта в начале повествования. Персонажи живут одновременно в Новое время, в позднее Средневековье и в эпоху Великого переселения народов, а по языку они наши современники.

В сцене финальной битвы Кул оборачивается на старейшину мары Арвуй-кугызу, символически горящего на утесе, как факел, и вдруг понимает: «Ему страшно больно, уже давно. Он же горит заживо». Символ обретает плоть, жрец-старик жертвует собой ради спасения оставшейся группы мары. Читатель, знакомый с этнической проблематикой в современной России, не может не вспомнить в связи с этим о родстве марийцев и удмуртов и о трагическом самосожжении удмуртского активиста, совершенном в сентябре 2019 г. как отчаянный жест в поддержку своего языка¹³. Именно после этой сцены в романе следует отмеченная критикой мораль: «Народ рождается медленнее, чем человек, живет дольше, чем человек, а умереть может так же, весь и сразу, а может и подругому, постепенно растворившись в другом народе. И даже не понимая, что уже умер. Иногда трудно отличить жизнь от смерти. А иногда и не надо стараться их отличать. Надо просто делать, что нужно твоему народу, – и быть рядом с твоим народом».

Сравним эту тематику и тональность с темой и тоном плаката, с которым вышел на свой последний пикет А. Разин. На нем была напечатана цитата из стихотворения Р. Гамзатова: «И если завтра мой язык исчезнет, / то я готов сегодня умереть».

10 Жучкова А. Конец эона // Год литературы. 2020. 15 сентября. URL : <https://godliterary.ru/articles/2020/09/15/bakhroma-knigi-o-kotorykh-vy-ne-slyshali-3> (дата обращения : 31.05.2023). Корнацкий Н., Уваров С. Смешать и взболтать: Бонд для детей, чертовщина – для взрослых // Известия. 2020. 29 сентября. URL : <https://iz.ru/1066481/nikolai-kornatskii-sergei-uvarov/smeshat-i-vzboltat-bond-dlia-dei-chertovshchina-dlia-vzroslykh> (дата обращения : 31.05.2023).

11 Чанцев А. Случилась экология // Textura. 2020. 16 сентября. URL : <http://textura.club/sluchilas-ekologiya/> (дата обращения : 31.05.2023).

12 Визель М. Пять книг для бабьего лета (и не только) // Год литературы. 2020. 25 сентября. URL : <https://godliterary.ru/articles/2020/09/25/piat-knig-dlia-babego-leta-i-ne-tolko> (дата обращения : 31.05.2023).

13 Последний аргумент в длинном споре // Медуза. 2019. 19 сентября. URL : <https://meduza.io/feature/2019/09/19/posledniy-argument-v-dlinnom-spore> (дата обращения : 31.05.2023).

Таким образом, к наиболее явному слою романа, согласно которому мары (марийцы) попадают в зависимость от неизвестных кочевников, добавляются еще два не столь очевидных. Во-первых, автор осмысляет собственный этнос в качестве народа-завоевателя, разрушившего основы чужой культуры. Во-вторых, через тему последнего времени как современности вносится контекст метрополии с ее влиянием на судьбу разных миноритарных народов.

Эти дополнительные слои введены в роман загадками, намеками для посвященных, за счет этого создается простор для совершенно разных прочтений романа изнутри и снаружи описываемых культур. Лингвистический комментарий мог бы и не пригодиться, если бы автор, подобно Г. Яхиной в романе «Зулейха открывает глаза», снабдил текст словариком, но Ш. Идиатуллин ведет причудливую постмодернистскую игру смыслов, одновременно, подобно А. Иванову в «Сердце Пармы» и «Золоте бунта», создавая ощущение Иного на языковом уровне.

Неопределенность, игровое начало мешают увидеть авторскую позицию, однако этот текст, воспринятый критикой как книга о марийцах, на самом деле во многом о татарах и татарском патриотизме. Так, Кошше в начале книги названа Кошчы, это исходная форма ее имени, и эта же форма используется в тексте, когда Кошше воспринимается глазами своего соплеменника (родственника? сына?) Кула. В переводе с татарского *Кошчы* – это птичник, птицевод, и поскольку мары происходят, по сюжету романа, от птичьих родов, одно с другим, вероятнее всего, прямо связано, главенство кучников явно констатируется.

Помимо уже упомянутой морали, которую можно воспринять как внутренний монолог Айви, в финале романа есть еще один фрагмент общих рассуждений, связанный с образом Кула. Волга, которая на протяжении всего романа называлась по-марийски *Юл*, после финальной битвы носит «единое истинное», а именно тюркское название *Итиль*. «Народ без достоинства не заслуживает внимания», – рассуждает Кул о мары.

Тем не менее, современный дискурс удерживает нас от однозначной интерпретации авторских симпатий. Нахождение автора на периферии, в спектре гибридных форм культуры позволяет ему искать точки, в которых возможно понимание разных позиций. Многие его герои не имеют абсолютно однозначной национальной идентичности. Разрывается между колдунами-мары и степняками Кул. Айви временами завидует «шестипалым» (германским народам): семья у них постоянна, а любовные союзы не распадаются сразу после физического единения. Ее возлюбленный Познай уходит из племени, «предает» «свой народ ради чужого народа, далекого и незнакомого». Это герои предпоследнего времени, уже ощущающие будущий слом, крах родной культуры. Тот же сюжетный ход отрыва от национальных корней, имеющий, однако, позитивные последствия, видим в романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза»: только оказавшись разлученными с родной культурой, героиня и ее сын обретают к ней подлинный интерес [Савельева, 2015],

действует система притяжения-отталкивания. Подобные многозначительные противоречия находим в современной литературе на национальные темы на разных уровнях: языковом, сюжетном, уровне системы персонажей и др.

Выводы

Итак, мы видим, что национальная проблематика, рассмотрение которой намечено уже в более ранних романах Ш. Идиатуллина [Шаряфетдинов, 2021; Чугунов, 2020], в романе «Последнее время» становится более глубокой, освещается с позиции Другого (в

терминах теории постколониализма). Мотив потери корней, языка, народа раскрывается и с позиции завоевателей (угнетающих), и с позиции завоеванных (угнетаемых). Это вполне соответствует общим тенденциям развития этнической темы в современной русскоязычной литературе. Важной линией в ней представляется интерес к регионализму, соседним народам, система взаимоотношений, нахождение себя на периферии чужого, поиск родного в чужеродном, внимание не только к чертам сходства, но и к острым конфликтам, обретение в этом процессе себя.

Список литературы

- Егоров Н. И. Женские личные имена низовых чувашей-язычников // Культура и быт низовых чувашей. Чебоксары, 1986. С. 88–104. EDN: [ZBTVMB](#)
- Калнач Б. Латвийский мультикультурализм и постколониализм // Новое литературное обозрение. 2020. № 6. С. 258–271. EDN: [FHJQAS](#)
- Кукулин И. Русская литература во главе «младших братьев» (эпизод из новейшей истории российского школьного образования) // Новое литературное обозрение. 2020. № 6. С. 414–429. EDN: [OHGGYM](#)
- Савельева М. С. Утверждение через отрицание // Октябрь. 2015. № 12. С. 132–136. EDN: [SOLQOP](#)
- Савельева М. С. Проблема этнической неопределенности в современной русской литературе (на примере романа Шамиля Идиатуллина «Последнее время») // Человек в условиях неопределенности. Самара, 2022. С. 291–295. EDN: [SVPXKO](#)
- Федотов М. Р. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. Саранск : Издательство Саратовского университета, Саранский филиал, 1990. 336 с.
- Чугунов А. С. Проблема национальной идентичности в романе Ш. Идиатуллина «Город Брежнев» // Казанская наука. 2020. № 6. С. 19–22. EDN: [YNHVUA](#)
- Шаряфетдинов Р. Х. Образ ребенка в изображении мифологии татарского народа в русскоязычном романе «Убыр» Ш. Идиатуллина // Научный Татарстан. 2021. № 2. С. 59–63. EDN: [VVCCTC](#)
- Spivak G. “Can the Subaltern Speak?” // *Marxism and the Interpretation of Culture*. Basingstoke : Macmillan, 1988. P. 271–313.

References

- Egorov, N. I. (1986). Zhenskies lichnye imena nizovykh chuvashei-iazychnikov. *Kul'tura i byt nizovykh chuvashei*, 88-104. EDN: [ZBTVMB](#).
- Kalnacs, B. (2020). Latvian multiculturalism and postcolonialism. *New literary observer*, 6, 258-271. EDN: [FHJQAS](#).
- Kukulin, I. (2020). Russian literature at the head of “younger brothers” (an episode of contemporary history of russian school education). *New literary observer*, 6, 414-429. EDN: [OHGGYM](#).
- Savelyeva, M. S. (2015). Utverzhenie cherez otritsanie. *Oktiabr*, 12, 132-136. EDN: [SOLQOP](#).
- Savelyeva, M. S. (2022). The problem of ethnic uncertainty in modern Russian literature (based on Shamil Idiatullin's novel «Last times»). *Chelovek v usloviakh neopredelennosti*, 291-295. EDN: [SVPXKO](#).
- Fedotov, M. R. (1990). Chuvashsko-mariiskie iazykovye vzaimosvazi., 336. Saransk: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, Saranskii filial.
- Chugunov, A. S. (2020). The problem of national identity in the novel by Sh. Idiatullin “Gorod Brezhnev”. *Kazan science*, 6, 19-22. EDN: [YNHVUA](#).
- Shariafetdinov, R. Kh. (2021). The image of a child in the depiction of the mythology of the Tatar people in the Russian-language novel “Ubyr” by Sh. Idiatullin. *Nauchnyi Tatarstan*, 2, 59-63. EDN: [VVCCTC](#).
- Spivak, G. (1988). Can the Subaltern Speak? *Marxism and the Interpretation of Culture*, 271-313.

Информация об авторах

Савельева Мария Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный институт международных отношений, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-8070-1110>;
e-mail: savelyeva.mgimo@gmail.com

Савельев Александр Владиславович – кандидат филологических наук, Институт языкознания Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8343-2057>;
Scopus Author ID: [57217068405](#)
e-mail: a.savelyev@iling-ran.ru

Information about the authors

Maria S. Savelyeva – Cand. Sci. (Phil.), associate professor, Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-8070-1110>;
e-mail: savelyeva.mgimo@gmail.com

Alexander V. Savelyev – Cand. Sci. (Phil.), Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, HSE University, Moscow, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8343-2057>;
Scopus Author ID: [57217068405](#)
e-mail: a.savelyev@iling-ran.ru

Поступила в редакцию 06.06.2023

Принята к публикации 02.11.2023

Опубликована 18.12.2023

Received 06 June 2023

Accepted 02 November 2023

Published 18 December 2023

Региональный компонент жаргона уличных группировок 1980-1990-х годов (на речевом материале г. Йошкар-Олы)

<https://doi.org/10.31483/r-109370>

УДК 811.161.1'276:=511.151

Тонкова Е. Г.^{1,a}, Ярыгина Е. С.^{1,b}¹Марийский государственный университет
г. Йошкар-Ола, Российская Федерация.^a <https://orcid.org/0000-0002-6403-8345>, e-mail: eltonkova@yandex.ru^b <https://orcid.org/0009-0000-3676-4748>, e-mail: es1957@mail.ru

Резюме. Работа посвящена изучению лексики молодежных группировок г. Йошкар-Олы 1980–1990 гг. Цель настоящей статьи – охарактеризовать локальные особенности языка йошкар-олинских молодежных неофициальных формирований. Материалом исследования послужил жаргон участников уличных группировок столицы Республики Марий Эл конца XX в. Источниками языкового материала послужили документальная литература, публицистические статьи, словари субстандартной лексики и записи живой речи бывших участников группировок. В процессе исследования использовались методы лингвистического наблюдения и описания, словарного толкования, контекстного анализа лексических единиц. В результате исследования авторы приходят к выводу, что ряд рассмотренных в статье жаргонизмов стал частью неофициальной микротопонимии г. Йошкар-Олы. Вероятность попадания подобных лексических единиц в публикуемые ведущими издательствами словари нелитературной лексики крайне мала. Собранный материал содержит сведения об этимологии неофициальной топонимии г. Йошкар-Олы, о коммуникативных предпочтениях местной молодежи и языковых реалиях 1980–1990 гг. Субъязык хулиганствующей молодежи по своей природе очень близок русскому аргю. Более детальное изучение жаргона участников уличных группировок может способствовать изменению не критичного отношения русскоговорящих к языку криминального мира.

Ключевые слова: литературный язык, аргю, жаргон, речевой субстандарт, региональный словарь.

Для цитирования: Тонкова Е. Г. Региональный компонент жаргона уличных группировок 1980-1990-х годов (на речевом материале г. Йошкар-Олы) / Е. Г. Тонкова, Е. С. Ярыгина // Этническая культура. 2023. Т. 5, №4. С. 54-59. DOI 10.31483/r-109370. EDN JADQWU

Review Article

The regional component of the jargon of street groups of the 1980s and 1990s (based on the speech material of Yoshkar-Ola)

Elena G. Tonkova^{1,a}, Elena S. Yarygina^{1,b} ¹Mari State University
Yoshkar-Ola, Russian Federation.^a <https://orcid.org/0000-0002-6403-8345>, e-mail: eltonkova@yandex.ru^b <https://orcid.org/0009-0000-3676-4748>, e-mail: es1957@mail.ru

Abstract. The work is devoted to the study of the vocabulary of youth groups in Yoshkar-Ola in 1980–1990. The purpose of this article is to characterize the local features of the language of Yoshkar-Ola youth unofficial groups. The research material was the jargon of participants in street gangs in the capital of the Republic of Mari El at the end of the twentieth century. The sources of language material were documentary literature, journalistic articles, dictionaries of substandard vocabulary and recordings of live speech of former group members. During the research, methods of linguistic observation and description, dictionary interpretation, and contextual analysis of lexical units were used. As a result of the study, the authors come to the conclusion that a number of jargons discussed in the article have become part of the unofficial microtoponymy of the city of Yoshkar-Ola. The likelihood of such lexical units appearing in dictionaries of non-literary vocabulary published by leading publishers is extremely low. The collected material contains information about the etymology of the unofficial toponymy of the city of Yoshkar-Ola, the communicative preferences of local youth and the linguistic realities of 1980–1990. The sublanguage of hooligan youth is very close in nature to Russian argot. A more detailed study of the jargon of street gang members may help change the uncritical attitude of Russian speakers towards the language of the criminal world.

Keywords: jargon, argot, literary language, speech substandard, regional dictionary.

For citation: Tonkova E. G., & Yarygina E. S. (2023). The regional component of the jargon of street groups of the 1980s and 1990s (based on the speech material of Yoshkar-Ola). *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 5(4), 54-59. EDN: JADQWU. <https://doi.org/10.31483/r-109370>.

Введение

Одним из значимых культурных событий 2023 г. стал выход на российских стриминговых сервисах сериала о казанских молодежных группировках 1980–1990 гг. «Слово пацана. Кровь на асфальте».

Выходу сериала предшествовало издание книги Р. Гараева «Слово пацана. Криминальный Татар-

стан 1970–2010-х» (2020). Благодаря своему нетривиальному содержанию она привлекла внимание журналистов, социологов, антропологов и получила множество положительных отзывов¹. Автор книги был консультантом на съемочной площадке телесериала. **Фильм не повторяет содержание книги.**

¹ Бочаров Т. Светлана Стивенсон. Жизнь по понятиям: уличные группировки в России. Москва : Страна ОЗ, 2017. 304 с.

Для жаргонологов и арготологов документальный проект Р. Гараева интересен своим оригинальным материалом, который мог бы дополнить существующие научные работы, посвященные изучению русских социальных диалектов, в первую очередь арго. Это мыслится важным в связи с тем, что «в настоящее время многие арготизмы уже не осознаются как таковые: населением забыто их происхождение, изменены оттенки значений, эмоциональная окраска и проч. Хотя намеки на криминальное прошлое все-таки остались» [Грачев, 2022, с. 211]. Сказанное важно связать и с молодежным жаргоном: «Язык молодежи является областью, которая представляет исключительный интерес для ученых, занимающихся оценкой, поскольку сленг – преимущественно оценочное явление. Молодые люди дают оценку всему, что их окружает, по-своему интерпретируя действительность» [Ухова, 2014, с. 180].

Жаргонизмы участников уличных группировок были частично зафиксированы в словарях субстандартной лексики в 1990 г. в начале первого десятилетия XXI в., затем речь хулиганствующей молодежи практически перестала интересовать исследователей. К этому моменту утвердилась точка зрения, что молодежные формирования и их специфическая речь перестали существовать. Между тем бывшие участники группировок и свидетели происходивших событий, и они в текущем моменте делятся своими воспоминаниями в социальных сетях на том языке, который был органичен для них в 1980–1990 гг. Их речь интересна прежде всего в свете высказываемой социолингвистами мысли: «В языке отражаются все изменения, которые происходят в обществе на определенном этапе его развития, мышление, морально-нравственная установка и мотивационная направленность макро- и микросоциума» [Голощапова, Мирмович, 2016, с. 18].

Можно констатировать, что в словарях жаргонов и арго в настоящее время репрезентированы отнюдь не все социолектизмы, реально функционировавшие в речи представителей молодежных группировок, и словники лексикографических трудов могут быть пополнены самобытными лексемами. На наш взгляд, в сложившейся ситуации особенно интересно изучение региональных субъязыков молодежных группировок, поскольку преступные формирования существовали не только в Республике Татарстан, но и в других субъектах России.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужил жаргон участников уличных группировок, существовавших в 1980–1990 гг. в Йошкар-Оле. «Концептосфера национальной культуры объективируется не только в литературном языке, обслуживающем элитарную, книжную культуру, но и в иных формах существования языка – социальных и территориальных диалектах» [Морозова, 2015, с. 478]. Социолект хулиганствующих группировок определенного региона содержит периферийную лексику, которая являлась частью городской субкультуры своего времени, и, возможно,

не все лексемы были отражены в научной литературе и лексикографических источниках в силу самых разных причин. Как представляется, многие социолектизмы попадали под редакторский отсев вследствие своей откровенной грубости и сниженности.

Однако простое игнорирование аномативной лексики не может решить существующих проблем. Она по-своему привлекательна для носителей русского языка. Фактически жаргонная лексика участников молодежных группировок становится неординарным свидетельством существования той реальности, о которой большинство людей знает очень мало. Книга Р. Гараева «Слово пацана. Криминальный Татарстан 1970–2010-х» стала популярной не случайно: живая речь бывших участников казанских и иных группировок дает читателю возможность познать характер героев, выработать определенное отношение к их поступкам, оценить остроту и опасность тех жизненных ситуаций, в которых они оказывались. Использование субъязыка молодежных группировок в качестве основного изобразительного средства в пространстве документального проекта в какой-то мере отвечает и запросам современной читательской аудитории, которая, с одной стороны, руководствуется потребностью художественного оправдания криминала², а, с другой стороны, демонстрирует свою приверженность маргинальной языковой моде.

Субъязык хулиганствующей молодежи по своей природе очень близок русскому арго – языку криминального мира, а «арготизмы, обладая экспрессивностью и яркой отрицательной окраской, активно переходят в общенародный язык. Лингвисты не могут повлиять на этот процесс: журналисты к ним не прислушиваются, во многих газетах, на радио и телевидении редакторская правка отсутствует; закон, регулирующий публичное речевое поведение, не разрабатывается и не обсуждается» [Грачев, 2019, с. 71]. Более детальное изучение жаргона участников уличных группировок может способствовать изменению не критичного отношения русскоговорящих к языку криминального мира.

Авторами в работе использовались методы лингвистического наблюдения и описания, словарного толкования, контекстного анализа лексических единиц. Основными источниками для сбора языкового материала стали документальная литература, публицистические статьи, словари субстандартной лексики и записи живой речи бывших участников группировок.

Вокабуляр отдельных подсистем русского речевого субстандарта характеризуется изменчивостью и непостоянством, что во многом обусловлено кратким жизненным сроком определенных слов. Актуальная фиксация лексем в лингвистических трудах – залог того, что не будут утрачены знаменательные для своего времени пласты городской речи, являющейся неотъемлемой частью городской субкультуры. Уличные молодежные группировки были своеобразным

² Литовская М., Савкина И. Читать нельзя изучать: книга о массовой литературе для учителей и учеников. Москва ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2017. 150 с.

символом времени, и в свете этого нельзя считать, что они не повлияли на развитие молодежных субкультур и сленга.

Результаты исследования и их обсуждение

Субязык молодежных группировок, существовавших в различных городах России, пока еще не описан в научной литературе как частный лингвистический феномен. По нашему мнению, это в первую очередь объясняется культурно-историческими обстоятельствами. В СССР к любому жаргону относились традиционно неодобрительно. Бытовало мнение, что все жаргонизмы являются сорными словами, вследствие чего они вульгаризируют речь и приводят к излишнему упрощению коммуникативных навыков. Эта точка зрения находит отражение и в современных научных работах, описывающих своеобразное противостояние жаргонов и нормированного языка и речи: «... насыщенная жаргонизмами речь свидетельствует о безразличии к правильности, лексической точности языка, примитивизме навыков общения, негативном влиянии на формирующееся речевое сознание молодого поколения, отсекая пласты литературной лексики и обедняя речь, тем самым препятствуя интеллектуальному и творческому развитию личности» [Фазлыева, 2020, с. 42].

Молодежные группировки появились в 1980 гг. Криминальная субкультура по традиции «заметно проявляется в среде несовершеннолетних и молодежи. Отсутствие нравственных и идеологических установок, особенности психического здоровья подростка, слабое знание законодательства, желание противопоставить себя окружающему миру приводит к подмене моральных и культурных ценностей на антиобщественные» [Шалагин, 2016, с. 137]. Следует принимать во внимание и то, что для юношеского возраста «характерен высокий уровень конформизма, готовности к принятию групповых норм, изменению поведения или убеждений в соответствии с мнением наиболее авторитетных сверстников или взрослых лиц» [Хисамутдинов, Шалагин, 2015, с. 48].

В описываемое время сам термин жаргон в русистике еще имел печать исключительно негативной окраски. В таких условиях изучение речи участников молодежных группировок, репрезентирующей значимые для них жизненные ориентиры, которые оказались шокирующими для социума, было практически невозможным. В результате основным источником иллюстративного языкового материала стали публицистические статьи и документальная литература конца 1980 – начала 1990 гг. о подростковых формированиях, в тексты которых вследствие своей табуированности и негативно-оценочной коннотации не попали многие слова из лексикона хулиганствующей молодежи. Позднее, когда в Российской Федерации стали свободно издаваться словари субстандартной лексики, ключевые слова, связанные с деятельностью группировок, были зафиксированы в их словарях. Однако, как правило, лексикографические труды выходили в свет не в регионах, а в ведущих издательствах Москвы и Санкт-Петербурга. Поэтому

региональный компонент языка представителей молодежных формирований остался практически не замечен авторами-составителями.

В настоящее время субязык молодежных группировок рассматривается или как составляющая молодежного жаргона, или как элемент русского арго – языка криминального мира. Например, Г. М. Лисина в диссертации кандидата филологических наук «Арготизмы заимствованного происхождения в русском языке»³, дополняя и уточняя классификацию арго преступников, предложенную М. А. Грачевым, называет этот феномен «арго лиц, входящих в организованные преступные формирования, в особенности молодежные (характерное для Республики Татарстан)». Таким образом, автор невольно высказывает мысль о том, что молодежные формирования существовали в единственном регионе России – Республике Татарстан. Между тем явление было присуще и другим субъектам страны.

В наши дни не представляется возможным ознакомиться с единым словарем актуальных для сознания участников уличных группировок 1980–1990 гг. лексических единиц и коллокаций, поскольку он не был составлен лингвистами своевременно, а позднее, в процессе создания словарей субстандартной лексики, освоенность жаргонизма в том или ином регионе, по-видимому, вообще не принималась во внимание. В то же время необходимо учитывать: «Очевидно, что вариативность жаргона зависит от степени интенсивности контактов между носителями жаргона разных регионов. Таким образом ... территория является одним из препятствий распространения единого жаргона» [Ерофеева, Кропачева, 2016, с. 29].

Основу жаргона участников йошкар-олинских уличных группировок составляли те же лексические единицы, что и в других регионах России. В рамках данной статьи представляется целесообразным сосредоточиться на локальных особенностях субязыка участников уличных группировок. Так, некоторые номинации участников молодежных формирований по возрасту одинаковы в разных субъектах России: например, *старшие, старшаки, старики* – участники группировки, отслужившие в армии, *авторитеты* – лидеры молодежных группировок. В то же время в Йошкар-Оле вместо жаргонизма *средние*, функционировавшего в группировках других городов и республик России, использовался региональный вариант *середняки*. Не использовались йошкар-олинцами для обозначения младшего возраста жаргонизмы *скорлупа, шелуха, зеленые, огурцы* и др., фиксировавшиеся в соседних регионах. Вместо них употреблялись слова *салаги* и *молодые*. Не было освоено йошкар-олинскими участниками группировок жаргонное слово *супер* ‘член хулиганствующей молодежной группировки в возрасте 14–16 лет’ (множественное число *суперá*), репрезентированное в словарях. Аутентичным региональным наименованием является слово *води́ла* ‘лидер, главарь хулиганской группировки’.

³ Лисина Г. М. Арготизмы заимствованного происхождения в русском языке : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01. Казань, 2021. 232 с.

Это слово зафиксировано только в «Региональном словаре русской субстандартной лексики (Йошкар-Ола. Республика Марий Эл)» (2009) А. Т. Липатова и С. А. Журавлева со значением ‘главарь гопников (подростков, входящих в хулиганскую группировку)’⁴. Этимология слова прозрачна: лидер *водил* свою группировку строем на дискотеку, на так называемые *сборы* ‘собрания, встречи участников группировок’ (в речи казанских участников группировок в том же значении использовалось слово *сходняк*) и *разборки*.

Не функционировал в Йошкар-Оле легендарный (по отзывам россиян в соцсетях) жаргонизм *чушпан* ‘подросток, не являющийся членом неформальной группировки хулиганствующей молодежи’. Вместо него использовались эквиваленты *чушок*, *чмо*, *чмырь*.

Благодаря публицистике, освещавшей деятельность преступных молодежных формирований, получил известность жаргонизм *мотаться* ‘состоять в неформальной группировке хулиганствующей молодежи; драться за кого-либо’. В Йошкар-Оле те же самые действия обозначались глаголом *бегать*. Соответственно, того, кто *бегал за район* (или *за кого-либо*), называли словом *бегун* (этого слова не было, к примеру, в лексиконе казанской молодежи, как следствие, оно не попало и в словари субстандартной лексики).

Жаргонный иллюстративный материал может быть полезен и для этнографов города. «Региональное своеобразие современного молодежного жаргона проявляется преимущественно в именовании городских реалий (названиях улиц, памятников, культурных центров, магазинов, мест встречи молодежи и т. д.), часто ироничных и связанных со стихией языковой игры» [Морозова, 2017, с. 12].

Часть микротопонимов, выполняющих функцию неформальной номинации йошкар-олинских объектов (улиц, площадей, микрорайонов и пр.), обязана своим появлением молодежному жаргону. Так, в «Региональном словаре русской субстандартной лексики (Йошкар-Ола. Республика Марий Эл)» зафиксированы такие лексические единицы, как *Микрашка* – общее название первого, второго и третьего микрорайонов; *Ремзик* – микрорайон Ремзавод; *Сомбат* – название микрорайона Сомбатхей (в этих районах действовали самые крупные группировки г. Йошкар-Олы); *Комса* – район улицы Комсомольской; *Квадрат* – сооружение, образовавшее, квадрат из домов по улице Петрова, 8, и бульвару Чавайна, 12; *Одесса* – улица Эшкинина, 22; *Очко* – двор дома 10 на бульваре Чавайна, *Петровка* – улица Петрова. Не были выявлены и в итоге в настоящее время не занесены в вокабуляр регионального словаря субстандартной лексики использовавшиеся участниками группировок микротопонимы *Кайзер* – микрорайон Ремзавод (как представляется, на выбор в качестве названия заимствованного из немецкого языка слова повлияло то, что в районе расположены улицы К. Либкнехта и Р. Люксембург); *Кирзик* – район кирпичного завода; *Пятак* – перекресток улиц Мира

и Карла Либкнехта; *Девятый* – девятый микрорайон; *Второй километр* – район улицы Машиностроителей, *Армянские дворы* – дома в микрорайоне Березово.

Отдельно следует упомянуть названия молодежных группировок, поскольку все они носят оригинальный характер и связаны с топонимией г. Йошкар-Олы и некоторых близлежащих населенных пунктов. В районе Сомбатхей (название в честь венгерского города-побратима) действовали группировки «*Петровские*» (ул. Петрова), «*Централовские*» (микрорайон Центральный в заречной части Йошкар-Олы), «*Сомбатхейские*» (ул. Сомбатхей). В соцсети «ВКонтакте» упоминается группировка «*Центр*», существовавшая в районе улиц Советской, Карла Маркса и бульвара Чавайна. В районе ул. Комсомольской сложилась группировка «*Комса*». Рядом с этим районом появились «*Малиновские*». На улице Димитрова сформировалась группировка «*Димитровские*», в районе Оршанского шоссе – «*Оршанские*». В районе железнодорожного вокзала образовалась малочисленная группировка «*Пьяные дворы*» (название образовано от омонимичного просторечного микротопонима). В девятом микрорайоне действовала одна из самых больших группировок – «*Девятковские*». С ними соседствовала группировка «*Шестой микрорайон*» (микрорайон Березово, район школы № 19). Недалеко от них находились группировки районного центра Медведево (поселок граничит с Йошкар-Олой) – «*Терешковские*» (ул. Терешковой) и «*Коммуна*» (ул. Коммунистическая). В *Микрашке* (первом, втором и третьем микрорайонах) действовала одноименная группировка «*Микрашка*».

Дружественные группировки, как и в Казани, могли образовывать союзы. Так, бывшие их участники упоминают название такой коалиции – *КПСС*. Жаргонизм образован от названий районов *Кайзер* (Ремзавод) – *Пятак* (перекресток улиц Мира и Карла Либкнехта – *Сомбатхей* – *Семеновка* (село в городском округе Йошкар-Олы, находится рядом с микрорайоном Ремзавод). Существовал и *КПСС-2* (жаргонизм образован от названий пригородных населенных пунктов *Куяр* – *Пемба* – *Сурак* – *Силикатный*).

Таким образом, субязык молодежных группировок следует рассматривать, с одной стороны, как часть молодежного жаргона (в силу возрастных характеристик уличных группировок), с другой – как атрибут городской субкультуры. «Человек не только отражает в своем речевом поведении те черты, которые присущи его социальному статусу, но и их формирует, т. е. моделирует посредством языка представление о самом себе у окружающих – сознательно повышая или понижая свой социальный статус» [Раренко, 2017]. Грубость и циничность жаргонизмов, их нарочитая вульгарность и экспрессивность могут демотивировать и оттолкнуть потенциальных исследователей социолектов. Однако естественная речь бывших представителей молодежных формирований является важным источником информации, касающейся жизни уличных группировок, их мировоззренческих взглядов, стремлений и т. п. «Наряду с культурой, содержащей в себе общие для всего социального

4 См.: Липатов А. Т., Журавлев С. А. Региональный словарь русской субстандартной лексики: Йошкар-Ола, Республика Марий Эл. Москва: ЭЛПИС, 2009. 285 с.

организма компоненты духовной жизни, существенное значение имеют и формы культуры, обслуживающие отдельные частные сферы деятельности. Эту важную функциональную роль выполняют различные субкультуры» [Ерофеева, 2013, с. 5]. Поэтому присущие им атрибуты должны быть объектом лингвистического, социологического и культурологического изучения.

Выводы

Жаргонная лексика участников уличных группировок может рассматриваться как символ определенной исторической эпохи, помогающий воссоздать целостную картину жизни позднего СССР и лихих 1990 гг. Изучать ее следует потому, что до сих пор «пространство молодежных исследований находится в ситуации мультипарадигмальности. Исследователи по-разному понимают и пытаются описать способы (вос)производства молодежной коллективной идентичности, а также объяснить угасание одних (суб)культур, трансформацию других и возникновение третьих» [Литвина, 2019, с. 324].

Сериал «Слово пацана. Кровь на асфальте» пробудил интерес социума к мировоззрению подростков, их картине мира, этическим установкам. Рассмотренные в статье субстандартные региональные лексемы 1980–1990 гг., попавшие в единственный словарь субстандартной лексики, равно как и слова,

в силу интра- и экстралингвистических причин своевременно не зафиксированные жаргонографами, дают представление об этимологии неофициальной топонимики г. Йошкар-Олы, речевых предпочтениях местной молодежи, о том, как уличный субязык отражает свойственные определенной местности культурные и ментальные особенности.

Молодежные группировки Среднего Поволжья становились объектом изучения этнологов и антропологов в 2010 гг., однако о йошкар-олинских группировках в научной литературе почти ничего не написано. Авторы попытались зафиксировать и описать те субстандартные единицы, которые, вероятно, не имеют возможностей быть и представленными в словарях ненормативной лексики крупных издательств.

Носителям русского языка не следует воспринимать подобные слова как общепринятые и обыденные. Речь участников уличных группировок в силу своей стилистической сниженности, грубости, презрительности и пренебрежительности не должна становиться объектом восхищения и подражания. Насущной обязанностью лингвистов является объективная оценка вульгарных, уничижительных слов из лексикона участников преступных формирований, которые употребляются современными образованными людьми в процессе коммуникации как элемент языковой игры.

Список литературы

- Голощапова Т. Г., Мирмович Т. Д. Наименование лица в криминальном мире // *Виктимология*. 2016. № 1. С. 18–23. EDN: [WFLSVH](#)
- Грачев М. А. Адаптация арготических единиц в общенародном русском языке в XXI веке // *Неофилология*. 2022. Том 8, № 2. С. 210–217. DOI: [10.20310/2587-6953-2022-8-2-210-217](#). EDN: [ZTKQRL](#)
- Грачев М. А. Лексикографические проблемы составления словарей арготического языка // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 : Языко-знание*. 2019. Том 18, № 1. С. 62–73. DOI: [10.15688/jvolsu2.2019.1.5](#) EDN: [XBKRNE](#)
- Ерофеева Е. В., Кропачева М. А. Локальная вариативность жаргонного значения слова // *Вестник Пермского университета*. 2016. Выпуск 2. С. 27–37. DOI: [10.17072/2037-6681-2016-2-27-37](#). EDN: [WZCILV](#)
- Ерофеева Т. И. Субкультура в лингвистическом изучении // *Социо- и психолингвистические исследования*. 2013. Выпуск 1. С. 5–10. EDN: [TANVTH](#)
- Литвина Д. А. Что значит быть настоящим: молодежные культуры в по-исках аутентичности // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2019. № 1. С. 324–341. DOI: [10.14515/monitoring.2019.1.16](#). EDN: [ZBJAKL](#)
- Морозова О. Е. Концептосфера молодежного сленга // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2015. № 2. С. 478–482. EDN: [UOGZIB](#)
- Морозова О. Е. Молодежный жаргон XXI века: современные тенденции // *Русский язык в школе*. 2017. № 9. С. 11–15. EDN: [ZMZABB](#)
- Раренко Б. Сленг как повышение и понижение социального статуса // *Языковое бытие человека и этноса*. 2017. № 19. С. 183–189. EDN: [ZFSQXR](#)
- Ухова П. С. Оценочный потенциал лексических единиц молодежного сленга // *Ярославский педагогический вестник. Гуманитарные науки*. 2014. № 4. Том 1. С. 180–184. EDN: [RHXWZR](#)
- Фазлыева З. Х. Место молодежного жаргона в системе русского языка // *Litera*. 2020. № 4. С. 37–45. DOI: [10.25136/2409-8698.2020.4.30799](#). EDN: [BRFNVG](#)
- Хисамутдинов Ф. Р., Шалагин А. Е. Криминальная субкультура и ее предупреждение // *Вестник Казанского юридического института МВД России*. 2015. № 2. С. 46–52. EDN: [TVQXIH](#)
- Шалагин А. Е. Криминальная среда и ее общественная опасность // *Ученые записки Казанского юридического института МВД России*. 2016. № 2. С. 136–141. EDN: [YJAQFP](#)

References

- Goloshchapova, T. G., & Mirmovich, T. D. (2016). The nicknames of the person in the criminal world. *Victimology*, 1, 18-23. EDN: [WFLSVH](#).
- Grachev, M. A. (2022). Adaptation of argotic units in the national Russian language in the 21st century. *Neophilology*, 8(2), 210-217. EDN: [ZTKQRL](#). <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-2-210-217>

- Grachev, M. A. (2019). The lexicographic problems of compiling argot dictionaries. *Science Journal of VolSU. Linguistics*, 18(1), 62-73. EDN: XBKRNE. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.5>
- Erofeeva, E. V., & Kropacheva, M. A. (2016). Local variability of slang words. *Perm university herald. Russian and foreign philology*, k2. EDN: WZCILV. <https://doi.org/10.17072/2037-6681-2016-2-27-37>
- Erofeeva, T. I. (2013). Subculture in linguistic interpretation. *Socio Psycho Linguistic Research*, k1. EDN: TANVTH.
- Litvina, D. A. (2019). What it means to be “true”: youth cultures in search of authenticity. *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, 1, 324-341. EDN: ZBJAKL. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.16>
- Morozova, O. E. (2015). Conceptosphere of youth slang. *Vestnik of Lobachevsky university of Nizhni Novgorod*, 2, 478-482. EDN: UOGZIB.
- Morozova, O. E. (2017). Youth jargon of the XXI century: modern trends. *Russian language at school*, 9, 11-15. EDN: ZMZABB.
- Rarenko, B. (2017). Slang as a sign of social status. *Iazykovoe bytie cheloveka i etnosa*, 19, 183-189. EDN: ZFSQXR.
- Ukhova, P. S. (2014). Estimating potential of lexical units of the youth slang. *Yaroslavl pedagogical bulletin*, 1(4), 180-184. EDN: RHXWZR.
- Fazlyeva, Z. Kh. (2020). The role of youth jargon within the system of Russian language. *Litera*, 4, 37-45. EDN: BRFNVG. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2020.4.30799>
- Khislamutdinov, F. R., & Shalagin, A. E. (2015). Kriminal'naiia subkul'tura i ee pre-duprezhdenie. *Bulletin of the Kazan law institute of MIA of Russia*, 2, 46-52. EDN: TVQXIH.
- Shalagin, A. E. (2016). The criminal environment and its social danger. *Scientific notes of Kazan law institute of MIA of Russia*, 2, 136-141. EDN: YJAQFP.

Информация об авторах

Тонкова Елена Георгиевна – кандидат филологических наук, доцент, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6403-8345>;
ResearcherID: F-5141-2014
e-mail: eltonkova@yandex.ru

Ярыгина Елена Сергеевна – доктор филологических наук, профессор, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-3676-4748>;
e-mail: es1957@mail.ru

Поступила в редакцию 11.11.2023
Принята к публикации 18.12.2023
Опубликована 20.12.2023

Information about the authors

Elena G. Tonkova – Cand. Sci. (Phil.), associate professor, Mari State University, Yoshkar-Ola, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6403-8345>;
ResearcherID: F-5141-2014
e-mail: eltonkova@yandex.ru

Elena S. Yarygina – Dr. Sci. (Phil.), professor Mari State University, Yoshkar-Ola, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-3676-4748>;
e-mail: es1957@mail.ru

Received 11 November 2023
Accepted 18 December 2023
Published 20 December 2023

Обучение студентов английскому языку с использованием предметно-языковой CLIL-методики (на примере Республики Тыва)

<https://doi.org/10.31483/r-107666>

УДК 378.14.014.13

Иргит Ч. К.

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва

г. Кызыл, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0002-0268-6646>, e-mail: choirgit84@yandex.ru

Резюме. Работа посвящена обоснованию этнокультурной направленности обучения английскому языку студентов-билингвов Тувинского государственного университета как основы формирования межкультурной компетенции. Настоящий подход обусловлен усилением процессов интернационализации и взаимовлиянием полилингвокультурных социальных общностей в разных сферах жизнедеятельности, что ставит необходимость решения образовательных задач в широком социокультурном контексте и выработку системы образования с направленностью на соизучение языков и диалога культур. Достижение указанной цели возможно через освоение дисциплины «Traditional Tuvan culture: past and present». Она направлена на изучение тувинской культуры в разрезе истории и современности и предусматривает освоение этнокультурного материала студентами-филологами. В работе определяется цель дисциплины, культуроведческое содержание, планируемые компетенции, сформулированы принципы, заложенные в основу ее преподавания. Дисциплина основывается на применении инновационной предметно-интегрированной методики CLIL. Настоящая методика предусматривает изучение иностранного языка через содержание предмета. Сочетание этнокультурного компонента с обучением английскому языку создает потенциал не только для совершенствования навыков иноязычной коммуникативной компетенции, но и способствует формированию межкультурной компетенции обучающихся.

Ключевые слова: межкультурная компетенция, билингвизм, обучение английскому языку, Республика Тыва, этнокультурная направленность обучения, культура тувинцев, интегрированная предметно-языковая методика CLIL.

Для цитирования: Иргит Ч. К. Обучение студентов английскому языку с использованием предметно-языковой CLIL-методики (на примере Республики Тыва) // Этническая культура. 2023. Т. 5, №4. С. 60-67. DOI 10.31483/r-107666. EDN BQCQTF

Teaching English using the subject-language CLIL methodology (on the example of the Republic of Tuva)

Choduraa K. Irgit

Tuva Institute for Humanitarian and Applied Socio-Economic Research
Kyzyl, Russian Federation.
 <https://orcid.org/0000-0002-0268-6646>, e-mail: choirgit84@yandex.ru

Abstract. The purpose of this work is to substantiate the ethno-cultural orientation in teaching English among bilingual students of Tuva State University as the basis for the formation of intercultural competence. The strengthening of internationalization and mutual influence of polylinguocultural social communities in different spheres of life actualizes the question of the need to solve educational problems in a broad socio-cultural context and the dialogue of cultures. It is possible through a discipline in English, aimed at studying Tuva culture by students in the context of the past and the present. We have defined the purpose of the discipline, the content of cultural knowledge, the planned competencies as a result of studying the discipline by students, and also formulated principles. The discipline is based on the application of the innovative subject-integrated methodology CLIL, combining content and language. Its combination with the ethno-cultural component in teaching English creates the potential not only to improve the skills of foreign language communicative competence, but also contributes to the formation of intercultural competence of students.

Keywords: intercultural competence, bilingualism, English language teaching, ethno-cultural orientation of teaching, Tuva culture, Republic of Tuva, integrated subject-language methodology CLIL.

For citation: Irgit C. K. (2023). Teaching English using the subject-language CLIL methodology (on the example of the Republic of Tuva). *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 5(4), 60-67. EDN: BQCQTF. <https://doi.org/10.31483/r-107666>.

Введение

Глобальные трансформационные процессы, происходящие в мире, приводят к переоценке современных подходов и стандартов образования. Особое влияние на него оказывают усиление миграции и расширение национально-языкового состава населения многих стран. Данный процесс ведет к постановке вопроса о поиске новых путей мирного сосуществования и взаимодействия представителей разных этнических, языковых, религиозных и других

сообществ. В современных условиях актуальными становятся проблемы, связанные с этнокультурными различиями и вызванные тем, что воспитание и обучение осуществляются при постоянном межкультурном взаимодействии представителей различных этносов. При этом направляющим вектором общественного развития признаются интеграция и интернационализация, которые придают современному образованию открытость. Данные процессы имеют противоречивый характер. С одной стороны,

они предоставляют широкие возможности и пути для непрерывного образования личности, с другой – в ходе усвоения общеустановленных стандартов образования чреваты этническим «обезличиванием». Поэтому существенные изменения, вызванные усилением взаимовлияния полилингвокультурных социальных групп, обуславливают необходимость постановки образовательных задач в широком социокультурном контексте и выработку концепции образования с направленностью на соизучение языков и диалога культур. Обращение к этнокультурному компоненту при обучении иностранным языкам становится основой формирования межкультурной компетенции обучающихся.

Анализ публикаций о реализации этнокультурного компонента в системе образования Республики Тыва показывает, что он внедряется в преподавание различных школьных предметов (см.: Самбуу, Дапылдай, Самбуу, 2016; Тюлюш, Дартан-оол, Сат, Куулар, 2019; Шаалы, Чыыпай, 2021). Многолетние научные этнопедагогические исследования, включая вопросы об этнокультурном содержании образования в республике, осуществляются А. С. Шаалы [Шаалы, 2004, 2021]. Научные изыскания в области преподавания иностранных языков в Тыве на разных уровнях образования в основном ориентированы на изучение проблем билингвизма и интерференции. Эти языковые явления влияют на процесс усвоения обучающимися-тувинцами третьего языка – иностранного [Байкалова, 2016; Кулундарий, 2017; Донгак, 2019; Ондар, 2019]. Исходя из изложенного выше и в связи с усилением регионализма в современной общественной и культурной жизни республики, мы считаем при обучении иностранным языкам особенно актуальным расширение исследований и практик в области реализации этнокультурного образования в Тыве. Особенно такую практику следует расширить в системе высшего образования. Важно и необходимо изучить и теоретически осмыслить данный опыт в научных и педагогических целях.

Цель данной работы заключается в обосновании необходимости разработки этнокультурной направленности обучения английскому языку студентов Тувинского государственного университета в целях формирования у них межкультурной компетенции.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужило содержание разрабатываемой дисциплины «Traditional Tuvan culture: past and present». В работе также привлекаются источники по географии, этнографии, истории и культурологии Тывы.

Методологической основой исследования послужили этнопедагогические идеи [Волков, 2009; Шаалы, 2004; Шаалы, 2021], личностно-деятельностный¹, компетентностный [Бим, 2007; Зимняя, 2003; Зимняя, 2006; Хуторской, 2017],

¹ Зимняя И. А. Педагогическая психология : учебник для вузов. 3-е издание, пересмотренное. Москва : Издательство Московского психолого-социального института ; Воронеж : МОДЭК, 2010. 448 с.

культуроведческий [Верещагин, Костомаров, 1980; Сафонова, 1991, 1996; Byram, Morgan, 1994]² подходы в преподавании языков, а также принципы билингвального предметно-языкового интегрированного обучения CLIL [Coyle, Hood, Marsh, 2010; Coyle, 2014; Kovacs, 2014; Кудряшова, 2021; Салехова, 2022].

С помощью методов теоретического анализа и синтеза автором исследуются труды, в которых представлена практика лингвистического образования в условиях обучения тувинцев-билингвов в образовательных организациях Тывы [Байкалова, Монгуш, 2016; Байкалова, 2016; Кулундарий, 2017; Донгак, 2019; Ондар, 2019]. Кроме того, в работе анализируется литература о соотношении билингвального и предметно-языкового CLIL-обучения [Салехова, Шакирова, 2022], исследуются публикации о сущности, содержании и роли CLIL в учебном процессе, моделях построения и практиках применения в российских образовательных учреждениях [Баранова, Кобичева, Токарева 2019; Кудряшова, 2021; Миронова, 2023; Салехова, Данилов, 2015; Салехова, Шакирова, 2022; Сидоренко, Рыбушкина, Розанова, 2018; Юрасова, Горбачева, 2015; Salekhova, Danilov, Zaripova, Grigorieva, Malancheva, 2021], также изучаются работы о CLIL в практиках зарубежной системы образования [Coyle, 2007, 2014; Kovacs, 2014; Coyle, Hood, Marsh, 2010].

Результаты исследования и их обсуждение

С конца XX в. в национальных регионах Российской Федерации актуализируется вопрос о поликультурном образовании. Новую возрастающую потребность в системе образования связывают с повышением роли этнической культуры и родного языка в обучении. Она была обусловлена повышением этнического самосознания народов в ходе изменения политической и социально-экономической реальности. Процесс поликультурализации образования в начале XXI в. также усиливается взаимовлиянием поликультурных и полилингвальных социальных групп. Он сформировал на региональном уровне тенденцию преподавания учебных дисциплин в этнокультурном контексте, включая и языковое образование. Как отмечает А. А. Корякина, языковое поликультурное образование в этнорегиональном контексте рассматривается как процесс овладения знаниями об этнокультурном разнообразии окружающего мира стран соизучаемых языков и о взаимоотношениях между культурами в современном поликультурном мире посредством полилога культур [Корякина, 2017]. Наиболее соответствует ситуации в России в контексте мировых интеграционных процессов социокультурный подход к двуязычному образованию, основанный на парадигме «культура – цель, язык – средство» [Салехова, 2008,

² См. также: Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация : учебное пособие для студентов, аспирантов и соискателей по специальности «Лингвистика и межкультурная коммуникация». Москва : Слово / Slovo, 2000. 262 с.; Елизарова Г.В. Культура и обучение иностранным языкам : учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Санкт-Петербург : КАРО, 2005. 352 с.

с. 90]. Взаимосвязь и взаимообусловленность языка и культуры наиболее полно раскрывается при обучении иностранным языкам, и потому в образовательных организациях изменяются и внедряются новые подходы к их обучению. Они ориентированы на развитие коммуникативной и межкультурной компетенции обучающихся, связаны с соизучением языков и культур как страны изучаемого иностранного языка, так и родного края. Приобщение к этнической культуре посредством изучения иностранного языка закладывает большой потенциал для формирования толерантной и эмпатийной личности обучающегося.

В российском образовании принята и утверждена цель, направленная на формирование иноязычной коммуникативной компетенции обучающегося. Обучение с указанной целью ориентировано на становление языковой личности, готовой к реальному общению с представителями двух или более лингвокультур в учебной, профессиональной и повседневной-бытовой сферах. Она способствует также формированию качеств, необходимых для обеспечения эффективной коммуникации. Как отмечает Г. В. Елизарова, эффективность общения выражается в достижении взаимовыгодных результатов, что в свою очередь возможно при учете культурного компонента коммуникации³. Поэтому подготовка к межкультурному общению в языковом образовании должна осуществляться в процессе соизучения всех дидактически сопряженных языков и культур по принципу расширяющегося круга культур – от этнических до общепланетарного масштаба мировой культуры [Сафонова, 2014, с. 128]. Следовательно, этнокультурное обучение английскому языку соответствует практическим задачам по овладению иностранным языком. Исходя из этого считаем возможным преподавание дисциплины этнокультурной направленности в рамках вариативной части образовательной программы студентам направления подготовки 44.03.05 Педагогическое образование с профилями «Родной язык, литература» и «Иностранный язык» филологического факультета Тувинского государственного университета. В нее включены темы о республике, ее национальных праздниках, традициях и обычаях, выдающихся личностях, что позволяет студентам изучить материал в сравнительном аспекте, включая знания о стране осваиваемого третьего иностранного языка.

В данной работе мы представляем опыт разработки дисциплины «Traditional Tuvan culture: past and present». Он осуществлен на базе учебно-научной лаборатории «Лингва Терра» кафедры иностранных языков филологического факультета Тувинского государственного университета. В ходе исследовательской работы решалась задача по обоснованию дисциплины, определения этнокультурного содержания при обучении английскому языку студентам, постановки ее цели, определялось место и роль данной дисциплины,

³ Елизарова Г. В. Культура и обучение иностранным языкам : учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Санкт-Петербург : КАРО, 2005. 352 с.

развиваемые компетенции, соответствующие направлению подготовки.

Цель освоения дисциплины «Traditional Tuvan culture: past and present» – изучение и расширение знаний в области культуры и традиций тувинцев, а также стран изучаемого языка с целью формирования иноязычной коммуникативной и межкультурной компетенций, способности понимать и интерпретировать особенности собственной национальной, тувинской культуры. Данная цель достигается с учетом взаимодействия таких составляющих ее элементов, как речевая, лингвистическая, социокультурная, компенсаторная, метапредметная, прагматическая компетенций, направленных на развитие общей иноязычной коммуникативной компетенции.

В содержание дисциплины включены знания о регионе, а также умения и навыки для выстраивания речевого общения. Они составляют сущность межкультурной коммуникации и обеспечивают способность и готовность к продуктивному лингвокультурному взаимодействию. Эти знания выражены в следующих темах: «Географическое положение и климат Тывы» («Geographical location and climate of Tuva»), «История Республики Тыва» («The history of Tuva»), «Экономика республики» («Economy of Tuva»), «Кызыл и его культурные достопримечательности» («Walking in Kyzyl»), «Религия в Тыве» («Religions in Tuva: history and modernity»), «Музыкальные традиции» («In the world of Tuvan music»), «Тувинская кухня» («Traditional Tuvan cuisine»), «Тувинский костюм» («Tuvan costume: in the past and present»), «Традиционная экологическая культура тувинцев и современные экологические проблемы» и др.

При этом культуроведческая информация не ограничивается только знаниями о культуре, традициях тувинцев, а наполняется сравнительными сведениями о России, а также стран изучаемого языка. Это необходимо для уточнения представлений студентов об особенностях культурного развития Республики Тыва как субъекта Российской Федерации. Важно также формирование толерантности студентов к ее народам. Расширение знаний об образе и стилях жизни людей в современном тувинском, российском обществах в сопоставлении с британским и американским необходимо, чтобы студенты-билингвы могли представить и осознать себя равноправными и равноценными представителями мирового социокультурного пространства.

На лексическом уровне языковой материал включает лексические единицы, имеющие этнокультурное значение. Согласно лингвострановедческой теории слова, интерес представляют понятия, не имеющие соответствия в сопоставляемом русском или иностранном языке из-за отсутствия самих обозначаемых предметов и явлений. Они называются реалиями. Можно также выделить фоновую лексику, т. е. слова, различающиеся своими фонами из-за несовпадения отдельных семантических компонентов. К примеру, по теме «В мире тувинской музыки» («In the world of Tuvan music») к фоновой лексике от-

носим понятие *throat singing*, т. е. горловое пение, или на тувинском языке *хоомейлээр*. Кроме этого, выделяем такие не имеющие аналогов в русском и английском языках реалии, как *хоомей / khoomei, борбаннадыр / borbangnadyr, sygyt / сыгым, kargyраа / каргыраа, эзенгилээр / ezengileer*. Они являются стилями тувинского горлового пения и называются безэквивалентными лексическими единицами. При освоении лексического материала для объяснения тувинских реалий и фоновой лексики и их корректного употребления в создаваемых речевых ситуациях фокус акцентируется на отборе и систематизации лексических единиц английского и русского языков.

Кроме того, считаем важным уделить внимание вопросу передачи на английский язык особенностей русских и тувинских собственных имен. К ним отнесем географические названия, имена выдающихся личностей, деятелей науки, культуры, спорта и политики Тывы, названия культурно-исторических памятников, произведений искусства, вошедших в фонд мировой науки и культуры. Изучение особенностей традиционной культуры дает возможность и к соизучению родного языка. Это выражается в специфической лексике элементов материальной и духовной культуры этноса, которую зачастую невозможно дословно перевести на иностранный язык. Тем самым создается условие для полилингвизма обучающихся – использования ими английского, русского и тувинского языков.

В грамматике английского языка особую сложность для тувинских обучающихся вызывает показатель определенности-неопределенности, выраженный в артиклях. Они отсутствуют как в русском, так и в тувинском языках. Данная тема повторяется при изучении географических особенностей Республики Тыва, и затрагивается в изучении семейных традиций. Краткий экскурс в историю Тывы изучается на основе повторения времени *past simple*. Так как из элементов традиционной культуры наиболее дольше сохраняется национальная кухня, то в рамках данной темы повторяются грамматические правила времени *present simple*. В целом грамматическая составляющая языкового материала затрагивает конструкции, в которых прослеживается влияние культурных ценностей, в том числе ограничение употребления повелительных конструкций, модальных глаголов долженствования.

В результате изучения дисциплины студент должен выражать способность и готовность знать систему и структуру английского языка и правила его функционирования в процессе межкультурной коммуникации, лексику и выражения, предусмотренные этнокультурной тематикой дисциплины. Он должен овладеть навыками устной и письменной речи, техникой запоминания новых лексических единиц для пополнения словарного запаса и для применения этих знаний в специально создаваемых учебных ситуациях и в реальных условиях повседневной жизни, что выражает сформированность иноязычной коммуникативной компетенции; уметь пользоваться языковыми средствами для создания грамматически,

лексически и фонологически правильных высказываний на английском языке, организовывать свое речевое и неречевое поведение в соответствии с задачами общения; распознавать информацию из различных типов источников, воспринимать аутентичные аудио- и видеоматериалы, анализируя и создавая на их основе монологическую и диалогическую речь. Вместе с тем студент обязан уметь обсуждать и интерпретировать употребляемые специфические лексические единицы (реалии) на изучаемом языке; догадываться по контексту о значении выраженных имплицитно незнакомых слов; представлять и передавать информацию об особенностях культуры Республики Тыва в англоязычной среде.

По окончании преподавания дисциплины предполагается сформировать следующие универсальные компетенции (УК) обучающихся: 1) способность осуществлять коммуникацию в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия (УК-4); 2) способность управлять своим временем, выстраивать и реализовывать траекторию саморазвития на основе принципов самообразования в течение всей жизни (УК-6).

Особенностью обучения английскому языку на всех уровнях образования в Республике Тыва является его осуществление в условиях тувинско-русского билингвизма. Поэтому при формировании фонетических, лексических и грамматических навыков обучающихся следует учитывать взаимодействие трех языков – тувинского, русского и английского. Подходящим для преподавания дисциплины является билингвальная предметно-языковая интегрированная CLIL-методика. Она получает широкое применение в российской системе высшего образования. Об этом свидетельствуют соответствующие публикации [Баранова, Кобичева, Токарева, 2019; Кудряшова, 2021; Миронова, 2023; Салехова, Данилов, 2015; Салехова, Шахирова, 2022; Сидоренко, Рыбушкина, Розанова, 2018].

Методическим термином CLIL (*Content and language intergrated learning*), характеризуют обучающую методику, сосредоточенную в двух направлениях. С одной стороны, преподавание и изучение содержания учебных неязыковых предметов или части этих предметов осуществляется с использованием иностранного языка как средства обучения, с другой – через обучение неязыковым предметам на иностранном языке. Методика была предложена Д. Маршем в 2005 г. как общий термин для обозначения различных методик двустороннего характера, в которых внимание уделялось содержанию и изучаемому языку [Kovacs, 2014, с. 48–49].

Использование системы обучения на базе данной методики, предполагает учет и интеграцию так называемых четырех C – компонентов, начинающихся с буквы c на английском языке: *content* (предметное содержание), *communication* (общение, коммуникация), *cognition* (умственные способности, познание), *culture* (культурологические знания). Их называют *4c-framework*. Под ним подразумевается объединение

предметного содержания и языка в рамках определенного контекста и ситуации. Тем самым определяется взаимодействие указанных компонентов на занятии [Салехова, Шакирова, 2022, с. 49–50; Миронова, 2023, с. 421–422]. Каждый компонент характеризуется следующим смыслом:

1) под термином *content* подразумевается предмет (или тема) учебной дисциплины. В нашем исследовании им становится элективный курс «Tuvan culture: history and modernity». *Content* обеспечивает реализацию содержательного аспекта посредством приобретения обучающимися знаний. Активизация процесса обучения происходит через предметное содержание, связанное с развитием навыков в сфере иноязычной коммуникации;

2) компонент *communication* выражается через язык, которым овладевают обучающиеся и с помощью которого усваивается предметное содержание, включающее как общие слова, выражения и конструкции, так и специфические безэквивалентные лексические единицы. Средством общения при построении обучения выступает английский язык, в котором используются разнообразные коммуникативные задания для совершенствования навыков устной и письменной речи;

3) компонент *cognition* от обучающихся требует двойной концентрации внимания как на изучаемом языке, так и на содержательной части. Посредством использования на занятиях заданий, направленных на определение главного, сопоставление, догадку, нахождение причинно-следственных связей, изучения текстов для критического и аналитического чтения, у обучающихся развиваются мыслительные навыки;

4) компонент *culture* содержит культурологические знания, применение которых в жизни помогают взаимодействовать с социокультурным окружением. Усваивая безэквивалентную и фоновую лексику, связанную с тувинской культурой и переводимую на английский язык, обучающиеся приходят к пониманию особенностей собственной тувинской и иноязычной культуры, своего места и роли в них, к важности позитивного отношения к другим культурам. Эти знания, предполагающие осознание схожестей и отличий, специфику отдельных культур, составляют содержательную основу CLIL-методики. В процессе обучения студенты усваивают их для формирования межкультурной компетенции, необходимой для построения успешной и адекватной межкультурной коммуникации.

Специфика CLIL-методики заключается в том, что знание языка становится инструментом изучения содержания предмета. При этом внимание акцентируется на содержании. Язык интегрирован в программу обучения, необходимость погружения в языковую среду для возможности обсуждения тематического материала значительно повышает мотивацию использования языка в контексте изучаемой темы [Юрасова, Горбачева, 2015, с. 360].

Немаловажную роль в преподавании дисциплины с этнокультурной направленностью имеют принципы обучения, являющиеся основой построения

образовательного процесса. Учитывая опыт обучения английскому языку в условиях тувинско-русского билингвизма [Байкалова, Монгуш, 2016, с. 120] и реализацию курса с этнокультурной направленностью [Орлова, 2010, с. 59–60], а также исходя из методологических основ билингвального предметно-языкового обучения CLIL [Кудряшова, 2021, с. 41; Салехова, Шакирова, 2022, с. 57] нами определены следующие принципы, положенные в основу преподавания данной дисциплины:

1) принцип коммуникативной направленности обучения, который связан с необходимостью обеспечения обучающимся общения и говорения на английском языке на всех этапах преподавания дисциплины;

2) принцип наглядности, предполагающий использование языкового и экстралингвистического материала во время занятий для лучшего понимания, усвоения и его использования в речевой деятельности. Данный подход позволит моделировать фрагменты объективной этнокультурной действительности, используя такие средства наглядности, как предметы, фотографии, жесты и движения, видео- и аудиофрагменты и т. п. Они в процессе осуществления учебного и межкультурного взаимодействия у обучающихся ассоциируются с соответствующими явлениями и объектами;

3) принцип межпредметности, выражающийся в том, что содержательно дисциплина с этнокультурной направленностью опирается на сведения таких предметных областей, как история, этнография, география Тывы, родной язык и литература, культурология и др.;

4) принцип трилингвизма, т. е. культурно-связанного соизучения английского, русского и тувинского языков. Он основан на стабильном, живом и длительном общении обучающихся на английском языке в целях формирования устойчивых и привычных основ коммуникативных навыков;

5) принцип познавательно-деятельностной направленности, который связан с активной и осознанной речемыслительной деятельностью обучающихся для решения коммуникативных задач различных типов. Принцип также предполагает овладение правилами поведения в жизненных ситуациях, требующих навыков межкультурного общения. Учащиеся выступают в роли исследователей в процессе поиска, осмысления и сопоставления информации о своей республике и странах изучаемого языка;

6) принцип контрастивности, выражающийся в возможности сопоставить тувинскую культуру с культурой стран изучаемого языка, выделить различия между ними. Учет принципа контрастивности становится особенно важным, так как восприятие и оценка нового материала происходит с позиций родной культуры. Осознание инаковости некоторых элементов культуры важно для избежания экстраполяции собственных культурных представлений на сравнимую иноязычную культуру;

7) принцип эмпатии, который направлен на формирование способности понимания особенностей

и сопереживания представителю иноязычной культурной среды. Это необходимое качество языковой толерантной личности.

Таким образом, этнокультурная направленность образования в настоящее время особенно актуализируется на фоне интегративных процессов полилингвокультурных общностей в глобальные процессы. Она выражает потребность социальных индивидов в изучении своих культурных особенностей как средство сохранения этнической самоидентификации. Поэтому считаем необходимым теоретическую разработку и практическую реализацию дисциплины с этнокультурным содержанием при обучении английскому языку признать в качестве средства формирования межкультурной компетенции студентов. Учитывая цель и специфику содержания дисциплины «Traditional Tuvan culture: past and present», укажем, что она создается для мотивирования обучающихся к изучению этнической культуры. К тому же она может дополнить и расширить знания к основному модулю по практическому курсу английского языка. Глубокое изучение собственной культуры особенно в сочетании с английским языком как инструмента ее соизучения, позволяет лучше ее понять, стимулирует ее сохранение и развитие в условиях меняющихся социокультурных вызовов. Данный подход способствует эффективной социализации обучающихся в полилингвокультурном пространстве.

Выводы

Благодаря включению в процесс обучения английскому языку содержания образования с этнокультурной направленностью создается условие для выстраивания социокультурного контекста развития личности. Изучение дисциплины «Traditional Tuvan culture: Past and Present» основано на применении одной из инновационных CLIL-методик преподавания иностранных языков. Преподавание курса способствует формированию и расширению знаний обучающихся о культурном своеобразии Республики Тыва как субъекта Российской Федерации в прошлом и современных условиях в сопоставлении с британскими и американскими реалиями. Исходя из личностной позиции и системы ценностей, обучающиеся приходят к осознанию и стремлению к большему изучению культуры своего народа для глубокого понимания, уважения к историческому и культурному наследию Тывы. Через единство языковой, речевой, социокультурной, компенсаторной и учебнопознавательной компетенций совершенствуется иноязычная коммуникативная компетенция студентов. Она выражается в способности представлять культуру Тывы в англоязычной среде с тем, чтобы уметь презентовать ее представителям других стран для расширения межкультурного опыта и построения конструктивного диалога культур.

Список литературы

- Байкалова Е. Д., Монгуш Д. Ш. Принципы обучения английскому языку в условиях тувинско-русского билингвизма (из опыта работы научной школы изучения английского языка *Kuzyl Summer camp*) // Материалы ежегодной научно-практической конференции преподавателей, сотрудников и аспирантов ТувГУ, посвященные 65-летию юбилею высшего педагогического образования в Туве и 95-летию становлению Тувинской народной республики. Кызыл, 2016. Выпуск 13. С. 120–121. EDN: [YKYCFE](#)
- Обучение иностранному языку в условиях многоязычия / Е. Д. Байкалова, О. О. Чыпсымаа, М. К. О. Артына [и др.]. – Кызыл : Тувинский государственный университет, 2016. – 131 с. – ISBN 978-5-91178-135-4. – EDN [YOIMBP](#).
- Баранова Т. А., Кобичева А. М., Токарева Е. Ю. Эффективность использования CLIL-обучения на примере дисциплин гуманитарной направленности // Современные проблемы науки и образования. 2019. № 1. Текст : электронный. URL : <https://science-education.ru/ru/article/view?id=28509> (дата обращения : 02.08.2023). EDN: [YYHRZZ](#)
- Бим И. Л. Компетентностный подход к образованию и обучению иностранным языкам // Компетенции в образовании: опыт проектирования. Москва, 2007. С. 153–163.
- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. Москва : Русский язык, 1980. 320 с. EDN [PGWRSR](#)
- Волков Г. Н. Этнопедагогическая пансофония : монография. Элиста, 2009. 576 с.
- Донгак Ч. Б. Обучение лексике английского языка детей в условиях русско-тувинского билингвизма // Вестник Тувинского государственного университета. Педагогические науки. 2019. № 2. С. 33–38. DOI: [10.24411/2221-0458-2019-10005](#) EDN: [JQMHO](#)
- Зимняя И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результатов образования // Высшее образование сегодня. 2003. № 5. С. 34–42. EDN: [HTKIYL](#)
- Зимняя И. А. Компетентностный подход. Каково его место в системе современных подходов к проблемам образования (теоретико-методологический аспект) // Высшее образование сегодня. 2006. № 8. С. 20–26. EDN: [SEOLAH](#)
- Корякина А. А. Языковое поликультурное образование в этно-региональном контексте // Мир науки. 2017. Том 5, № 1. Текст : электронный. URL : <http://mir-nauki.com/PDF/32PDMN117.pdf> (дата обращения : 06.05.2023). EDN: [YMSJJH](#)
- Кудряшова А. В. CLIL в российском высшем образовании: копирование зарубежного опыта или его адаптация под российские реалии // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2021. № 1. С. 39–45. DOI: [10.18323/2221-5662-2021-1-39-45](#) EDN: [WTUQHX](#)
- Кулундарий В. В. Процесс освоения английского языка как третьего тувинско-русскими обучающимися-билингвами: экспериментальные данные // Иноязычное образование в довузовских образовательных организациях Министерства обороны Российской Федерации: традиции и инновации. Москва, 2017. С. 404–409. EDN: [TANCLF](#)

Миронова И. Н. Преимущества предметно-языкового интегрированного обучения CLIL в процессе формирования иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции // Педагогический журнал. 2023. Том. 13, № 1-1. С. 419–426. DOI: [10.34670/AR.2023.70.98.049](https://doi.org/10.34670/AR.2023.70.98.049) EDN: [ANDZCQ](#)

Орлова Е. С. Элективный курс региональной направленности «Buryatia Inside Out» в филологическом классе профильной школы // Иностранные языки в школе. 2010. № 9. С. 57–61. EDN: [MWBTVT](#)

Салехова Л. Л., Данилов А. В. CLIL-интегрированное предметно-языковое обучение: концептуальная идея, преимущества, модели // Казанская наука. 2015. № 12. С. 226–229. EDN: [VKISFH](#)

Салехова Л. Л. Развитие двуязычного образования средствами русского и иностранного языков в России (1947–2007 гг.) // Казанский педагогический журнал. 2008. № 1. С. 90–96. EDN: [KHNRAH](#)

Салехова Л. Л., Шакирова Д. М. Билингвальное обучение и двуязычие для развития мышления и коммуникаций. Казань, 2022. № 2. 122 с.

Самбуу А. Д., Дапылдай А. Б., Самбуу Н. Н. Реализация национально-регионального компонента в школьной географии // География Тувы: образование и наука. Кызыл, 2016. С. 133–135. EDN: [XWPSFB](#)

Сафонова В. В. Соизучение языков и культур в зеркале мировых тенденций современного языкового образования // Язык и культура. 2014. № 1. С. 123–141. EDN: [RZRKTV](#)

Сидоренко Т. В., Рыбушкина С. В., Розанова Я. В. CLIL-практики в Томском политехническом университете: успехи и неудачи // Образование и наука. 2018. Том 20, № 8. С. 164–187. DOI: [10.17853/1994-5639-2018-8-164-187](https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-8-164-187). EDN [YMQWJN](#)

Тюлюш М. К., Дартан-оол А. Д., Сат С. К., Куулар Д. О. Использование регионального материала при обучении информатике в школах Республики Тыва // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2019. № 4. С. 123–126. DOI: [10.36809/2309-9380-2019-25-123-126](https://doi.org/10.36809/2309-9380-2019-25-123-126). EDN [AMDUJY](#)

Хуторской А. В. Методологические основания применения компетентностного подхода к проектированию образования // Высшее образование в России. 2017. № 12. С. 85–91. EDN: [ZXJGHJ](#)

Шаалы А. С. Чыыпай Ч. К. Этнокультурная составляющая содержания воспитания в изучении родного (тувинского) языка // Преподавание родных языков в современных условиях: эффективные методики и технологии. Улан-Удэ, 2021. С. 54–59. DOI: [10.18101/978-5-9793-1591-1-54-59](https://doi.org/10.18101/978-5-9793-1591-1-54-59) EDN: [PKLFPW](#)

Шаалы А. С. Этнокультурная направленность содержания образования в Республике Тыва // Сибирский педагогический журнал. Науки об образовании. 2004. № 3. С. 175–180. EDN: [PLUICX](#)

Юрасова Е. С., Горбачева Е. А. CLIL технология на уроках английского языка // Царскосельские чтения. 2015. № 19. С. 359–362. EDN: [UKDDYT](#)

Byram M., Morgan C. Teaching-and-Learning language-and-culture. Clevedon Multilingual Matters, 1994. 219 p.

Coyle D. Content and language integrated learning: Towards a connected research agenda for CLIL pedagogies // International journal of bilingual education and bilingualism. 2007. Volume 10. № 5. P. 543–562.

Coyle D., Hood P., Marsh D. CLIL: Content and language intergrated learning. Cambridge : CUP, 2010. 173 p.

Coyle D. CLIL – a pedagogical approach from the European perspective // Encyclopedia of language and education. Boston : Springer. 2014. P. 97–111. DOI: https://doi.org/10.1007/978-0-387-30424-3_92

Kovacs J. CLIL – early competence in two languages // The world at their feet: Children’s early competence in two languages through education. Budapest : Eotvos Jozsef konyvkialado, 2014. P. 15–97.

Salekhova L., Danilov A., Zaripova R., Grigorieva K., Malancheva O. Pre-service teachers’ motivation and attitude towards bilingual education at Kazan Federal University, Russia // 15th annual international technology, education and development conference. Kazan, 2021. P. 3005–3014.

References

Baikalova, E. D., & Mongush, D. Sh. (2016). Principles of teaching English in the conditions of Tuvan-Russian bilingualism (from the experience of the scientific school of English language learning Kyzyl Summer camp). *Materialy ezhegodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii prepodavatelei, sotrudnikov i aspirantov TuvGU, posviashchennye 65-letnemu iubileiu vysshego pedagogicheskogo obrazovaniia v Tuve i 95-letnemu stanovleniiu Tuvinskoii narodnoi respublikii*, k13. EDN: [YKYCEF](#).

Baikalova, E. D., Chypsymaa, O. O., & Artyna, K. O. (2016). Teaching a foreign language in conditions of multilingualism: a monograph, 131. Kyzyl: Tuvinskii gosudarstvennyi universitet. EDN: [YOIMBP](#).

Baranova, T. A., Kobicheva, A. M., & Tokareva, E. Iu. (2019). The effectiveness of using CLIL-training on the example of humanitarian disciplines. *Modern problems of science and education, 1*. EDN: [YYHRZZ](#). <https://science-education.ru/ru/article/view?id=28509>

Bim, I. L. (2007). Competence-based approach to education and teaching foreign languages. *Kompetentsii v obrazovanii: opyt proektirovaniia*, 153-163.

Vereshchagin, E. M., & Kostomarov, V. G. (1980). Linguistic and cultural theory of the word., 320. Moskva: Russkii iazyk. EDN: [PGWRSR](#).

Volkov, G. N. (2009). Ethnopedagogical pansophy., 576. Elista.

Dongak, Ch. B. (2019). Teaching English vocabulary to children in the conditions of Russian-Tuvan bilingualism. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2, 33-38. EDN: [JQMHIQ](#). <https://doi.org/10.24411/2221-0458-2019-10005>

Zimniaia, I. A. (2003). Key competencies – a new paradigm of educational outcomes. *Higher Education Today* , 5, 34-42. EDN: [SMMBFV](#).

Zimniaia, I. A. (2006). Competence approach. What is its place in the system of modern approaches to the problems of education (theoretical and methodological aspect). *Higher Education Today* , 8, 20-26. EDN: [SEOLAH](#).

- Koriakina, A. A. (2017). Linguistic multicultural education in the ethno-regional context. *World of Science. Pedagogy and Psychology*, 5(1). EDN: YMSJJH. <http://mir-nauki.com/PDF/32PDMN117.pdf>
- Kudriashova, A. V. (2021). CLIL in Russian higher education: copying foreign experience or adapting it to Russian realities. *Science vector of togliatti state university. Series: pedagogy, psychology*, 1, 39-45. EDN: WTUQHX. <https://doi.org/10.18323/2221-5662-2021-1-39-45>
- Kulundarii, V. V. (2017). The process of mastering English as a third language by Tuvan-Russian bilingual students: experimental data. *Inoiazychnoe obrazovanie v dovozovskikh obrazovatel'nykh organizatsiakh Ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii: traditsii i innovatsii*, 404-409. EDN: TAHCLF.
- Mironova, I. N. (2023). Advantages of subject-language integrated learning CLIL in the process of formation of foreign-language professional communicative competence. *Pedagogical Journal*, 13(1-1), 419-426. EDN: ANDZCQ. <https://doi.org/10.34670/AR.2023.70.98.049>
- Orlova, E. S. (2010). Elective course of regional orientation "Buryatia Inside Out" in the philological class of the profile school. *Foreign languages at school*, 9, 57-61. EDN: MWBTBT.
- Salekhova, L. L., & Danilov, A. V. (2015). CLIL – integrated subject-language learning: conceptual idea, advantages, models. *Kazan science*, 12, 226-229. EDN: VKISFH.
- Salekhova, L. L. (2008). Development of bilingual education by means of Russian and foreign languages in Russia (1947-2007). *Kazan pedagogical journal*, 1, 90-96. EDN: KHNRAH.
- Salekhova, L. L., & Shakirova, D. M. (2022). Bilingual education and bilingualism for the development of thinking and communication., 2(11), 122. Kazan'.
- Sambuu, A. D., Dapyldai, A. B., & Sambuu, N. N. (2016). Implementation of the national-regional component in school geography. *Geografiya Tyvy: obrazovanie i nauka*, 133-135. EDN: XWPSFB.
- Safonova, V. V. (2014). Co-study of languages and cultures in the mirror of global trends in modern language education. *Language and culture*, 1, 123-141. EDN: RZRKTV.
- Sidorenko, T. V., Rybushkina, S. V., & Rozanova, Ia. V. (2018). CLIL-practices at Tomsk Polytechnic University: successes and failures. *Education and science journal*, 20(8), 164-187. EDN: YMQWJN. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-8-164-187>
- Tiuliush, M. K., Sat, S. K., Kuular, D. O., & Dartan-ool, A. D.. (2019). The usage of regional material in teaching computer science in schools of the Republic of Tyva. *Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research*, 4, 123-126. EDN: AMDUJY. <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2019-25-123-126>
- Khutorskoi, A. V. (2017). Methodological grounds for the application of a competence-based approach to the design of education. *Higher education in Russia*, 12, 85-91. EDN: ZXJGHJ.
- Shaaly, A. S., & Chyypai, Ch. K. (2021). The ethno-cultural component of the content of education in the study of the native (Tuvan) language. *Teaching native languages in the current context: effective technological and methodological approaches*, 54-59. EDN: PKLFPW. <https://doi.org/10.18101/978-5-9793-1591-1-54-59>
- Shaaly, A. S. (2004). Ethno-cultural orientation of the content of education in the Republic of Tyva. *Siberian pedagogical journal*, 3, 175-180. EDN: PLUICX.
- Iurasova, E. S., & Gorbacheva, E. A. (2015). CLIL technology in English lessons. *Tsarskosel'skie chteniia*, 19, 359-362. EDN: UKDDYT.
- Byram, M., & Morgan, C. (1994). *Teaching-and-Learning language-and-culture*. Clevedon Multilingual 219 p. Matters.
- Coyle, D. (2007). Content and language integrated learning: Towards a connected research agenda for CLIL pedagogies. *International journal of bilingual education and bilingualism*, ume 10(5), 543-562.
- Coyle, D., Hood, P., & Marsh, D. (2010). *CLIL: Content and language intergrated learning*. 173 p. Cambridge: CUP.
- Coyle, D. (2014). CLIL. *Encyclopedia of language and education*, 97-111. https://doi.org/10.1007/978-0-387-30424-3_92
- Kovacs, J. (2014). CLIL. *The world at their feet: Children's early competence in two languages through education*, 15-97.
- Salekhova, L., Danilov, A., Zaripova, R., Grigorieva, K., & Malancheva, O. (2021). Pre-service teachers' motivation and attitude towards bilingual education at Kazan Federal University, Russia. *15th annual international technology, education and development conference*, 3005-3014.

Информация об авторе

Иргит Чодураа Константиновна – кандидат исторических наук, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, г. Кызыл, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0268-6646>;
e-mail: choirgit84@yandex.ru

Information about the author

Choduraa K. Irgit – Cand. Sci. (Hist.), Tuva Institute for Humanitarian and Applied Socio-Economic Research, Kyzyl, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0268-6646>;
e-mail: choirgit84@yandex.ru

Поступила в редакцию 07.08.2023
Принята к публикации 13.11.2023
Опубликована 19.12.2023

Received 07 August 2023
Accepted 13 November 2023
Published 19 December 2023

Учебник иностранного языка как семиотический феномен (на материале линейки учебников «English File»)

<https://doi.org/10.31483/r-108013>

УДК 81'22 + 81'42

Чикина Е. Е.^{1,a}, Аверина В. А.^{1,b}¹Педагогический институт Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых г. Владимир, Российская Федерация.^a <https://orcid.org/0000-0003-3000-7804>, e-mail: despoyna@mail.ru^b <https://orcid.org/0009-0002-7454-9605>, e-mail: v0averina@yandex.ru

Резюме. Целью данной работы является семиотический анализ учебника иностранного языка как семиотического феномена, отражающего когнитивные установки его авторов и направленного на формирование не только внешних, но и глубинных слоев языковой личности обучающегося, отвечающие за мотивацию, интенции и установки. В качестве материала для анализа берется популярная линейка EFL-учебников английского языка «English File» британских авторов Кр. Латхам-Кoenиг и К. Оксендена. Научная новизна работы заключается в том, что впервые учебник иностранного языка рассматривается не как учебно-методический текст, а как альтернативная реальность, динамический сложный знак, подобный дискурсивному пространству художественного произведения. Исследование проводится путем применения к поликодовым текстам EF-учебников методов контекстного, когнитивно-прагматического анализов, а также интерпретационного метода. Авторы приходят к выводу, что семиотический комплекс EF-учебников проявляет черты воспитательного романа художественной литературы, где обучающийся принимает на себя функцию сказочного героя, действуя в пространстве англоязычных культурных мифологем, эталонно-метрических элементов, топосов и нарративов. В результате активной реализации нарратива happy end, подкрепленного системой топосов и прецедентных имен, характерных для англоязычной концептосферы, учебник задействует суггестивный потенциал мягкой силы для формирования изменений на мотивационно-прагматическом уровне языковой личности обучающегося.

Ключевые слова: педагогический дискурс, прецедентный феномен, семиотика, семиология, учебник иностранного языка, культурные мифологемы, нарратив.

Для цитирования: Чикина Е. Е. Учебник иностранного языка как семиотический феномен (на материале линейки учебников «English File») / Е. Е. Чикина, В. А. Аверина // Этническая культура. 2023. Т. 5, №4. С. 68-73. DOI 10.31483/r-108013. EDN AELYPW

Review Article

Foreign language textbook as semiotic phenomenon

Elena E. Chikina^{1,a}, Valeria A. Averina^{1,b}¹The Pedagogical Institute of the Federal State-Owned State-Financed Educational Institution of Higher Professional Education “The Brothers Stoletov State University of Vladimir” Vladimir, Russian Federation.^a <https://orcid.org/0000-0003-3000-7804>, e-mail: despoyna@mail.ru^b <https://orcid.org/0009-0002-7454-9605>, e-mail: v0averina@yandex.ru

Abstract. The aim of this paper is the semiotic analysis of a foreign language textbook as a semiotic phenomenon reflecting the cognitive attitudes of its authors and aimed at forming not only external but also deep layers of the learner's linguistic personality, responsible for motivation, intents and attitudes. The material to be analysed is a popular line of EFL textbooks “English file” by British authors Ch. Latham-Koenig and C. Oxenden. The scientific novelty of the work is that for the first time a foreign language textbook is considered not as an educational and methodological text, but as an alternative reality, a dynamic complex sign, similar to the discursive space of a fiction book. The study is conducted by applying the method of contextual analysis, the method of cognitive-pragmatic analysis, and the interpretive method to the polycoded texts of EF-textbooks. The authors conclude that the semiotic complex of EF-textbooks exhibits the characteristics of an educational novel of fiction, where the learner assumes the function of a fairy-tale hero, acting in the space of English-language cultural mythologemes, reference-metric elements, topoi and narratives. As a result of active realisation of the happy end narrative, supported by the system of topoi and precedent names characteristic of the English-language conceptosphere, the textbook uses the suggestive potential of the so-called soft power to form changes at the motivational-pragmatic level of the linguistic personality.

Keywords: semiotics, semiology, pedagogical discourse, foreign language textbook, cultural mythologemes, narrative, precedent phenomenon.

For citation: Chikina E. E., & Averina V. A. (2023). Foreign language textbook as semiotic phenomenon. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 5(4), 68-73. EDN: AELYPW. <https://doi.org/10.31483/r-108013>.

Введение

Семиотика разнообразных текстовых систем является одной из наиболее актуальных и динамично развивающихся сфер филологического анализа. Одна из таких сфер – это исследования педагогического дискурса, которые, по замечанию Ю. Г. Куровской, в настоящее время с помощью языкознания, семиологии и когнитивной лингвистики оформляются в относительно

но самостоятельную область знания – педагогическую семиологию [Куровская, 2015].

Целью данной работы является семиотический анализ учебника иностранного языка. Такой учебник представляет собой особый семиотический феномен, учитывать своеобразие которого необходимо для эффективности учебного процесса. Соответственно к задачам данной работы относятся рассмотрение дис-

курсивного пространства учебника иностранного языка как создаваемую авторами для обучающегося альтернативную реальность культурных мифологем; изучение топосов и нарративов семиотического пространства учебника, а также характеристика эталонно-метрических элементов в пространстве учебника.

Традиционно учебник как совокупность структурированных дидактических материалов является объектом методического анализа. Учебник иностранного языка, по общепринятому мнению методистов, признается наиболее весомой составляющей учебного курса в целом [Anjaneyulu, 2014; Si, 2020]. Он играет важнейшую роль в сбалансированном формировании основных речевых навыков на базе актуальных языковых материалов [Santos, 2017]. Однако современный учебник иностранного языка обязан давать и социокультурную информацию, обеспечивающую вхождение учеников в орбиту иноязычной культуры.

Иноязычная культура в понимании Е. И. Пассова – это «микромодель культуры страны изучаемого языка, материализующаяся в текстах, содержащих социолингвокультурную информацию» [Пассов, 2007, с. 17]. Связь педагогического дискурса с когнитивными установками и ценностями учителя отмечается и в англоязычных исследованиях по EFL-методике преподавания иностранных языков [Li, 2023]. Иными словами, учебник транслирует иноязычные культурные коды, под которыми В. В. Красных подразумевает «сетку, которую культура “набрасывает” на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его» [Красных, 2001, с. 5]. На поверхностном семиотическом уровне анализ приведенной в учебнике социокультурной информации, включающей в себя, как правило, государственную символику, базовую топонимию, достопримечательности, исторические лица, позволяет сделать выводы о корпусе национально-маркированных символов изучаемой культуры. Кроме того, сам факт выбора того или иного культурного символа показывает его релевантность в картине мира авторов учебника. Особенно показательны результаты такого выбора, если авторы учебника являются носителями языка. В таком случае правомерно рассматривать социокультурные материалы учебника как объект семиотического анализа, поскольку в данной ситуации происходит «логико-смысловое моделирование знаний, транслируемых на естественном языке (языке обучения)» [Штейнберг, Вахидова, Давлетов, 2014].

Однако существует и более глубокий уровень проявления национально-маркированных элементов в семиотической структуре учебника иностранного языка. В первую очередь он представляет аксиологические компоненты семантики учебника, неразрывно связанные с учебно-воспитательным аспектом процесса обучения. Как отмечает М. А. Лукацкий, «педагогический дискурс – это всегда совокупность аргументативных и суггестивных средств языкового влияния» [Лукацкий, 2015]. В работах по методике преподавания иностранных языков отмечается, что учебник представляет собой актуализированную программу учебно-воспитательной работы, а состав учебных материалов в существенной степени зависит от целей и

задач образования, отражает образовательные потребности и ожидания личности и общества, подлежит государственной экспертизе [Anjaneyulu, 2014], а также определяется государственными нормативными документами на текущий период развития страны¹.

Таким образом, сознательная реализация авторами учебника поставленных методических задач в комбинации с бессознательным порой отражением ими своей повседневной жизни в коммуникативных упражнениях создают усиленный суггестивный эффект, характерный именно для учебника иностранного языка. Коммуникативная методика, согласно которой обучающийся должен научиться общаться на максимально возможное количество бытовых тем, неизбежно ведет к проекции заданных в учебнике аксиологических параметров на личность, интересы и индивидуальные особенности обучающегося. Именно этот факт отличает учебники иностранного языка от любых других.

Размышляя о роли и функции учебника иностранного языка, И. Л. Бим утверждает, что учебник моделирует учебный процесс². Продолжая эту мысль, скажем, что от языковой личности авторов учебника во многом будет зависеть формирование языковой личности обучающегося, в том числе ее мотивационного уровня, отвечающего, по Ю. Н. Караулову, за цели, мотивы, установки, интенции [Караулов, 2004, с. 37]. Следовательно, учебник иностранного языка обладает исключительным потенциалом для реализации так называемой мягкой силы.

Дж. Най определял мягкую силу как «способность привлекать к себе сердца и чувства и способность формировать желания и потребности других» (цитата по: Леонова, 2018, с. 103). Влияние мягкой силы способно кардинально влиять на ценностные ориентиры людей. Голливудское кино, например, не просто создало целостную систему культурных ценностей, но и мифологизировало историю Америки.

Помимо игрового кинематографа, который представляет собой современный подвид художественной литературы, трансляцию культурных мифов осуществляет, по нашему мнению, и учебник иностранного языка. Мы полагаем, что учебник иностранного языка не просто выполняет идентичную с художественными текстами функцию воздействия мягкой силы, но, с семиотической точки зрения, также представляет особый вид художественной литературы, создающий новую вымышленную реальность посредством слов и словесных конструкций.

Материалы и методы исследования

В данной работе анализируются семиотические особенности популярной линейки EFL-учебников ан-

1 Биболетова М. З., Трубанева Н. Н. Роль учебно-методического комплекта по иностранному языку в моделировании современной информационно-образовательной среды // Учебник в современной информационно-образовательной среде / под редакцией И. Н. Добротиной, Ж. Н. Критаровой, И. В. Усковой. Москва : Институт стратегии развития образования Российской академии образования, 2018. 1 CD-ROM. Заглавие с титульного экрана. Текст. Изображение. Устная речь : электронные.

2 Бим И. Л. Теория и практика обучения немецкому языку в средней школе. Москва : Просвещение, 1988. 254 с.

глийского языка «English File», основными авторами которой являются Кр. Латхам-Коениг и К. Оксенден³. В работе ссылки на конкретные книги указанной линейки оформляются условно в виде упоминания первого слова уточняющей части названия с добавлением аббревиатуры EF, например: под «Beginner EF» подразумевается книга «English File: beginner student's book».

Комплекс учебников «English File» (далее EF), как и другие EFL-учебники, ориентированы на людей, нуждающихся в английском языке для обучения в англоязычных странах, работы в англоязычных компаниях, путешествий по миру.

Исследование проведено путем применения к поликодовым текстам EF-учебников методов контекстного, когнитивно-прагматического анализа, в работе такое применяется интерпретационный подход.

Результаты исследования и их обсуждение

В семиотическом пространстве линейки EF-учебников мифологема реализуются в следующих аспектах.

1. *Функция сказочного героя.* Отличительной чертой EF-учебника является необходимость для учащегося не просто выполнить задания, а приложить их к себе, спроецировать на свою жизнь реалии культурных кодов, поведенческие привычки и стереотипы, бессознательно заложенные авторами. Результат выполнения заданий учебника – не просто усвоение новой информации, но изменение языковой личности обучающегося. Таким образом, работа с EF-учебником представляет собой, по определению В. А. Миловидова, «динамический аспект поэтики» данного текста, что входит в сферу актуальных интересов современной филологии [Миловидов, 2016, с. 44]. Однако суггестивное воздействие учебника не просто ограничивается эмоционально-эстетическим импульсом и формированием личностных установок, как это происходит при чтении художественно литературы (ср.: Никифорова, 1972, с. 134–136).

В данном случае, согласно классификации В. Я. Проппа [Пропп, 1969, с. 76], сам учащийся выполняет функцию сказочного героя. При работе с EF-учебником человек покидает свой родной лингвокультурный мир и оказывается в чужой реальности; вынужден выполнять задания и преодолевать препятствия. Наградой за преодоление препятствий является возможность работы (учебы, жизни) в англоязычных странах, что ассоциируется с повышением социального и финансового статуса. Поход на чужбину, борьба с трудностями, преодоление препятствий, финальное повышение статуса – это типичные признаки героя волшебной сказки. Сам учебник – это волшебный артефакт, полученный им от авторов-помощников. Поэтому степень погруже-

ния обучающегося в реальность учебника приближается к эффекту современной компьютерной игры, где герой в ходе преодоления препятствий улучшает свои навыки выживания и получает новые дары и способности, в том числе выраженные материально.

2. *Стандартные топосы и метанарративы.* В EF-учебнике главный герой, он же обучающийся, погружается в продуманную последовательность сюжетно-мотивного фонда. Сама подборка лексических тем свидетельствует об их важности не только с методологической, но и с семиотическо-лингвокультурологической точки зрения, их месте в картине мира авторов учебника.

Анализ линейки учебников «English file» 3rd Edition показывает, что в EF-учебниках всех уровней повторяются следующие темы: знакомство, путешествие, семья, хобби, спорт. Значительная часть EF-учебных курсов также обращается к темам развлечений и работы. Таким образом складывается общая для всех уровней EF-учебников схема взаимодействия героя с миром. Это взаимодействие происходит путем реализации повторяющихся во всех EF-учебниках стандартных топосов. По определению В. Ю. Прокофьевой, «топосами называют, во-первых, значимое для художественного текста (или группы художественных текстов – направления, эпохи, национальной литературы в целом) “место разворачивания смыслов”, которое может коррелировать с каким-либо фрагментом (или фрагментами) реального пространства, как правило, открытым. Во-вторых – набор устойчивых речевых формул, а также общих проблем и сюжетов, характерных для национальной литературы» [Прокофьева, 2005, с. 89].

Герой оказывается в Великобритании, позиционирует себя в качестве иностранца, заполняет в офисе или интернете документы, заводит многочисленные контакты – рабочие, дружеские, романтические. С новыми знакомыми он посещает кафе и магазины, знаковые достопримечательности Лондона, с ностальгией вспоминает о семье и родине, живет в гостинице, путешествует по наиболее популярным туристическим местам мира, занимается спортом, читает книги и смотрит фильмы.

Соотношение темы и отдельных уроков на развитие различных языковых компетенций соответствует в EF-учебниках соотношению сюжета и мотива. Как отмечает С. Ю. Неклюдов, «чем проще и короче сюжет, тем сильнее сокращается дистанция между ним и мотивом» [Неклюдов, 2004, с. 237]. Очевидно, семиотическое пространство EF-учебника актуализирует сюжет, который может быть разделен на более мелкие части – уроки, в которых мотив сплетается с сюжетом, реализуясь в стандартных топосах создаваемой в пространстве EF-учебника картины мира.

Интересно, что связь топосов как проявление взаимодействия сюжета и мотива в текстах EF-учебников проявляет признаки как синтагматической, так и парадигматической природы. По замечанию С. Ю. Неклюдова, «сюжет и мотив обладают различным качеством: если в основе сюжета лежит синтагматическая структура, то мотив по природе своей парадигматичен; если сюжет следует считать прежде всего формальной кате-

³ Latham-Koenig Ch., Oxenden C. English file: beginner student's book. 3rd Edition. Oxford University Press, 2014. 135 p.; Latham-Koenig Ch., Oxenden C., Seligson P. New English file: elementary student's book. 2004. 160 p.; Latham-Koenig Ch., Oxenden C., Seligson P. New English file: pre-intermediate student's book. 2012. 168 p.; Latham-Koenig Ch., Oxenden C. New English file: intermediate student's book. 2006. 160 pp.; Latham-Koenig Ch., Oxenden C. New English file: Upper-Intermediate student's book. 2012. 160 p.; Latham-Koenig Ch., Oxenden C., Lambert J. New English file: advanced student's book. 2015. 175 p.

горией, то мотив является категорией содержательной» [Неклюдов, 2004, с. 241].

Рассмотрим синтагматику различных EF-учебников в аспекте развязки приведенного выше стандартного сюжета. Развязка сюжета EF-учебника актуализируется в последней его теме. При этом в EF-учебниках всех уровней наблюдается классический для голливудской мифологии *happy end*.

Жизненный успех в учебниках «Beginner EF» и «Elementary EF» находит выражение в путешествии героев в Италию. Учебник «Pre-intermediate EF» завершается романтическим предложением руки и сердца. Учебник «Intermediate EF» рассказывает в своем финале о сказочном выигрыше героя в лотерею. Учебник «Upper-Intermediate EF» показывает, как герой основывает свою компанию. И, наконец, учебник «Advanced EF» показывает в финале сцену чаепития героя, ставшего «Very important person», с английской королевой и получение им «Certificate of naturalisation» Соединенного Королевства. Таким образом, в развязке сюжетных линий EF-учебников реализуются метанарратив для героя-обучающегося – счастливая, увлекательная, обеспеченная жизнь в почетном статусе эмигранта в Великобританию.

Парадигматика мотивов в текстах EF-учебников проявляется в особенностях реализации одного и того же мотива в учебниках разных уровней. Рассмотрим, например, подачу темы «Знакомство» в парадигматической структуре EF-учебников. Этот мотив стабильно появляется в завязке сюжета каждого учебника, а в учебниках уровней Beginner, Elementary и Pre-Intermediate тема знакомства четко структурирована, выделяясь в соответствующие отдельные разделы.

Разумеется, с точки зрения методики, очевидно, что начинать изучение иностранного языка целесообразно с темы «Знакомство», которая включает в себя как самопрезентацию главного героя, так и умение узнавать информацию о собеседнике. Однако топосы при реализации данного мотива различаются. Это различие актуализируется в их визуальной и мотивационной реализации.

Так, в учебнике «Beginner EF» ситуация знакомства в неформальной обстановке представлена в рамках топосов «Кафе» и «Вечеринка». Инфографика учебника при этом показывает людей, знакомящихся в данных локациях, которые носят маски голливудских знаменитостей. В учебнике «Elementary EF» тема неформального знакомства реализована в рамках топосов «Улица», «Офис», «Самолет». Социальное варьирование возможностей знакомства, таким образом, расширяется. Объединяет тему «Знакомство» в учебниках «Beginner EF» и «Elementary EF» мотив обмена телефонами и мотив позиционирования своей этнической принадлежности.

В учебнике «Pre-Intermediate EF» тема знакомства не подкреплена инфографикой или другими поликодовыми инструментами. Знакомство интерпретируется здесь как саморепрезентативные монологи, включающие мотив хобби, интересов и увлечений, а также диалогический обмен информацией о своих интересах и увлечениях.

В учебнике «Intermediate EF» завязка сюжета базируется на теме «Еда». Таким образом, самопрезентация героя связана здесь с его гастрономическими предпочтениями.

В учебнике «Upper-Intermediate EF» аналогичная реализация топоса «Знакомство» совмещена с топосом «Интервью журналисту». Обучающимся предлагается ролевая игра в паре, где вопросы должны раскрыть индивидуальные особенности личности интервьюируемого. В учебнике «Advanced EF» самопрезентация в топосе «Знакомство» реализуется на базе семейных и этнических корней обучающегося. Кроме того, здесь присутствует тест «What's your personality?», направленный на описание психологического портрета личности.

Таким образом, парадигматика топоса «Знакомство» в семиотической структуре EF-учебников включает в себя на поверхностном уровне неформальное знакомство в локусах «Кафе», «Вечеринка», «Улица», «Офис» с мотивом обмена телефонами и этнической самоидентификацией, далее активизируется и узнается внешний уровень личности – хобби и увлечения. Отдельно и особо акцентируются гастрономические пристрастия и традиционные установки героя, которые, очевидно, представляют собой важный аспект характеристики личности. Затем знакомство начинает взаимодействовать в рамках определенных социальных ролей. И лишь на последнем этапе знакомство предполагает погружение во внутренний мир другого человека. В совокупности все перечисленные выше аспекты должны полностью раскрывать личность человека в топосе «Знакомство». Как представляется, подобная парадигматика отражает метанарратив о релевантности раскрытия тех или иных аспектов личности в концептосфере авторов EF-учебников, а, следовательно, и в британской картине мира.

Эталонно-метрические элементы. При выполнении заданий герой-обучающийся сравнивает себя и нормы своей жизни с актуализированными в учебнике культурными идеалами. На страницах линейки EF-учебников во множестве представлены не только поведенческие и ментальные стереотипы англоязычной концептосферы, но и прецедентные феномены глобализированной англоязычной культуры.

Как представляется, сопоставление героя-обучающегося с прецедентными именами имеет исключительно высокий суггестивный потенциал, поскольку в данном случае иницируется процесс сознательного или бессознательного подражания реальным или вымышленным личностям, авторитет которых благодаря воздействию мягкой силы исключительно высок.

Прецедентные имена, активизирующиеся в EF-учебниках, включают в себя в первую очередь актеров, представителей шоу-бизнеса и модельного бизнеса, спортсменов и героев популярных фильмов. Медийные фигуры, включенные в соответствующий сюжетный контекст, воздействуют на аксиологический код обучающегося, привнося или закрепляя изменения на мотивационном уровне его языковой личности. В сознании обучающегося закрепляется идеальная модель жизни и жизненного успеха, базирующаяся на мифологемах современной глобализированной культуры.

Рассмотрим тему «Знакомство» с точки зрения активации в сюжете прецедентных феноменов. В учебнике «Beginner EF» инфографика темы «Знакомство» использует прецедентные имена А. Джоли, С. Баллок и Дж. Клуни. В учебнике «Elementary EF» тема неформального знакомства реализована на базе прецедентных имен П. Крус, Г. Пелтроу, Оби ван Кеноби из фильма «Звездные войны» Дж. Лукаса. В учебнике «Advanced EF» в теме «Self-portrait» представлена инфографика знаменитых людей, среди которых Фрида Кало.

В рамках сюжетной линии учебника определенного уровня прецедентные имена могут активироваться как в концептуальной связи с нарративными ходами сюжета, так и с мотивами отдельных уроков.

Например, в учебнике «Beginner EF» прецедентные имена Р. Кроу, Б. Питта и Леди Гаги появляются в связи с нарративом «Знаменитые люди», формируя соответствующие аксиологические установки у обучающегося. В теме «Работа» при перечислении элементарных профессий среди элементов инфографики появляется кадр из фильма «Дьявол носит Прада», тем самым формируя в сознании обучающегося стереотип бизнеса моды как престижной и прибыльной деятельности, а также активируя на базе прецедентного текста фильма аксиологические установки социально-поведенческих норм. В учебнике «Elementary EF» этот же нарратив «Знаменитые люди» актуализируется через других представителей глобального англоязычного шоу-бизнеса – У. Смита, Н. Кэмпбелл, А. Бандераса, К. Уинслет и пр.

В рамках мотивов как формально-содержательных компонентов урока, обычно грамматических, также могут активироваться прецедентные имена. Например, в учебнике «Beginner EF» тема обозначения времени иллюстрируется фотографией футболиста Лионеля Месси, а в учебнике «Elementary EF» введение и закрепление наиболее частотных прилагательных сопровождается постером знаменитого фильма «Красотка» с Р. Гиром и Дж. Робертс.

Заключение

Семиотическая структура учебников иностранного языка «English File» как сложного семиотического ком-

плекса проявляет черты произведения художественной литературы. Синтагматика учебника подразумевает развитие личности обучающегося, как это происходит с героем воспитательного романа. Формирование языковой личности обучающегося обусловлено реализацией в пространстве учебника следующих культурных мифологем: 1) обучающийся принимает на себя функцию сказочного героя, проходящего испытания в рамках заданного сюжета. Таким образом учебник «English File» представляет собой сказочно-фэнтезийное интерактивное пространство, воспроизводящее голливудскую мифологему *happy end*. В этом состоит главная семиотическая специфика данного учебника иностранного языка; 2) сюжет каждого учебника линейки «English File» базируется на стандартных топосах, коррелирующих с реальным пространством англоязычной культуры, создавая стереотипную схему взаимодействия личности с окружающим миром; 3) прецедентные феномены англоязычного шоу-бизнеса задают эталонно-метрическую матрицу мифологем *usnux* и *happy end*, воздействующую на мотивационно-прагматический уровень языковой личности обучающегося.

Суггестивное воздействие учебника на языковую личность обучающегося формирует не только его языковые навыки и компетенции, но и аксиологические аспекты его концептосферы, реализуя воздействие мягкой силы в межкультурном взаимодействии. Как представляется, это приближает EFL-учебник английского языка к литературному жанру воспитательного романа, призванного сформировать нравственные и социальные аспекты личности читателя. Специфика учебника соединяет читателя-обучающегося и главного героя произведения в единый динамический феномен, как это происходит в компьютерных RPG-играх, что еще более усиливает эффект воздействия.

Учет подобных особенностей специфики семиотического пространства учебника иностранного языка необходим для эффективной реализации воспитательных аспектов отечественных учебников иностранного языка с учетом современных программных требований. Дальнейшая разработка этой проблемы открывает обширное и перспективное поле исследований в рамках педагогической семиологии.

Список литературы

- Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Москва: УРСС, 2004. 261 с. EDN [QQZCOB](#)
- Красных В. В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // Язык, сознание, коммуникация. Москва : МАКС Пресс, 2001. Выпуск 19. С. 5–19.
- Куровская Ю. Г. Языкознание и когнитивная лингвистика как инструменты анализа особенностей педагогического дискурса // Ценности и смыслы. 2015. № 6. С. 65–77. EDN: [VFZIDH](#).
- Леонова О. Г. Джозеф Най и «мягкая сила»: попытка нового прочтения // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 1. С. 101–114. EDN: [YPLPTX](#).
- Лукацкий М. А. Педагогическая семиология: контуры становления // Ценности и смыслы. 2015. № 6. С. 56–64. EDN: [VFZICN](#).
- Миловидов В. А. Семиотика литературно-художественного дискурса. Москва : Буки Веди, 2016. 172 с. EDN [WDLQRF](#)
- Неклюдов С. В. Мотив и текст // Язык культуры: семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996), 2004. С. 236–247.
- Никифорова О. И. Психология восприятия художественной литературы. Москва : Книга, 1972. 152 с.
- Пассов Е. И. Содержание иноязычного образования как методическая категория // Иностранные языки в школе. 2007. № 6. С. 13–23. EDN [JXAYML](#)
- Прокофьева В. Ю. Категория пространство в художественном преломлении: локусы и топосы // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2005. № 11. С. 87–94.

Пропп В. Я. Морфология сказки. Москва : Наука, 1969. 168 с.

Штейнберг В. Э., Вахидова Л. В., Давлетов О. Б. Дидактическое моделирование: дидактическая многомерная технология и персонафицированная информационно-образовательная среда // Образование и наука. 2014. № 4. С. 69–90. EDN: [QIQDSC](#).

Anjaneyulu T. A critical analysis of the English language textbooks in Andhra Pradesh, India // International association of research in foreign language education and applied linguistics. *ELT Research Journal*. 2014. № 3. P. 181–200.

Li Li. Cognition-in-interaction: A discursive psychological perspective of novice language teacher cognition // *Teaching English as a second language electronic journal*. 2023. № 27. DOI: [10.55593/ej.27106s2](https://doi.org/10.55593/ej.27106s2)

Santos L. M. Evaluation of a foreign language textbook used in the Greater Boston Region: An evaluation of a Japanese as a foreign language textbook // *International research in education*. 2017. Volume 5, № 1. P. 152–161. DOI: [10.5296/ire.v5i1.10191](https://doi.org/10.5296/ire.v5i1.10191).

Si J. An analysis of business English coursebooks from an ELF perspective // *ELT Journal*. 2020. Volume 74. P. 156–165. DOI: [10.1093/elt/ccz049](https://doi.org/10.1093/elt/ccz049).

References

Karaulov, Iu. N. (2004). *Russkii iazyk i iazykovaia lichnost'*, 261. Moskva: URSS. EDN: [QQZCOB](#).

Krasnykh, V. V. (2001). *Kody i etalony kul'tury (priglasenie k razgovoru)*. *Iazyk, soznanie, kommunikatsiia*, k19.

Kurovskaia, Iu. G. (2015). Linguistic and cognitive-linguistic instrumentation of pedagogical discourse analysis. *Values and Meanings*, 6, 65-77. EDN: [VFZIDH](#).

Leonova, O. G. (2018). Josef Nye and “soft power”: an attempt to read it again. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniia*, 1, 101-114. EDN: [YPLPTX](#).

Lukatskii, M. A. (2015). Teaching semiology: the contours of the formation. *Values and Meanings*, 6, 56-64. EDN: [VFZICN](#).

Milovidov, V. A. (2016). *Semiotika literaturno-khudozhestvennogo diskursa.*, 172. Moskva: Buki Vedi. EDN: [WDLQRF](#).

Nekliudov, S. V. (1923). *Motiv i tekst. Iazyk kul'tury: semantika i grammatika*, 236-247.

Nikiforova, O. I. (1972). *Psikhologiya vospriiatiia khudozhestvennoi literatury.*, 152. Moskva: Kniga.

Passov, E. I. (2007). *Soderzhanie inoiazychnogo obrazovaniia kak metodicheskaia kategoriia. Inostrannye iazyki v shkole*, 6, 13-23. EDN: [JXAYML](#).

Prokof'eva, V. Iu. (2005). The Category of Space in The Artistic Refraction: Locus and Topos. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 11, 87-94.

Propp, V. Ia. (1969). *Morfologiya skazki.*, 168. Moskva: Nauka.

Shteinberg, V. E., Vakhidova, L. V., & Davletov, O. B. (2014). Didactic Modeling: Didactic Multilevel Technology and Personified Informational Educational Environment. *The Education and Science Journal*, 4, 69-90. EDN: [QIQDSC](#).

Anjaneyulu, T. (2014). A critical analysis of the English language textbooks in Andhra Pradesh, India. *International association of research in foreign language education and applied linguistics*, 3, 181-200.

Li, Li. (2023). Cognition-in-interaction: A discursive psychological perspective of novice language teacher cognition. *Teaching English as a second language electronic journal*, 27. <https://doi.org/10.55593/ej.27106s2>

Santos, L. M. (2017). Evaluation of a foreign language textbook used in the Greater Boston Region: An evaluation of a Japanese as a foreign language textbook. *International research in education*, ume 5(1), 152-161. <https://doi.org/10.5296/ire.v5i1.10191>

Si, J. (2020). An analysis of business English coursebooks from an ELF perspective. *ELT Journal*, ume 74, 156-165. <https://doi.org/10.1093/elt/ccz049>

Информация об авторах

Чикина Елена Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент, Педагогический институт Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, г. Владимир, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3000-7804>;
ResearcherID: [GRS-0600-2022](https://orcid.org/GRS-0600-2022)
e-mail: despoyna@mail.ru

Аверина Валерия Андреевна – магистрант, Педагогический институт Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, г. Владимир, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-7454-9605>;
e-mail: v0averina@yandex.ru

Information about the authors

Elena E. Chikina – Cand. Sci. (Phil.), The Pedagogical Institute of the Federal State-Owned State-Financed Educational Institution of Higher Professional Education “The Brothers Stoletov State University of Vladimir”, Vladimir, Russian Federation.
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3000-7804>;
ResearcherID: [GRS-0600-2022](https://orcid.org/GRS-0600-2022)
e-mail: despoyna@mail.ru

Valeria A. Averina – graduate student, The Pedagogical Institute of the Federal State-Owned State-Financed Educational Institution of Higher Professional Education “The Brothers Stoletov State University of Vladimir”, Vladimir, Russian Federation.
ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-7454-9605>;
e-mail: v0averina@yandex.ru

Поступила в редакцию 02.10.2023
Принята к публикации 25.11.2023
Опубликована 18.12.2023

Received 02 October 2023
Accepted 25 November 2023
Published 18 December 2023

**Рецензия на: Фомин Э. В., Ерина Т. Н.
Русский язык в иноязычном окружении:
чебоксарский региолект. Чебоксары:
Издательство Чувашского университета, 2023. 167 с**

<https://doi.org/10.31483/r-108361>
УДК [811.161.1+811.512.111]27

Садова Т. С.

Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0002-6232-3433>, e-mail: tatsad_90@mail.ru

Для цитирования: Садова Т. С. Рецензия на: Фомин Э. В., Ерина Т. Н. Русский язык в иноязычном окружении: чебоксарский региолект. Чебоксары: Издательство Чувашского университета, 2023. 167 с // Этническая культура. 2023. Т. 5, №4. С. 74-76. DOI 10.31483/r-108361. EDN AAVDFX

Review

**Review of: Fomin E. V., Erina T. N. Russian language in a
foreign language environment:
Cheboksary regiolect. Cheboksary :
Chuvash university publishing house, 2023. 167 p**

Tatiana S. Sadova

St Petersburg University,
Saint Petersburg, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0002-6232-3433>, e-mail: tatsad_90@mail.ru

For citation: Sadova T. S. (2023). Review of: Fomin E. V., Erina T. N. Russian language in a foreign language environment: Cheboksary regiolect. Cheboksary : Chuvash university publishing house, 2023. 167 p. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 5(4), 74-76. EDN: AAVDFX. <https://doi.org/10.31483/r-108361>

Рецензируемая монография затрагивает многоаспектную тему, входящую в круг остро обсуждаемых в современном мире полиязычия и неуклонной нивелировки миноритарных языков под давлением набирающей обороты глобализации – экономической, культурной, языковой и т. д.

Работа базируется на многолетних наблюдениях авторов за речью жителей г. Чебоксары. Промежуточные результаты исследовательского проекта были опубликованы в виде статей в научной периодике (см., например: Ерина, Фомин, 2018; Ерина, Фомин, 2019; Фомин, 2019; Фомин, Ерина, 2019).

Региолект как сложное, многослойное речевое / языковое явление с его напластованиями разных эпох и онтологий, сосредоточенный в столице одной из национальных республик Среднего Поволжья, в городе Чебоксары, – таков предмет научной работы Э. В. Фомина и Т. Н. Ериной. И этот предмет, и заявленный аспект исследования (ортологический), и хорошо продуманный комплекс научных методов, включающий как традиционно лингвистические, так и новые прагматические подходы (интервьюирование, статистические и исчислительные приемы), – все это заслуживает всяческих похвал и одобрения, а сама работа безусловно может быть квалифицирована как актуальная и полезная.

Э. В. Фомин и Т. Н. Ерина собрали интереснейший для лингвистических наблюдений материал, причем

основанный преимущественно на корпусе живых интервью – причем как носителей чебоксарского региолекта, так и приезжих, чья речевая рефлексия, по верному замечанию авторов монографии, позволяет более ярко и «выпукло» продемонстрировать разноуровневые особенности речи чебоксарцев.

Разумеется, анкетирование как метод сбора материала, потребовал от авторов исследования серьезной проработки содержания и состава вопросов анкеты, адресованной различным по социальному, культурному, возрастному и иным статусам респондентам. Вместе с тем в этой области предстоит еще многое сделать. Очевидно, имеет смысл предметно «заточить» опросные материалы по цели научного изыскания. Это можно сделать без ущерба для приема живого общения с интервьюируемым, на чем справедливо настаивают авторы монографии. Совершенно понятно и то, что при опросе приезжих в Чебоксары, при котором выявляются яркие, наиболее заметные черты чебоксарского региолекта с их точки зрения, следует внимательно отнестись к речевым чертам того региона, откуда родом приезжий.

Э. В. Фомин и Т. Н. Ерина – судя по списку приложенной к рукописи библиографии – в известной степени пионеры предложенной темы, что обеспечивает рецензируемому труду все признаки инициативной и во многом новаторской лингвистической работы, масштабы и перспективы которой бесспорно многообе-

щающие. Так, совершенно очевидно, что чебоксарский региолект в части «присутствия» в нем татарского, марийского и других языков, особенно в местах компактного проживания представителей этих народов, требует дальнейших, еще более тонких и более тщательных исследований, о чем в монографии есть интереснейшие предварительные замечания.

Несомненным достоинством работы следует считать и присутствие в ней уже созданного авторами проекта словаря чебоксаризмов. Этот лексикографический труд действительно редкое явление в современной русской лексикографии. На фоне многочисленных региональных словарей народных говоров городские регионализмы находят свое отражение в немногих специальных изданиях, например, в известном собрании исследовательского коллектива Омского государственного университета «Лексикографическое описание народно-разговорной речи современного города» [Осипов, Боброва, Имедадзе, Кривокубова, Одинцова, Юнаковская, 1994].

Заслуживает отдельного внимания раздел рецензируемой монографии, посвященный топонимии, урбонимии столицы Чувашии. В нем и этимологические, и социально-культурные, и историко-этнографические рассуждения очень содержательны, по-настоящему ценны и познавательны и, как кажется, имеют серьезный педагогический заряд. Поэтому в адресации

книги, помимо «специалистов, занимающихся проблемами социолингвистики, контактологии, ортологии», думается, можно смело указать и педагогическое сообщество города, республики. Не только в этой части, но и в других разделах монографии содержится богатейший языковой материал, способный стать основой для полезнейших бесед с учениками школ (и других учебных заведений) по «живому» лингвокраеведению.

Важным представляется введение рецензируемой монографии в широкий научный контекст по теме межъязыкового взаимодействия, взаимовлияния в рамках национальных республик Российской Федерации. Термин «региолект», авторы совершенно правы, относительно нов, но о явлениях «речевого сотрудничества» (культурного, конфессионального, географического и т. д.) языков, в том числе в республиках Поволжья, ведется живейшая научная дискуссия, причем давняя, имеется значительная исследовательская литература [Низамова, 2022; Поздеев, 2021; Смерть, 2020; Сибатрова, 2006].

Сказанное в полной мере означает, что перед нами – творческое исследование на актуальную, полезную во многих отношениях тему. Монографию следует признать ценным трудом для лингвистического регионоведения и контактной русистики, а также лингвокраеведения.

Список литературы

- Ерина Т. Н., Фомин Э. В. Ортологический аспект изучения речи чебоксарцев // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2019. № 3. С. 34–39. DOI: [10.26293/chgpu.2019.103.3.005](https://doi.org/10.26293/chgpu.2019.103.3.005). EDN: [FDKJQC](https://www.edn.ru/entry/1033005)
- Ерина Т. Н., Фомин Э. В. Экстралингвистические факторы функционирования чебоксарского региолекта // Русский язык в условиях би- и полилингвизма. Киров, 2018. С. 49–52. EDN: [UPENFS](https://www.edn.ru/entry/1033005)
- Низамова Л. Р. Многоязычие и «третьи» языки в массовом сознании жителей Республики Татарстан // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 1. С. 328–347. DOI: [10.14515/monitoring.2022.1.1729](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.1.1729). EDN: [LGIQGG](https://www.edn.ru/entry/1033005)
- Осипов Б. И., Боброва Г. А., Имедадзе Н. А., Кривокубова Г. А., Одинцова М. П., Юнаковская А. А. Лексикографическое описание народно-разговорной речи современного города. Омск : Омский государственный университет, 1994. 143 с. EDN: [TBXOOI](https://www.edn.ru/entry/1033005)
- Поздеев И. Л. Марийцы Удмуртии: факторы сохранения традиционной культуры в современных условиях // Научный диалог. 2021. № 12. С. 380–395. DOI: [10.24224/2227-1295-2021-12-380-395](https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-12-380-395). EDN: [WCDAPK](https://www.edn.ru/entry/1033005)
- Смерть языка – смерть народа? Языковые ситуации и языковые права в России и сопредельных государствах. Москва : Институт этнологии и антропологии РАН, Телеком, 2020. 260 с.
- Сибатрова С. С. О языковой ситуации и функционировании марийского языка в Республике Марий Эл // Проблемы и перспективы функционирования родных языков. Ижевск, 2006. С. 36–43.
- Фомин Э. В., Ерина Т. Н. Маркеры чебоксарского региолекта русского языка // Ашмаринские чтения. Чебоксары, 2019. С. 59–61. EDN: [CMADDV](https://www.edn.ru/entry/1033005)
- Фомин, Э. В. Языковая ситуация в г. Чебоксары / Э. В. Фомин // Казанская наука. 2019. № 9. С. 61–64. EDN: [LNXSOM](https://www.edn.ru/entry/1033005)

References

- Erina, T. N., & Fomin, E. V. (2019). Orthological aspect of the study of speech of Cheboksary natives. *I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*, 3, 34-39. EDN: [FDKJQC](https://www.edn.ru/entry/1033005). <https://doi.org/10.26293/chgpu.2019.103.3.005>
- Erina, T. N., & Fomin, E. V. (2018). Ekstralingvističeskie faktory funktsionirovaniia cheboksarskogo regiolekta. *Russkii iazyk v usloviakh bi- i polilingvizma*, 49-52. EDN: [UPENFS](https://www.edn.ru/entry/1033005).
- Nizamova, L. R. (2022). Multilingualism and “third” languages in the mass consciousness of residents of the Republic of Tatarstan. *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, 1, 328-347. EDN: [LGIQGG](https://www.edn.ru/entry/1033005). <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.1.1729>
- Osipov, B. I., Bobrova, G. A., Imedadze, N. A., Krivozubova, G. A., Odintsova, M. P., & Iunakovskaia, A. A. (1994). *Leksikograficheskoe opisanie narodno-razgovornoj rechi sovremennogo goroda*. 143 s. Omsk: Omskii gosudarstvennyi universitet. EDN: [TBXOOI](https://www.edn.ru/entry/1033005).

- Pozdeev, I. L. (2021). Mari of Udmurtia: factors of preserving traditional culture in modern conditions. *Nauchnyi dialog*, 12, 380-395. EDN: WCDAPK. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-12-380-395>
- (2020). Smert' iazyka., 260. Telekom.
- Sibatova, S. S. (2006). O iazykovoii situatsii i funktsionirovanii mariiskogo iazyka v Respublike Marii El. *Problemy i perspektivy funktsionirovaniia rodnykh iazykov*, 36-43.
- Fomin, E. V., & Erina, T. N. (2019). Markery cheboksarskogo regiolekta russkogo iazyka. *Ashmarinskie chteniia*, 59-61. EDN: CMADDV.
- Fomin, E. V. (2019). Language situation in Cheboksary. *Kazan science*, 9, 61-64. EDN: LNXSOM.

Информация об авторе

Садова Татьяна Семеновна – доктор филологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация.
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6232-3433>;
e-mail: tatsad_90@mail.ru

Information about the author

Tatiana S. Sadova – Dr. Sci. (Phil.), St Petersburg University, St Petersburg, Russian Federation.
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6232-3433>;
e-mail: tatsad_90@mail.ru

Поступила в редакцию 21.10.2023
Принята к публикации 08.11.2023
Опубликована 20.12.2023

Received 21 October 2023
Accepted 08 November 2023
Published 20 December 2023